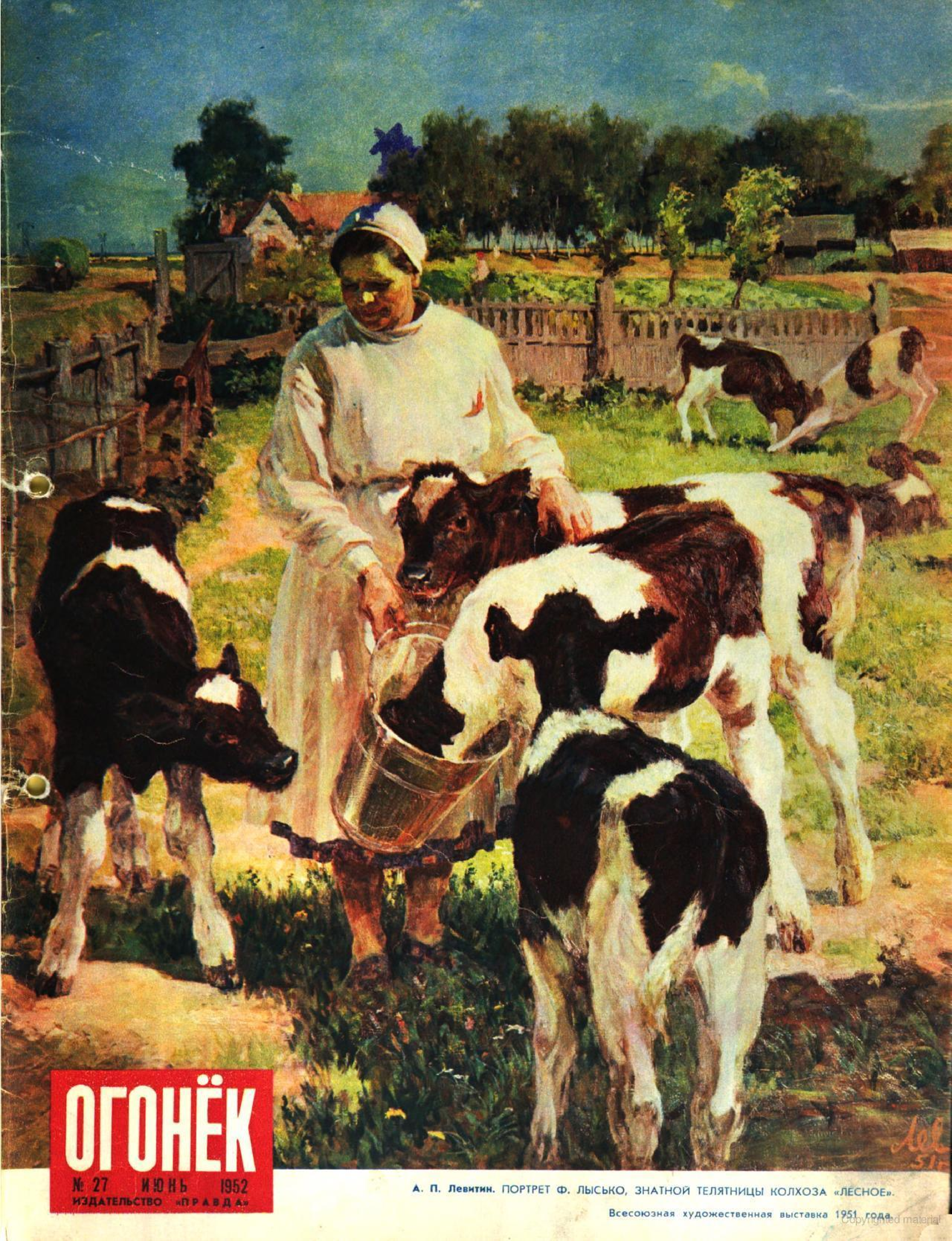

ОГОНЁК
№ 27 ИЮНЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А. П. Левитин. ПОРТРЕТ Ф. ЛЫСЬКО, ЗНАТНОЙ ТЕЛЯТНИЦЫ КОЛХОЗА «ЛЕСНОЕ».

Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

ВСЕНАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

Исполнилось 90 лет со дня основания Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

Огромны ее книжные богатства. До пятнадцати миллионов томов на 160 языках хранятся в фондах Ленинской библиотеки. Свыше двухсот километров длины имеют полки хранилищ ее книжных и рукописных фондов.

В вагонетках электрической дороги книги доставляются из основного хранилища в заполненные с утра до вечера читальные залы. Здесь можно увидеть читателей всех возрастов: от школьника, поглощенного чтением новой книги, до седовласого академика. В залах трудятся над книгой студенты-дипломанты, новаторы производства, ученые всех специальностей, работники всех профессий... Пять тысяч посетителей в день — цифра неслыханная ни в одной национальной библиотеке мира. Ленинская библиотека стала подлинно всенародной: не только москвичи, но и читатели других библиотек в разных концах Советского Союза могут получить нужную им книгу из фондов Библиотеки имени В. И. Ленина через междубиблиотечный абонемент.

НА СНИМКАХ:

Вверху: один из двенадцати читальных залов библиотеки — зал физико-математических и технических наук.

Разрушение книги от времени в библиотеке предотвращают специалисты-реставраторы, разработавшие для этой цели сложную технику гигиены книги. **На нижнем левом снимке:** работа в отделе гигиены и реставрации Библиотеки имени В. И. Ленина.

Редкие и малоэкземплярные издания микрофильмируются. Тексты книг, заснятые на кинопленку, просматриваются посетителями в кабинете для чтения микрофильмов.

На нижнем правом снимке: фотографирование книг в отделе микрофильмирования.

Фото С. Фридлянда

На последней странице обложки: якутский пейзаж.

Фото А. Савина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 27 (1308)

29 ИЮНЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МАЯК ПЯТИ МОРЕЙ

В устье Волго-Донского канала, на берегу Цимлянского моря, высится маяк, украшенный рострами.

В н и з у: на рейде Калачевского порта собрались суда перед выходом в Цимлянское море.

(Репортаж «Маяк пяти морей» см. в номере)

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Александр РЕКЕМЧУК

Не так уж часто путешествуют железнодорожники. У паровозного машиниста — свой участок, свое «плечо», изученное досконально, знакомое до мелочей. А Тоня Ильченко — смазчица по профессии. Каждый день она провожает в далекий путь десятки поездов, но сама еще ни разу не покидала Красный Лиман. Зато какой удивительный это город!

Едва весеннее солнце растопит иней на ветвях яблонь и вишен, они, о чем-то пошептавшись с ветром, в одно прекрасное утро снова станут белыми, как снег: зацвели сады на Украине.

Сначала можно предположить, что в Красном Лимане живут одни садоводы: за каждой хатой — сад, в каждом саду орудует лопатой человек. Но, заметьте, у этого человека обязательно окажется или зеленый кант на брюках, или фуражка с бархатным околышем, или пуговицы с молоточками...

В Красном Лимане живут железнодорожники. День и ночь над городом плывут паровозные гудки. А поближе к станции земля так основательно пропиталась мазутом, что дождевая вода собирается на ней в бисерные капельки.

Через Красный Лиман идут составы на Волго-Дон, идут составы на Сталинградскую ГЭС, идут угольные эшелоны с Донбасса. Везут тракторы из Харькова. Мчатся курортники в Сочи. Словом, станционная смазчица Тоня Ильченко многое знает о жизни Советской страны, хотя ездить ей довелось лишь на пригородном поезде.

Дочь стрелочника, она два года назад тоже пришла работать на транспорт. В отделе кадров спросили:

— Хочешь в вагонное депо?

Девушка отрицательно мотнула головой.

— Не хочу... Вагонников ругают часто. Батька говорил, у них буксы горят...

Начальство посмеялось, а Тоню Ильченко все-таки определили в вагонное депо, в смену старшего осмотрщика вагонов Андрея Тимофеевича Щебликина.

— До Щебликина? Ще краше, — скептически заметила ее подружка Нина Баштовая. — Вин, кажуть, злый, як та хмара. Девчатам не дозволяет даже на гулянку в своих платьях ходить — в форме обязательно...

Но старший осмотрщик Андрей Щебликин оказался моложавым, постоянно улыбающимся, хлопотливым и добрым человеком. Тоню Ильченко он почему-то сразу окрестил «птичкой».

— Вот вам, Екатерина Архиповна, новая ученица, — представил он Тоню станционной смазчице Павленко.

Смазчица внимательно оглядела девушку: «Красивая. Как-то в работе будет?» Кивнула головой, сказала:

— Денек — другой походи за мной следом, присмотрись.

Так началась тонина наука. Зорко присматривалась она к работе опытной смазчицы, будто старалась запечатлеть в памяти каждое ее движение, каждый шаг. По вечерам дома зубрила наставления, вникала в технику безопасности. Наконец ей позволили самой осматривать буксы. Теперь уже Екатерина Архиповна ходила по пятам за Тоней. Она чуть заметно улыбалась, видя, с каким великим старанием девушка ковыряет подбивку подшипника и все прислушивается: не скрипнет ли песок — даже брови хмурит! «Хорошая будет смазчица. Аккуратная девка», — отмечает мысленно Екатерина Архиповна. Через месяц она вручила Тоне Ильченко личное имущество смазчицы: фонарь, ключ, масленку, крючок.

— Хозяйство, конечно, небольшое, да в какие руки попадет. Если возьмем...

Гудок могучего «ФД» помешал Тоне расслышать конец этого напутствия. В парк подавали угольный состав. Каждый из членов бригады спешил к своему рабочему месту, и одно из этих рабочих мест теперь принадлежало станционной смазчице Антонине Ильченко.

* * *

Понемногу Тоня вошла в курс дел своей бригады. С работой справлялась, хвалили даже. Но она не могла не замечать: что-то неладное происходило в вагонном депо. Паровозные машинисты, приводившие в парк составы, тотчас же высовывались из окошка и с высоты своего положения начинали «наводить критику».

— Неисправности вагонов у нас уверенно входят в быт, — мрачно острили они. — Тут не то что за пятисоткилометровый пробег бороться, а вместе с буксами гореть: от стыда за вагонную службу... Редкий рейс без происшествий обходится. Одно утешение, что на других дорогах вагонники не лучше наших...

— А это — плохое утешение! — уверенно отвечал Щебликин.

После таких слов чумазая физиономия машиниста обычно исчезала в будке: если люди сами сознают свои недочеты, незачем шум поднимать.

На всю жизнь запомнится Тоне. Уже к концу смены Андрей Щебликин принес телеграмму. Со станции Основа сообщали, что у одного из вагонов состава, обработанного в Красном Лимане, в пути загорелись буксы. Пришлось отцепить.

Зачитав телеграмму всей смене, Щебликин вдруг посмотрел на Тоню Ильченко и тихо сказал:

— Так-то, птичка...

Больно сжалось сердце. Но даже собраться с мыслями было некогда: новый состав подавали на обработку.

Поздним вечером она, понурив голову, медленно шла к вокзалу. Сквозь густую завесу листьев мелькнуло освещенное окно. Это кабинет начальника отделения дороги. Девушка остановилась, приподнялась на носках. В кабинете начальника идет совещание. Тоня увидела знакомые лица инженеров вагонного депо Рудченко и Котлярова. А вот и Щебликин, не улыбается, хмурый. Вдруг Щебликин поднимается с места и, вынув из кармана записную книжку, начинает говорить о чем-то взволнованно, сердито. «Ой, мамо, не иначе про меня!» — пугается Тоня. И девушка бежит прочь от окна, так как ей кажется, что сейчас ее вызовут в кабинет начальника и будут распекать.

От пригородной станции до дома три километра. По дороге Тоня стучит в окно Виктора Телюса, слесаря вагонного депо. Тот выходит на крыльцо заспанный и очень удивляется, увидев в глазах Тони слезы.

— Кто обидел?

— Никто... Вагон отцепили на Основе... Я виновата, не доглядела...

Сообразив, в чем дело, слесарь кладет ей руку на плечо:

— Может быть, и не ты виновата. Смазчиц в смене несколько. Но это дела не меняет. Так дальше работать нельзя.

Круглая луна повисла над белоснежными верхушками яблонь. Майские жуки — хрущи — с басовитым гуденьем совершают свои ночные рейсы. На крыльце двое — парень и девушка — ведут разговор по душам.

На ту же тему вел разговор Андрей Щебликин, возвращаясь с совещания домой вместе со своим другом машинистом-пятисотником лауреатом Сталинской премии Георгием Шумиловым. Остановились на мосту,

На снимке: смазчица вагонного депо Красный Лиман лауреат Сталинской премии Антонина Ильченко.

Фото М. Савина

перекинутом через пути. Султаны белого дыма, набегая на мост, рассекались пополам и таяли в ночной синеве. Кто-то кого-то отчитывал на всю станцию через громкоговоритель. Свет прожекторов серебрил бесчисленные сплетения рельсов.

— Ты меня пойми,— тихо, но настойчиво говорил машинисту Щебликин.— Если движение пятисотников ломает все старые нормы, то и от остальных служб — движенцев, путейцев, вагонников — требуется что-то принципиально новое. Совсем новое!

Шумилов помолчал немного, потом сказал:

— Ты и берись. Не боги горшки обжигают.

— Так то горшки-и...— протянул Щебликин.

* * *

— И чего он целый день за мною ходит? — спросила Тоня Ильченко старшего осмотрщика, кивнув головой в сторону инженера Котлярова, что-то записывающего в блокнот.

— Хронометраж,— объяснил Андрей Тимофеевич.— Изучает опыт лучших рабочих. Твою работу, птичка, будем изучать и распространять...

Тоня даже зарделась от удовольствия и принялась за работу с особым старанием. Вот она идет вдоль всего состава, от вагона к вагону. Уверенным, точным движением открывает крышку буксы, железным крючком ощупывает подбивку, заливает смазку и...

— В чем дело? — спрашивает Котляров, засекая время на часах.

— Мазут в масленке кончился, товарищ инженер. Бегу заправляться!

И она бежит к депо набрать смазку, а до депо несколько сот метров. Возвращается, запыхавшись, и сразу к вагонам. Только когда ушел состав, Тоня пожаловалась Котлярову:

— Сколько из-за этой беготни времени зря пропадает!

— Сам вижу. Учтем, Антонина Макаровна.

Вечером над чертежной доской склоняются трое: инженеры Рудченко и Котляров, старший осмотрщик Щебликин. На листе ватмана вычерчивается схема маслопровода, намечаются места, где будут расставлены станки.

У путей вагонного парка кипит работа. Под открытым небом возникает настоящий цех. Станки для подгонки подшипников располагаются прямо у места обработки составов. Вдоль всего парка протянулась электросварочная линия. Маслопровод доставляет смазку к самым путям. Сменный мастер подходит к телефонному аппарату, подвешенному к ближайшему столбу, и звонит из «головы» состава в «хвост».

Но особенно восхищают Тоню стеллажи с полными комплектами деталей, расставленные вдоль путей.

— Ну, прямо как в магазине,— радуется она.— Что угодно для души!

— Еще бы бочку пива и бутерброды,— басит кто-то за ее спиной.

Не зря старались инженеры. Теперь у станционной смазчицы Антонины Ильченко после осмотра всех осей состава остается несколько свободных минут. «Так и сидеть сложа руки?»

— У меня экономия времени получается, Андрей Тимофеевич,— говорит она Щебликину.— Куда девать? Что, если я слесарям помогать буду?

— Спасибо скажут.

Но пожилой слесарь, к которому она обратилась с таким предложением, вместо «спасибо» стал куражиться и пошел жаловаться на подрыв авторитета. Тем не менее Тоня одной из первых в депо овладела смежной профессией: научилась производить замену буксовых крышек и валиков. Ее примеру последовали другие.

Каждый день приносил щебликинцам новые успехи. Но не все шло как по маслу. Один случай научил Тоню Ильченко серьезней смотреть на вещи, лучше разбираться в людях.

Закончив заливку букс, она шла к маслопроводу, когда увидела группу рабочих, столпившихся у вагона и горячо споривших о чем-то. «Что за толкучка? — подумала она.— До отправления две минуты остается». Подошла. Прислушалась.

На двадцать восьмой минуте обработки состава поездной мастер обнаружил, что на предыдущем участке была неправильно закреплена втулка в одной из букс, и потребовал от слесаря переставить ее.

— Не мы виноваты, дорогуша. Не наша ошибка,— с достоинством отвечал слесарь.

— Допустим. Но втулку необходимо переставить.

— А поезд задержать? Нет, товарищ дорогой, у нас скоростная обработка. Экономим драгоценное для страны время!

«Верно, — подумала Тоня. — Разве можно поезд задерживать?»

Мастер продолжал упорствовать. Тогда слесарь, видимо, решил «воздействовать на сознание».

— Не по-стахановскому у вас получается, товарищ мастер, не по-железнодорожному...

«Вот-вот,— думает Тоня,— читай ему политграмоту. Пусть знает наших!» И увидела выросшего как из-под земли Щебликина, который, грозно сдвинув брови, в упор смотрел на слесаря.

— Втулку немедленно переставить.— И вполголоса добавил: — Я тебе покажу «не по-стахановскому»! Халтурщиков нам не нужно. Они все самое святое запачкать могут...

Долго еще думала девушка о поступке слесаря. Не сразу пришло решение: «Плохой работник. А ведь какие слова говорил хорошие! Такие люди — как песок в буксе».

Составы уходили в рейс с гарантийными путевками, и не было случая, чтобы в дороге пришлось отцеплять вагон, про который щебликинцы сказали: «Исправен».

Однажды в парк подали угольный маршрут № 1308, на обработку которого оставалось лишь 25 минут.

— Это будет экзамен для всех нас,— уже на ходу сказал товарищам Андрей Щебликин.— Предупреждаю: никакой спешки!

Быстро и четко начали работу бригады. Тоня Ильченко сначала заволновалась, первые две буксы осмотрела наспех, пошла дальше, но тут же вернулась к первым двум. Себе самой приказала: «Торопиться незачем. Все как обычно. Времени хватит!»

И времени ей хватило. Даже немного осталось. Тогда Тоня побежала на помощь к ближайшему слесарю. Слесарь оказался тем самым, что ходил жаловаться на подрыв авторитета. Но он ничего не сказал на этот раз, только кивнул головой. И смазчица взяла в руки гаечный ключ...

За эти 25 минут люди Щебликина проявили чудеса оперативности и спайки, приходя на выручку друг другу, работая четко и с огоньком. А сам Андрей Щебликин шагал вдоль состава, отдавая приказания, не выпуская из рук часов — знаменитых щебликинских часов, на крышке которых выгравировано: «В память о 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, за стахановскую работу товарищу Щебликину А. Т. от народного комиссара путей сообщения». И когда секундная стрелка обежала двадцать пять кругов, раздался гудок паровоза, состав тронулся в путь. Машинист приветственно махал из будки промасленным картузом. Вагонники подняли фуражки:

— В добрый путь!

Экзамен был выдержан с честью.

— Вот что, птичка,— сказал в этот день Щебликин Тоне Ильченко,— придется тебе прочесть лекцию для смазчиц в стахановской школе. Для начала набросай план...

Дома Тоня раскрыла чистую школьную тетрадку, очинила карандаш, села за стол у окна. Было на сердце светло и радостно. Хотелось рассказать школьной тетрадке о том, как хорошо выйти на простор большой, настоящей жизни. Но это, наверно, не имеет отношения к лекции о смазке подшипников...

— Як там ваша хмара? — спросила вдруг мать, Василиса Моисеевна, отвлекаясь на минуту от печных горшков.— Гремить?

— Какая хмара?

— Щебликин, чи як його...

Тоня весело рассмеялась, обняла мать.

— Ой, мамо! Он такой хороший...

* * *

У доброй славы быстрые крылья. Новаторский почин вагонников Красного Лимана стал известен на всех дорогах страны, нашел своих последователей. Поучиться методу Щебликина и его друзей приезжали на Северо-Донецкую с Урала и Дальнего Востока, из Грузии и Прибалтики. Гостей встречали радушно, показывали, объясняли. Студенты-дипломники, диссертанты, ученые проводили целые недели на путях «вагонной академии».

Любопытный случай. Уральский железнодорожник товарищ Дзятко сконструировал универсальный шаблон для определения износа деталей вагонов, имеющий более сорока различных измерений. Изобретатель отправил свое творение в одно из научно-исследовательских учреждений Министерства путей сообщения. Но там, видимо, не особенно торопились с ответом. Тогда изобретатель послал свои чертежи в Красный Лиман, адресовав их Андрею Тимофеевичу Щебликину. И если теперь работники упомянутого учреждения заинтересуются изобретением Дзятко, они смогут наблюдать практическое применение его универсального шаблона на Северо-Донецкой дороге.

...В пригородном поезде возвращается с работы лауреат Сталинской премии Антонина Ильченко. Мчатся навстречу составы. Вот мимо окна проносятся платформы с ладными деревянными домиками. «Это, наверное, на Сталинградскую ГЭС,— думает Тоня.— В добрый путь!»

Чтобы скоротать время, девушка достает из кармана пачку писем. «Каждый из нас радуется Вашим достижениям,— пишут Тоне студенты Московского химико-технологического института имени Менделеева.— Мы гордимся людьми, двигающими вперед нашу науку и технику. К сожалению, мы еще только учимся...» Тоня улыбается. Вот чудаки! «К сожалению»... А ей как раз на днях предстоит держать экзамен, садиться за парту...

А это еще что за новости? Из другого конверта к ней на колени падает голубой подснежник. Щеки девушки вспыхивают румянцем, и она отворачивается к окну. С тех пор, как портрет Тони Ильченко напечатали в «Правде», то и дело какой-нибудь цветочек вываливается из конверта. А в двадцать лет это — все-таки серьезное испытание для сердца.

Там, за окном, бежит навстречу Тоне земля — вся в весеннем цвету, красивая, большая. Зеленый глаз семафора дружески встречает стремительные поезда. Розовая полоска зари обозначилась за лесной полосой. Будто летит, торопится земля навстречу этой заре...

В добрый путь, земля моя!

...Составы уходили в рейс с гарантийными путевками, и не было случая, чтобы в дороге пришлось отцеплять вагон, про который щебликинцы сказали: «Исправен».
Старший осмотрщик вагонов лауреат Сталинской премии Андрей Тимофеевич Щебликин провожает в рейс машиниста-пятисотника лауреата Сталинской премии Георгия Шумилова.

СОДРУЖЕСТВО

Фото Я. РЮМКИНА

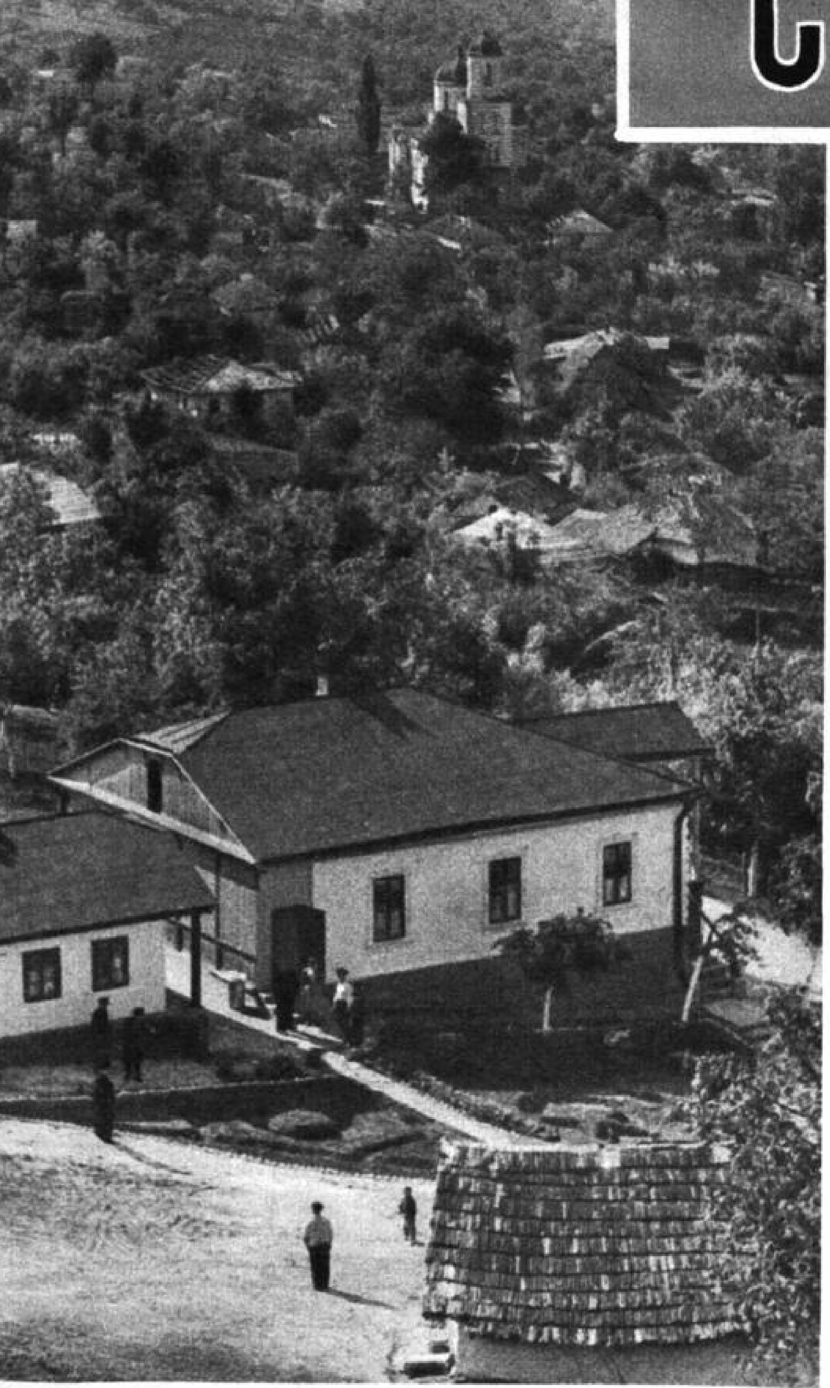
Большое молдавское село. Издали оно кажется сплошным садом, сквозь густую зелень которого проглядывают покатые крыши домов. Немного на отлете стоит тщательно выбеленное невысокое здание. Некогда здесь была кулацкая усадьба. От усадьбы оставался только участок земли: фашистские оккупанты разрушили почти все строения в селе Нишканы, Каларашского района. Крестьяне своими силами восстановили главное здание и пристройки, заново настлали полы, расчистили сад и двор, разбили клумбы, проложили дорожки. И когда все было окончено, состоялось торжественное открытие колхозного Дома сельскохозяйственной культуры.

Несколько месяцев назад председатель колхоза «Молодая гвардия» Петр Иванович Куленков был приглашен на сессию Молдавского филиала Академии наук СССР. Сессия подводила итоги творческого содружества филиала с агрономами, колхозниками и работниками совхозов Бульбокского района. Петр Иванович внимательно прислушивался, и у него зародилась мысль: а почему бы такой же опыт не провести в своем колхозе?

Куленков поднялся и обратился с небольшой речью к участникам сессии. Он предложил организовать в колхозе «Молодая гвардия» совместную научно-исследовательскую работу и заверил, что со стороны колхоза будут созданы для этого необходимые условия.

Ученые охотно приняли предложение председателя колхоза. И вот два месяца спустя в селе Нишканы собрались колхозники, научные сотрудники Молдавского филиала Академии наук, работники районных организаций. Здесь был подписан договор о содружестве и избран Совет колхозного Дома сельскохозяйственной культуры. В Совет Дома вошли академики П. А. Баранов, Н. А. Димо, председатель колхоза П. И. Куленков, бригадиры и рядовые колхозники.

...Обычный сельский день. У входа в Дом сельскохозяйственной культуры висит объявление: «Кандидат биологических наук В. В. Котелев прочитает лекцию на тему «Бактериологические удобрения и их применение в сельском хозяйстве». Любопытна «предистория» этой лекции. Полезные бактерии были размножены в питомниках Дома сельскохозяйственной культуры, а затем внесены на опытные участки под различные культуры: кукурузу, виноград, подсолнечник, люцерну. Занимались этим лаборантки-колхозницы Варвара Георгица, Екатерина Трочин и другие. Теперь, когда достигнуты практические результаты, ученые обобщают их и открывают перед колхозом новые возможности развития.

Село Нишканы. На переднем плане колхозный Дом сельскохозяйственной культуры.

Колхозная метеостанция. Наблюдение производят научный работник Д. Бужак и колхозница Н. Бондаренко.

Колхозники собираются на лекцию.

На крутых склонах разбиты опытные участки по травосеянию.

Дом сельскохозяйственной культуры в селе Нишканы превращается в серьезное научное учреждение. В нем оборудованы лаборатории по физике, химии и микробиологии почв, изготовляют гранулированные и бактериальные удобрения. Научные сотрудники Молдавского филиала Академии наук проводят в лабораториях занятия. Вадим Витальевич Котелев обучает колхозников, как производить микробиологический анализ почвы.

Здесь же, в лабораториях, производятся изыскания, результаты которых становятся достоянием не только «Молодой гвардии», но и четырех ближайших колхозов. Для Каларашского района, как и для значительной части Молдавии, характерен сильно пересеченный рельеф. Во время летних ливней почва размывается. С этим надо бороться. И в колхозе выделены опытные участки по травосеянию на крутых склонах. Опытами занято звено лаборанток-колхозниц во главе с комсомолкой Валентиной Русу.

На небольшой возвышенной площадке оборудована колхозная метеорологическая станция. Научный работник Дмитрий Ильич Бужак и колхозницы ведут на этой станции метеонаблюдения.

Молдавские земли, истощенные при буржуазно-помещичьем строе хищнической эксплуатацией и низкой агротехникой, ныне возрождаются. На помощь молодым коллективным хозяйствам приходит мичуринская наука. В тесном содружестве с учеными колхозники добиваются высокой культуры земледелия.

В. ПАНФИЛ

Петр Иванович Куленков (крайний справа) осматривает посевы. Слева направо: кандидат геолого-минералогических наук М. Заславский, звеньевой колхоза И. Стратан и колхозница М. Козак.

Все, чем живет душа

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Когда припомнишь вновь,
Как здесь земля пылала,
Все слезы и всю кровь,
Что пашни пропитала,

Всю скорбь, всю боль утрат,
Не позабытых нами,
Что пред тобой, солдат,
Маячит явью, снами,—

Тогда еще ясней
Ты видишь пред собою
Величье мирных дней,
Тобою взятых с бою.

Ты шел на смертный бой,
А в сердце вера крепла.
Ты край советский свой
Восстановил из пепла.

Как витязь, из беды
Ты вышел — и навеки
Взрастил леса, сады,
Провел каналы, реки,

Построил города —
Цветет твоя Отчизна!
Теперь твой путь туда,
Где утро Коммунизма!

Прогнав ночную тень,
Как мост над быстриною,
Поднялся светлый день
Над мирною страною.

Пусть этой красоты
Не тронут больше войны,—
Отдашь все сердце ты,
Чтоб ей цвести спокойно.

Так будь же тверд стократ
И стой за власть Советов,—
Ведь ты ее солдат,
Защитник беззаветный.

*

Строить, вечно действовать, расти,
Душу ярким факелом нести...
Над широкими
потоками
Дугами вздымать мосты-пути!

Жить, творить и волей не скудеть,
Сердцем не стареть, а молодеть.
Над просторами,
над озерами
Пламенем звезде твоей гореть!

Вечно молод в мире молодом,
Просыпайся рано и — пойдем!
Перепахана,
вся в садах она,
Вот земля твоя — отчий твой дом!

Радости сокровищем владей,
Полон силы, силу в песню влей.
В счастье веруя,
полной мерою
Черпай радость в Отчизне своей!

Перевела с украинского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА

СЛАВНЫЕ ПОДВИГИ АДМИРАЛА НАХИМОВА

К 150-летию со дня рождения адмирала П. С. Нахимова

НАВАРИН

Это было в начале второй четверти прошлого века — вскоре после того, как Греция, издавна угнетаемая Турцией, сумела при общем сочувствии русского и других европейских народов добиться независимости. Но кровавая борьба все еще продолжалась. Турецкий главнокомандующий Ибрагим-паша превратил греческий город Мисолунги в груду развалин. Затем пали Афины.

...Около 3 часов дня 8 (20) октября 1827 года в Наваринскую гавань вступил русский флот с «Азовом» впереди. «О, любезный друг!—писал своему другу Павел Степанович Нахимов, бывший в то время старшим офицером «Азова».— Казалось, весь ад разверзся перед нами!.. Надо было драться истинно с особенным мужеством, чтоб выдержать весь этот огонь и разбить противников... Кровопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел». Здесь Нахимов скромно умолчал о собственной доблести, проявленной, когда он, на расстоянии пистолетного выстрела от неприятеля, командовал орудиями на баке. За 3 с половиной часа боя турецко-египетский флот был полностью разгромлен и истреблен!

Уже тогда, в Наваринском бою, выявились прекрасные качества Нахимова, воспитанника морской «лазаревской школы»: бесстрашие, беззаветная преданность делу, пылкое сердце, светлый, пытливый ум.

Современники всегда отмечали в Нахимове поразительную скромность, бескорыстие. Характерно, как Нахимов, будучи уже адмиралом, реагировал на хвастовство английского адмирала Паркера. Паркер рассказывал, что после наполеоновских войн в качестве морского приза ему достался миллион фунтов стерлингов. «...Я полагаю, — возразил Нахимов, — что это совсем не прельстило бы русского адмирала, например, М. П. Лазарева... Вот было бы лестно итти драться с неприятелем, когда ваши корабли в боевой готовности, когда вы уверены в своих офицерах и командах... Да, это я понимаю!.. И когда после одержанной славной победы вы можете с гордостью сказать, что исполнили свой долг...»

СИНОП

«Синоп, — писал один современник,— поразивший Европу совершенством нашего флота... выставил блестящие военные дарования адмирала П. С. Нахимова...»

Известие о начале войны с Турцией адмирал Нахимов, крейсировавший со своей эскадрой у кавказских берегов Черного моря, получил только 1 ноября 1853 года (а война была объявлена еще в октябре). Нахимов тотчас направился к Синопу — турецкому городу на анатолийском берегу Малой Азии. 11 ноября он обнаружил в Синопской бухте турецкую эскадру, расположенную полукругом, и решил как можно скорее ее атаковать. Но надо было еще дождаться подкрепления. Чтобы не выпустить турецкие корабли из бухты, Нахимов целую неделю, несмотря на бурную погоду, крейсировал в море. Шестнадцатого наконец прибыло долгожданное подкрепление — эскадра контр-адмирала Новосильского в составе трех 120-пушечных кораблей и двух фрегатов. До сих пор Осман-паша, турецкий командующий, не особенно беспокоился, уверенный, что в случае нужды англо-французская эскадра, стоявшая в Босфоре, сразу придет к нему на помощь. Но теперь он сильно встревожился и послал в Константинополь донесение об усилении русской эскадры. Донесение это прибыло слишком поздно — 17 ноября. Восемнадцатого утром нахимовская эскадра уже двинулась к Синопу. В 9 часов 38 минут утра был дан сигнал: «Приготовиться к бою!». Пробили тревогу, раскрепили орудия.

В 12-м часу русская эскадра стройно подходила к врагу. На ее судах царило полное молчание. Все с нетерпением, напряженно ждали подъема красного флага, то есть сигнала «открыть огонь». Ровно в 12 часов на флагманском корабле Нахимова «Императрица Мария» взвился сигнал. Но что же оказалось? Это Нахимов показывал полдень — сигнал, обычный в мирной обстановке, но не за несколько минут до кровавого боя! Это свидетельствовало о колоссальном самообладании и уверенности Нахимова. «Мое перо чересчур слабо,— писал впоследствии адмирал Макаров,— чтобы передать весь глубокий смысл и нравственное значение этого простого, но красноречивого сигнала!»

Еще немного — и турки открыли яростный огонь. Русские отвечали. Начался прославленный в истории Синопский бой! Турецкий флот, поражаемый метким огнем русских пушек, нес огромные потери. Одной из причин успеха русских была их верность нахимовским правилам: «...В морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика». Как только на одном из кораблей нахимовской эскадры замечали, что другой корабль в опасности, к нему спешили на выручку. К началу 4-го часа пополудни, то есть за каких-нибудь 3 с половиной часа боя, вся турецкая эскадра была уничтожена! Вражеские суда, прибитые морскими волнами к берегу, горели.

В это время к Синопу подходили пароходы адмирала Корнилова.

Вот как очевидец описывал встречу Нахимова с прибывшим Корниловым: «Мы поднимаемся на корабль («Мария»), и оба адмирала кидаются в объятия друг друга. Мы все тоже поздравляем Нахимова. Он был великолепен: фуражка на затылке, лицо обагрено кровью, а матросы и офицеры... все черны от порохового дыма».

Взятый в плен командующий турецкой эскадрой вице-адмирал Осман-паша жаловался, что у него свои же люди вынули ключ и обокрали его, сняли с него шубу. Он был поражен поведением русских матросов, которые «отдавали пленным даже куртки свои».

Синопский бой показал отличную выучку и смелость черноморских моряков, превосходство русской артиллерийской техники. Сам Нахимов с характерной для него скромностью все заслуги приписывал своему покойному учителю — адмиралу. «Михаил Петрович Лазарев, вот кто сделал все-с! — утверждал Нахимов. — Право, всякий на моем месте сделал бы то же, что я!»

Нахимов с полным основанием предвидел серьезные последствия Синопского боя. Действительно, истребление турецкого флота вызвало бешеную ярость английских и французских правящих кругов, которые до того делали все возможное, чтобы подстрекать Турцию к враждебным действиям против России. Вскоре после этого боя англо-французский флот вошел в Черное море и стал задерживать русские коммерческие суда.

1 сентября следующего, 1854 года англо-французский флот подошел к крымским берегам и начал высадку десанта у Евпатории. Крымская война вступала в новый, решающий этап — героическую оборону Севастополя.

СЕВАСТОПОЛЬ

В период героической борьбы за Севастополь, вплоть до дня своей гибели Нахимов (особенно после смерти Корнилова) был душой обороны города. Его поразительное бесстрашие, его презрение к смерти служили примером для всех. Когда один офицер, недавно назначенный на 4-й бастион, вздумал повести Нахимова по укрытому и безопасному месту, Павел Степанович резко обрушился на него: «Вас извиняет, молодой человек, только то-с, что не знаете, кого вы ведете-с. Я Нахимов-с и по трущобам не хожу-с! Извольте итти по стенке-с!».

Именно 4-й бастион после первой общей бомбардировки Севастополя (5 октября 1854 года) стал предметом особых забот Нахимова, так как на нем сосредоточился главный удар неприятеля. Случались дни и ночи, когда на бастион этот падало до 2 тысяч бомб. И вот под непрерывным, адским огнем, среди всеобщего разрушения Нахимов сумел создать на бастионе блиндажи для прикрытия его храбрых защитников. К их великой радости, он заявил: «Теперь я вижу-с, что для черноморца невозможного ничего нет-с».

Никто не умел так, как Нахимов, воодушевлять людей, особенно матросов и солдат, так

П. С. Нахимов.

завоевывать их расположение пониманием души простого человека. Преданность и любовь матросов к Нахимову были безграничны. Он чувствовал и ценил это. «...Матросы любят и понимают меня, — говорил адмирал. — Я этою привязанностью дорожу больше, чем отзывом каких-нибудь чванных дворянчиков-с».

В суровую зиму 1855 года для защиты подступов к Малахову кургану с огромным трудом и жертвами были построены два редута и Камчатский люнет. 26 мая (старый стиль), узнав о готовящемся штурме этих укреплений, Нахимов помчался на Камчатский люнет, куда неприятель уже наступал с трех сторон огромными силами. В разгар боя за люнет французы обошли его с тыла. Кучка матросов и солдат окружила Нахимова и, штыками пробив себе дорогу, вывела своего любимого адмирала к куртине, шедшей от Малахова кургана ко 2-му бастиону. После боя он ставил офицерам в пример матросов и солдат, которые никогда не унывают.

28 июня под градом бомб, ядер и пуль Нахимов приехал на Малахов курган. Как всегда, он показывался на самых опасных местах, отвечая офицерам на все предостережения: «Не всякая пуля в лоб-с!». Его высокая фигура в сюртуке с золотыми эполетами бросалась в глаза и была отличной мишенью для врага. Грянул выстрел — и неприятельская пуля ранила Нахимова в голову... 30 июня 1855 года Нахимов скончался.

Гибель Нахимова произвела потрясающее впечатление на всю Россию. Это было огромной, неизмеримой потерей!..

Подвиги адмирала П. С. Нахимова, его великие заслуги перед народом и Родиной по достоинству оценены советским правительством.

В годы Великой Отечественной войны были учреждены ордена Ушакова и Нахимова I и II степени, которыми награждались «за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину». Выпускники нахимовских школ из года в год пополняют кадры офицеров героического советского флота, где вечно живет память о великом сыне русского народа — флотоводце Нахимове.

„Нахимовец Нахимов К ОТВЕТУ ГОТОВ!"

Вернувшись с работы, Мария Владимировна нашла на столе конверт, на котором неуклюжим детским почерком было написано: «Москва, Куйбышевский проезд, 3, квартира 29, М. В. Нахимовой». Увидела и обрадовалась: «Письмо от Саши! О чем на этот раз рапортует из Ленинграда нахимовец Нахимов?»

Отец Саши Павел Сергеевич погиб на фронте. Мальчик рос на женских руках. А тут сразу — воинский распорядок нахимовского училища. Как он там в новой, непривычной обстановке? Правда, в том же училище учится родственник Саши — Сережа Коковкин, взявший на правах старшего шефство над новичком. Но все же Мария Владимировна всегда с волнением раскрывала каждое письмо внука.

Саша писал: «Здравствуйте, дорогие мамочка, бабушка и сестричка Лена. Сегодня не пошел на увольнение, потому что не все было в порядке с формой, но я в этом не виноват.

Мой друг Владимир Александров, узнав, что я собираю марки, сообщил своей матери на почту, и она ему привезла много интересных марок. Часть он отдал мне. Я жив и здоров. Правда, на той неделе у меня болела голова и тошнило. Потому что я нес фонарь и запачкал руки керосином, а потом съел хлеб, и через час начала болеть голова. Я сходил в лазарет, но ничего серьезного не оказалось, выпил порошок и стал бодрее прежнего.

Сейчас я сижу за партой. Нас в классе восемь человек, и девятый — наш любимейший старшина Шишкин. Он играет с нахимовцем Комаровым в шахматы. Капитан (офицер-воспитатель) у нас тоже хороший, проводит часто с нами беседы, чтобы мы были примерными, и мы стараемся это выполнять.

Нас стараются сделать полезными для Родины людьми. Если мы сделаем маленькое нарушение, то потом на душе кошки скребут от стыда. Я и друзья мои выступаем против нарушений и двоек. Двойка — наш самый страшный враг. Желаю Леночке все понять и брать пример с нас, будущих офицеров Военно-Морского Флота. Часто перед сном и на еде вспоминаю дом и свое прежнее житье-бытье. Английский язык мне дается нелегко. Пока до свидания».

В конце письма старательно и неуклюже был нарисован военный корабль, в котором можно было угадать крейсер «Аврору», а рядом с ним моряк в бескозырке. Под этим рисунком стояла подпись по-английски: «Who is this?» И тут же перевод: «Кто это?» Затем следовал ответ: «Будущий офицер».

Саша Нахимов (слева) и его приятель Володя Александров.

Фото Б. Уткина

Да, по традиции их рода, Саша Нахимов будет служить на флоте. Эта традиция пошла от великого предка семьи адмирала Павла Степановича Нахимова...

Мария Владимировна показывает нам подлинник широко известной фотографии русского адмирала, снятого в профиль, и листок, на котором записана вся родословная Нахимовых. Вверху — имя основателя рода Мануйлы Нахимова, сотника казачьего Ахтырского полка, а под ним имена четырех его сыновей: Семена, Матвея, Михаила и Николая.

Михаил был дедом адмирала Нахимова, а Матвей положил начало другой ветви. Его сын, Николай Матвеевич, пра-пра-прадед Саши Нахимова, участвовал в Отечественной войне 1812 года, и в семье сохранился документ, в котором отмечаются «отличные подвиги прапорщика Нахимова и неустрашимость, с коими он с вооруженными гражданами и поселянами стремился на поражение и истребление неприятельских отрядов».

Участник Отечественной войны Николай Матвеевич был крестным отцом будущего адмирала.

Хранится у Марии Владимировны и другой интересный документ — формулярный список адмирала Нахимова:

«...В службу вступил в Морской кадетский корпус гардемарином в 1815 году, мая третьего числа (в пятнадцать лет Нахимов уже получил назначение на бриг «Феникс»)... В 1822 году на фрегате «Крейсер» участвовал в кампании кругом света... Участвовал при истреблении эскадр турецко-египетского флота при Наварине... 18-го ноября 1853 года находился при истреблении турецкой эскадры в Синопе... К сему архив присовокупляет, что вице-адмирал Нахимов за отличия при обороне Севастополя высочайшим приказом по флоту произведен в адмиралы и от полученной им 28 июня 1855 года в голову раны — штуцерною пулею, тридцатого числа того же июня волею божею помре».

...Уезжая из Москвы после конца каникул, Саша обещал писать бабушке обо всем: о своих успехах и неудачах — и честно выполнял свое слово.

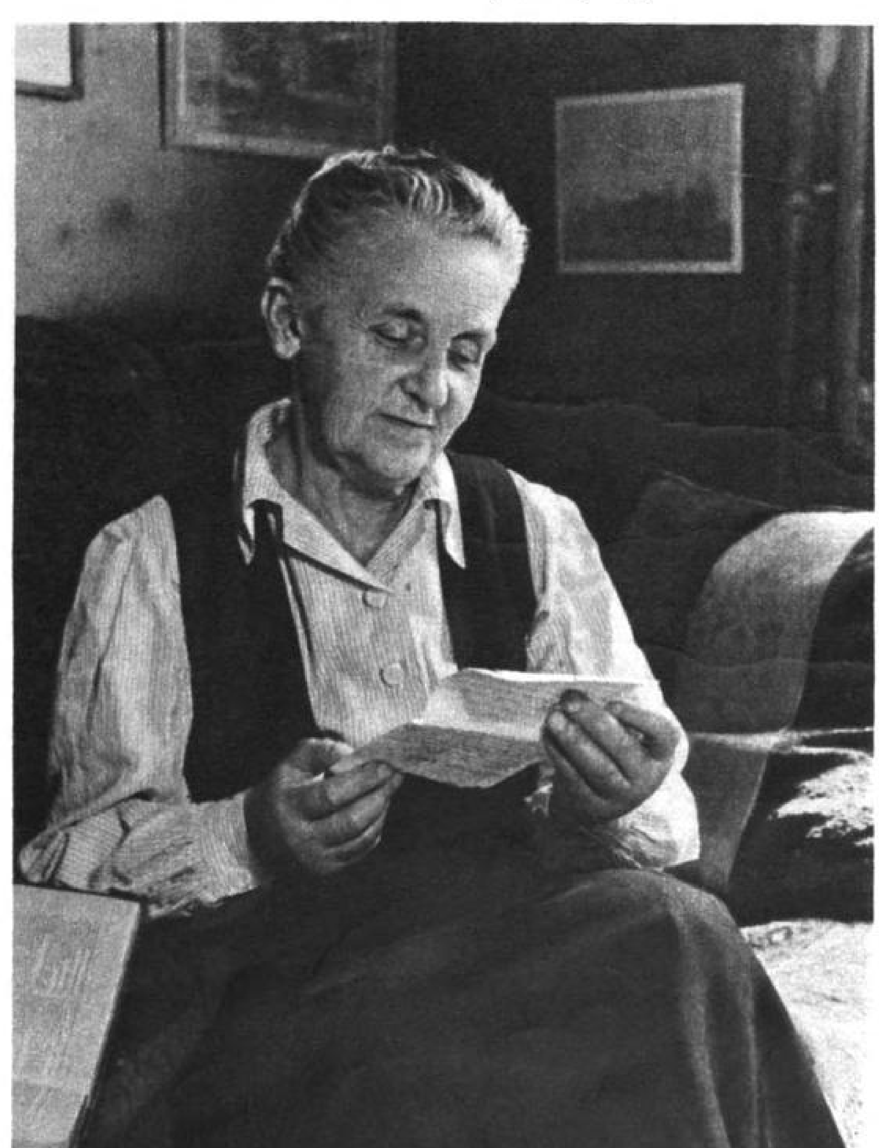
Вот одно из последних его писем:

«Бабушка, пришли, пожалуйста, открытки на тему: «Виды Москвы». В этих открытках я узнаю знакомые места. Сегодня был дежурным по классу. Рапортовал преподавателю. Если меня вызывают к доске, я должен сказать, вставая с парты: «Есть нахимовец Нахимов»,— а подойдя к учителю, сказать: «Нахимовец Нахимов к ответу готов!»

Получив это письмо, родные и стали называть письма Саши «рапортами»...

Нет, не кончилась история этой семьи, не перевелись наследники адмирала Нахимова. Его имя носит не только Саша Нахимов, а сотни маленьких моряков — воспитанников военно-морских нахимовских училищ.

В. ВИКТОРОВ

Мария Владимировна Нахимова читает письмо внука.

Фото Е. Умнова

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Ясный, солнечный день. Воскресенье 1 июля 1917 года (по старому стилю 18 июня).

Петроград заполнен бесконечными колоннами демонстрантов. Идут рабочие и работницы, солдаты и матросы. Лес знамен. Написанные белой краской или вышитые тесьмой лозунги. В воздухе стоит гул от возгласов: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!» И в ответ на возгласы раздается многоголосое одобрительное «Ура!»

В демонстрации не участвуют буржуазия и обыватели, попутчики революции. Партия кадетов еще накануне официально заявила о необходимости «воздержаться» от участия в демонстрации, объявила ей бойкот. Буржуа попрятались по квартирам. Невский проспект, обычно многолюдный и шумный, абсолютно чист от своих буржуазных завсегдатаев.

☆ ☆ ☆

3 (16) июня открылся Первый Всероссийский съезд Советов. На этом съезде большевики (их было немногим более ста) настойчиво разоблачали гибельность соглашательства с буржуазией, вскрывали империалистический характер войны. В. И. Ленин выступил на съезде с речью, в которой доказал правильность политики большевиков, заявил, что только власть Советов может дать хлеб трудящимся, землю крестьянам, добиться мира, вывести страну из разрухи.

В это время в районах Петрограда шла стихийная подготовка к демонстрации: рабочие столицы готовились предъявить свои требования съезду Советов. Но преобладавшие на съезде соглашатели-меньшевики, сотрудничавшие с буржуазным Временным правительством, испугались изъявления воли рабочего класса и добились того, что съезд на три дня запретил всякие демонстрации.

Центральный Комитет партии большевиков, считая необходимым не обострять отношений со съездом Советов, отменил назначенную вначале на 10 июня демонстрацию. За одну ночь большевики сумели разъяснить массам смысл решения Центрального Комитета и удержали трудящихся от выхода на улицу.

Большевистская партия к этому времени уже завоевала большинство рабочего класса столицы. Три четверти делегатов состоявшейся в начале июня Петроградской конференции фабзавкомов шли за большевиками. Естественно, что партия, которой верило большинство рабочих Петрограда, удержала массы от преждевременного выступления.

Запретив демонстрацию, эсеро-меньшевистское большинство съезда Советов, однако, не устранило причин, которые толкали трудящихся на выступление. Побывавшие на заводах и в воинских частях делегаты съезда Советов всюду наблюдали недовольство, готовое прорваться наружу. Меньшевистские главари, стоявшие во главе Советов, вынуждены были пойти на объявление демонстрации и назначили ее на 18 июня. Но напрасно они надеялись, что демонстрация пройдет под антибольшевистскими лозунгами и выразит доверие Временному правительству, пособником антинародной политики которого эсеро-меньшевики хотели сделать Советы.

Влияние большевистской партии в столице оказалось сильнее, чем предполагали предатели дела революции. Июньская демонстрация, проходившая на Марсовом поле у могилы жертв революции, показала нарастающую революционность масс, явилась подлинным смотром сил большевистской партии.

Товарищ И. В. Сталин писал в «Правде» в статье «На демонстрации»: «Это была демонстрация протеста, демонстрация живых сил революции, рассчитанная на перемену в соотношении сил...

Громадное большинство демонстрантов (всех участников 400—500 тысяч) выразило прямое недоверие политике соглашения с буржуазией — демонстрация прошла под революционными лозунгами нашей партии».

Ни одно предприятие, ни один полк не несли плаката с выражением доверия Временному правительству. Только три небольшие группки осмелились заявить о своей поддержке министров-капиталистов. Это были бундовцы, сторонники Плеханова и группа казаков. Демонстранты встретили их криками «Долой!» и заставили свернуть знамена, плакат группы казаков разорвали в клочья.

«А одно безымянное знамя с «доверием»,— пишет товарищ Сталин,— протянутое «на воздухе» поперек входа на Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительных замечаниях публики: «Доверие Временному правительству п о в и с л о в в о з д у х е».

Недоверие правительству со стороны громадного большинства демонстрантов, при явной трусости меньшевиков и эсеров выступить «против течения» — таков общий тон демонстрации».

Даже меньшевистская газетка вынуждена была признать, что «революционный Петроград разошелся с Всероссийским съездом советов». На меньшевиков демонстрация произвела «удручающее впечатление».

Да, народные массы отвертывались от соглашателей. Они не поддерживали меньшевистской точки зрения о том, что революция уже кончилась. Рабочий Петроград, солдатские массы шли за большевиками. Воззвание большевистской партии, написанное И. В. Сталиным и распространенное накануне демонстрации, выражало настроение трудящихся. И день демонстрации, как и призывали большевики, превратился «в день грозного протеста революционного Петрограда против возрождающегося гнета и произвола!»

Это был полный провал меньшевиков и эсеров, провал Временного правительства в столице. Демонстрация 1 июля (18 июня) показала, что только партия большевиков выражает интересы трудящихся.

На демонстрации 1 июля (18 июня) 1917 года в Петрограде.

Советская Якутия

Исполняется тридцать лет Якутской Автономной Советской Социалистической Республике. Три десятилетия назад перед отсталым и забитым якутским народом был открыт светлый путь национального возрождения, бурного расцвета культуры и экономики. Темный и дикий в прошлом край благодаря успешному осуществлению ленинско-сталинской национальной политики, с помощью великого русского народа за тридцать лет добился громадных успехов в развитии народного хозяйства и культуры республики.

Созданы крупные предприятия союзного значения. Валовая продукция всей промышленности Якутии по сравнению с 1917 годом выросла в 217 раз.

Якутия — страна необъятных пространств. Воздушные трассы соединяют республику с соседними областями и многими городами Советского Союза. Огромную роль в жизни республики играет автотранспорт. Все районы и рабочие поселки обеспечены телеграфной и телефонной связью.

В корне преобразилось сельское хозяйство республики. Колхозы располагают множеством различных сельскохозяйственных машин. Сорок два научных учреждения помогают сельскому хозяйству республики. В суровых климатических условиях Севера расширяются посевные площади, выращиваются высокие урожаи различных культур. Посевная площадь зерновых по сравнению с 1913 годом возросла в пять раз, многие колхозы получают 100 и более пудов зерна с одного гектара на всей площади сева.

Крепнет общественное животноводство колхозов. Поголовье крупного рогатого скота в нынешнем году по сравнению с 1940 годом составляет 213%.

Сейчас в сельском хозяйстве Якутии работают 727 агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, землеустроителей и механиков с высшим образованием. Колхозы республики гордятся Героями Социалистического Труда Саввиновым, Лукиным, Кривошапкиным, Васильевым, Степановым, Константиновым, Барамыгиным, лауреатом Сталинской премии Егоровым.

Невиданно расцвел пушной промысел; в нем занято 10 тысяч кадровых охотников. Они ежегодно сдают государству на десятки миллионов рублей ценной пушнины: шкурки лисиц, песцов, белок, горностаев, ондатр, зайцев.

До революции в Якутии письменности не было совсем. Грамотных среди местного населения было лишь семь десятых процента, а теперь в 600 школах учатся 65 тысяч детей. В республике сплошной грамотности повсеместно осуществляется семилетнее обязательное обучение. Здесь имеются два педагогических вуза. Шестой год работает Якутский филиал Академии наук СССР.

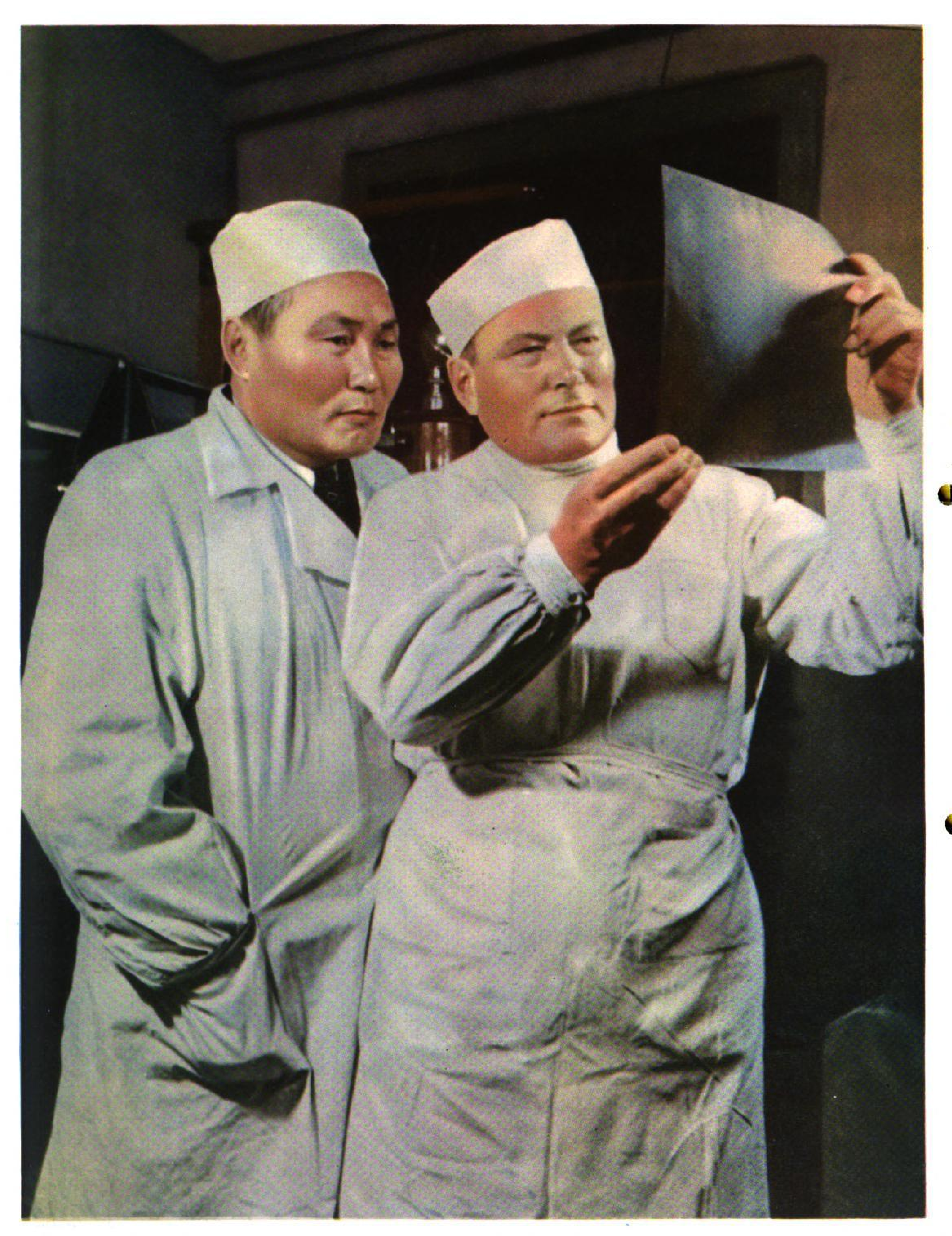
Красноречивы и такие цифры: в республике более тысячи клубов, домов культуры, библиотек, 256 кинотеатров и киноустановок, выходит 34 газеты, 3 журнала. Расцветает якутская художественная литература, несравненно выросло искусство якутского народа.

В дореволюционной Якутии одно медицинское учреждение приходилось на 85 тысяч квадратных километров. Теперь их в двадцать раз больше, есть и клиники, и амбулатории, и родильные дома, и санатории. До трех четвертей бюджета ежегодно отпускается на социально-культурные нужды.

Трудящиеся советской Якутии уверенно смотрят в будущее. Празднуя 30-летний юбилей республики, они шлют глубокую благодарность великому русскому народу, великому вождю и учителю товарищу Сталину.

Дети советской Якутии получают образование на родном языке. В школе № 2 города Якутска отличница 5-го класса «Б» Аня Тимофеева.
Фото Я. Рюмкина

Широкой известностью в Якутии пользуются заслуженные врачи Г. М. Кокшарский и Е. Н. Андреев. Г. М. Кокшарский (справа) — ведущий хирург Якутского филиала Института туберкулеза Академии медицинских наук СССР. Е. Н. Андреев — главный врач филиала.

Фото Я. Рюмкина.

МАЯК ПЯТИ МОРЕЙ

Пенистые волны бьются о бетонные берега маячных дамб.

Быстроходный катер, доставивший нас к устью канала, круто разворачивается, и мы видим каменные берега, широко расходящиеся в стороны. Продолжая береговые линии, тянутся дамбы, одетые в бетон, и на оконечностях их горделиво возвышаются белокаменные башни маяков.

— На берегу!— кричит механик.

Никто не отзывается.

— Все мы привыкли видеть здесь, на маяках, строителей и никак не можем привыкнуть, что тут уже никого нет, — говорит главный инженер строительства канала «122» и маяков Александр Иванович Новиков.

Поднимаемся за ним по восьмиметровому крутому откосу дамбы. Перед нами высокая квадратная башня с круглыми иллюминаторами. На ее белых стенах видны литые из чугуна ростры. Следуя старинному морскому обычаю, архитекторы Волго-Дона украсили маяки литыми из чугуна рострами — изображением носовых частей древних кораблей.

И вот стоят теперь на берегу Цимлянского моря высокие маяки с эмблемами мореходов, стоят, как путеводные знаки грандиозного водного пути.

...Подходим к тяжелым дубовым дверям маяка. Новиков отпирает их ключом. Крутые металлические лестницы ведут из темного помещения на небольшую площадку — палубу, окруженную восемью белыми колоннами.

День выдался по-степному жаркий и душный, но на вершине маяка прохладно, влажный ветер ласкает лицо. С маяка наблюдаем за жизнью канала. Вот со стороны шлюза № 13 идет морской буксир. Густо дымя, проходит он мимо, салютуя маяку гудком. Буксир направляется в Калачевский порт. Вскоре показывается караван барж с пиленым лесом. Суда совершили большой путь из Карелии, плыли они по северным озерам, по Беломорско-Балтийскому каналу имени Сталина, по Волге, а сейчас проследуют по новому, Цимлянскому морю в низовья Дона.

Навстречу грузовому каравану идут «угольщики» из Цимлянского моря. Везут они уголь Донбасса заводам и электрическим станциям Верхней Волги. Суда обмениваются гудками, с мостиков машут флагами, капитаны переговариваются через медные рупора мегафонов.

Вздымая большую волну, идет из канала буксирный теплоход «Академик Асафьев». Ведет он на буксире нефтеналивную баржу: бакинская нефть впервые отправляется транзитным водным путем из Каспия в Ростов-на-Дону. Из Калачевского порта входит в канал теплоход «БТ-306», известный тем, что именно он первым открыл навигацию на Волго-Донском канале 1 июня. Судно вошло в первый шлюз со стороны Волги, проследовало по всему каналу, затем вернулось назад в Волгу.

Над маяком пролетает пассажирский самолет — летчики ведут его над самым каналом. Нетрудно заметить, как воздушный корабль накреняется на один борт, — видимо, пассажиры любуются творением народа.

Жаркое солнце медленно клонится к лесистым кручам правого берега Дона. Вечереет. Волны окрашиваются в багрянец. Пронзительно кричат чайки.

К маяку подкатывают машины: из Сталинграда приехали на экскурсию школьники. Слышатся их веселый говор, смех, радостные возгласы. Учитель географии рассказывает детям о морях нашей Родины, о сталинском плане соединения этих морей, о Волго-Донском канале.

Только уехали пионеры, показались рыбаки. Проплывают они на лодках мимо белых башен маяка, смотрят из-под ладоней на его ростры, потом сильнее загребают веслами и исчезают вдали, в сиреневой дымке вечера.

Наступает черная южная ночь. По всей трассе канала вспыхивают тысячи огней — зеленые, алые, белые... Автоматически включаются огни плавучих буев. По волнам вьются от них золотистые дорожки. За несколько километров отсюда электрик включает рубильник, и тогда сразу, словно по команде, загораются пронзительно яркие огни маяков и береговой сигнализации.

Над нами, на ротонде, увенчивающей маяк, пылает белый электрический огонь, видимый за десятки километров в Цимлянском море. Длинный луч его вонзается во тьму и вырывает из нее то гребни волн, то плывущие суда, то каменные берега канала. Напротив нас горит в ночи такой же слепящий луч второго маяка, сооруженного на другой дамбе.

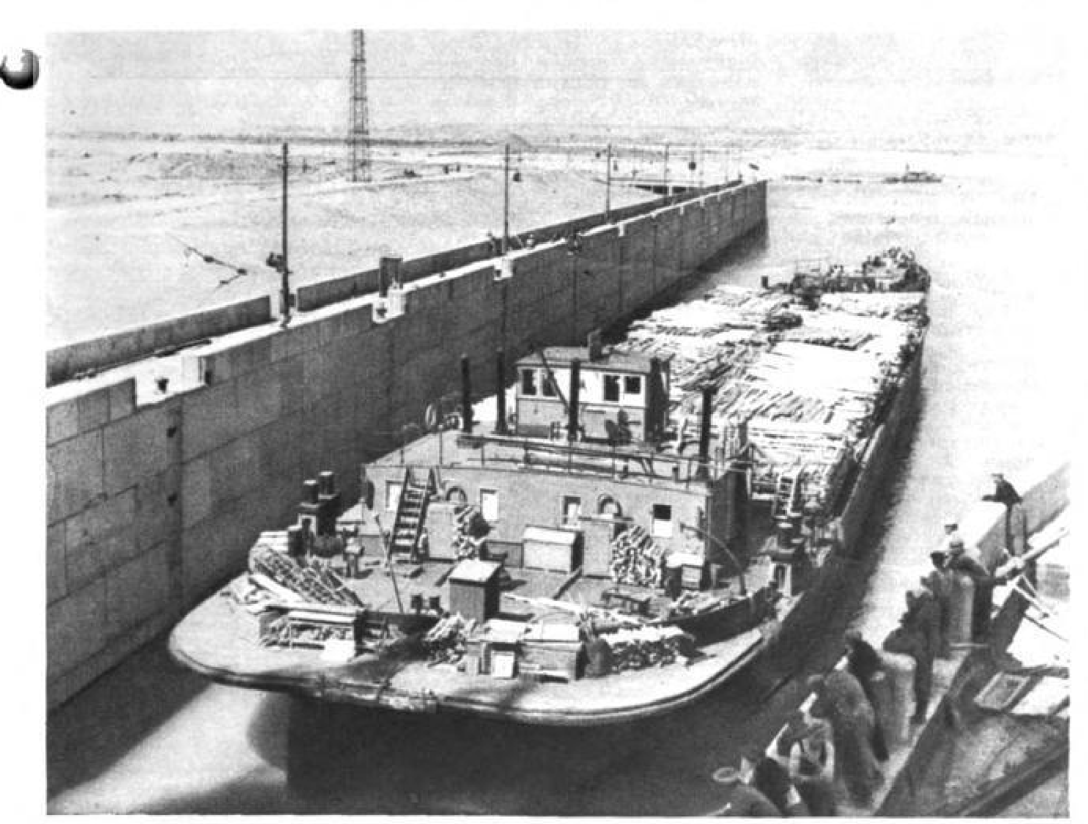
Суда все идут и идут. Самоходные баржи, катера, буксирные теплоходы, караваны металлических барж, плоты... Диспетчеры записывают сведения о шлюзовании кораблей, расходе воды, работе насосных станций. Открываются и закрываются в это время ворота всех шлюзов. Бьют корабельные склянки. Меняются вахты. Стоят за штурвалами рулевые, приведшие корабли из далеких морей. Зябко кутаясь в легкие плащи, ходят по мостикам капитаны, смотрят на звездное небо, на огненную россыпь вдоль берегов, и звезды земли и неба манят их все вперед и вперед.

Коротка летняя ночь. Светает. Солнце еще не взошло, а над степью загорается свет вишневой зари. Гаснут огни маяков, плавучих буев и береговой сигнализации. Показывается солнце. Его лучи бегут по волнам, отражаются в стеклах иллюминаторов и на надраенных поручнях проходящих кораблей.

Миновали сутки, как мы находимся на маяке. Большая жизнь водной магистрали открылась перед нами. Прощаемся с инженером, строившим канал и эти башни маяков.

— Скоро в путь, на другую стройку,— говорит инженер. — Много еще нужно проложить каналов, возвести плотин, станций, маяков. Любят в нашей стране строить, умеют строить и хотят строить. В этом наша сила — сила мирных людей, идущих к коммунизму. Радостно видеть, как оживают камень и бетон, как сооружения начинают работать на благо страны.

Е. РЯВЧИКОВ

Буксир выводит из шлюза № 13 баржу с пиленым лесом. Груз идет транзитом из Карелии для шахт Донбасса.

Комбайны вышли на поля

В Таджикистане идет массовая уборка зерновых культур. На колхозные поля вышли сотни комбайнов. На снимке: уборка пшеницы самоходными комбайнами в колхозе «Правда», Дагана-Киикского района.

Фото Б. Зайцева (ТАСС)

Буровая на Калужской

Третьекурсники школы-студии при МХАТ имени М. Горького недавно готовили пьесу о советских геологах, неутомимых разведчиках нефтяных богатств нашей Родины. Участники спектакля решили наглядно ознакомиться с техникой бурения на нефть, чтобы правдиво отразить события. Для этого им не понадобилось ездить ни в далекий Баку, ни в Грозный. Буровая установка расположена на одной из оживленнейших магистралей столицы — Большой Калужской улице, на территории Московского нефтяного института имени академика И. М. Губкина.

Буровая эта учебная. Студенты приобретают на ней начальные навыки работы. Она оснащена тем же оборудованием, что и настоящие промысловые буровые. На 41 метр вверх устремилась вышка вузовской буровой, на 800 метров ушла скважина вглубь.

Кстати, она не единственная в Москве. В районе бен в свое время была пробурена еще более глубокая скважина — почти на полтора километра. Скважина эта дошла до так называемого кристаллического ложа, на котором покоится Москва, и дала исключительно интересный материал о геологии недр столицы. Одна буровая пройдена Институтом курортологии. Отсюда поступает известная московская минеральная вода, отличающаяся высокими целебными свойствами.

Вблизи Московского университета на Ленинских горах начинается строительство нового здания Нефтяного института. Здесь еще шире будет поставлено практическое обучение студентов современным методам бурения. На территории института намечено смонтировать мощную буровую, оснащенную самым совершенным оборудованием, а также передвижную буровую установку.

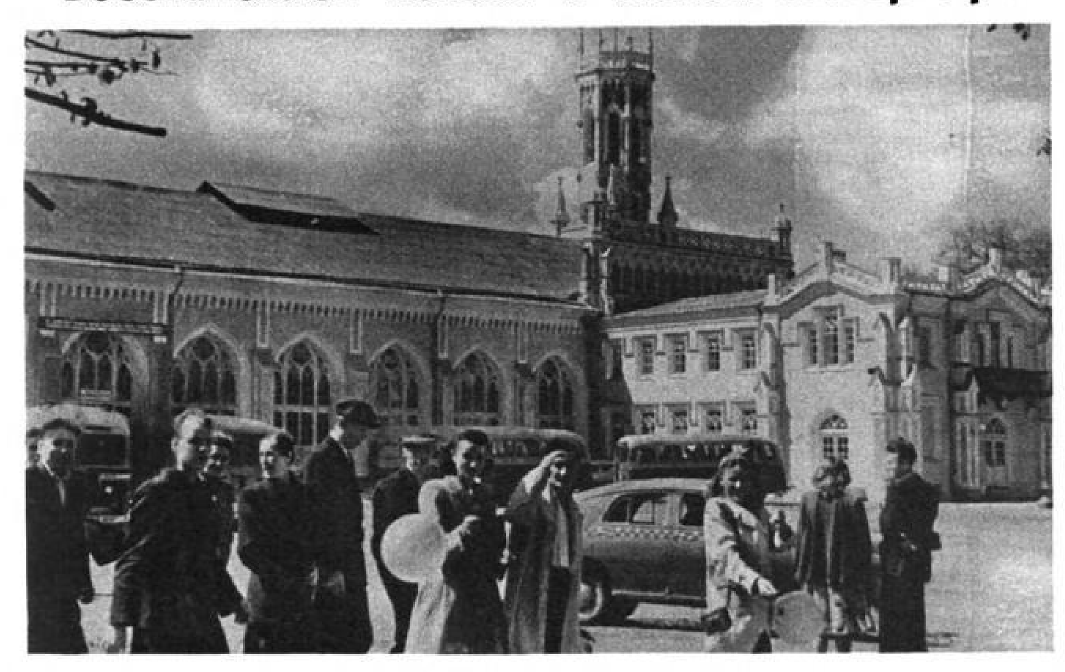
Буровая вышка во дворе Нефтяного института.

Фото А. Григорьева

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Восстановлен вокзал в Новом Петергофе

Здание вокзала в Новом Петергофе.

Фото И. Баранова

Закончено строительство вокзала станции Новый Петергоф, разрушенного в годы Великой Отечественной войны. Здание восстановлено в прежнем виде, каким его создал почти сто лет назад знаменитый русский зодчий Николай Бенуа — строитель многих архитектурных памятников в Петродворце. Полностью воссозданы главный фасад с двумя стрельчатыми арками для прохода поездов и высокой башней, центральный зал с перекрещивающимися стрельчатыми сводами и огромными окнами.

В поднятом из руин здании оборудовано несколько пассажирских залов, ресторан, комната матери и ребенка. Здесь расположатся почтовое отделение, гостиница, радиоузел.

Новопетергофский вокзал — одно из красивейших станционных сооружений страны.

М. СЕМЕНОВ

В урочище Кара-Тау

Стахановец-экскаваторщик района Кара-Тау Владимир Полозов.

Фото Р. Кузьминой

Невысокие отроги Султан-Уиз-Дага полукольцом окружают урочище Кара-Тау. По утрам, когда над вершиной Шейх-Джейли поднимается солнце, склоны хребта окутаны сиреневато-синим туманом. Проходит час—другой. Палящие лучи уже щедро заливают яркую зелень, и вспыхивают искорки на изломах пород. Лишь стены древней крепости Гяур-Кала все так же угрюмо смотрят узкими бойницами на сверкающую гладь реки.

До последних дней только древняя крепость и служила в Кара-Калпакии приметой долины Кара-Тау, ничем не привлекательной для земледельца или пастуха. Давно замерла здесь жизнь. И вот недавно в долину Кара-Тау, на место отшумевшей ратной славы древних народов, пришла трудовая слава советских людей.

Много трудностей преодолевают строители Главного Туркменского канала. Одна из них — район этот беден строительными материалами. Камень, щебень, песок приходилось доставлять на Тахиа-Таш за сотни километров по Аму-Дарье. Руководители стройки попросили геологов помочь в поисках местных строительных материалов. В горы Султан-Уиз-Дага направились люди с геологическими молоточками в руках и рюкзаками за плечами. Один из отрядов возглавил горный инженер-каракалпак Кутлимурат Уразов, уже не раз бывавший до того в урочище. Одновременно здесь работали геологи Казахстана, Узбекистана, Ленинграда, Москвы.

Работы экспедиции увенчались успехом. Хребет хранил в себе богатые запасы зеленоватого порфирита, крупнозернистого гранита, известняков, песка, розовато-желтого гипса, известного в Средней Азии под названием ганча. Все это нужно было для стройки.

Сейчас в сотне метров от древней крепости вырос поселок веселых, крытых шифером домиков. Кара-Тау стал центром нового района великой стройки на Аму-Дарье.

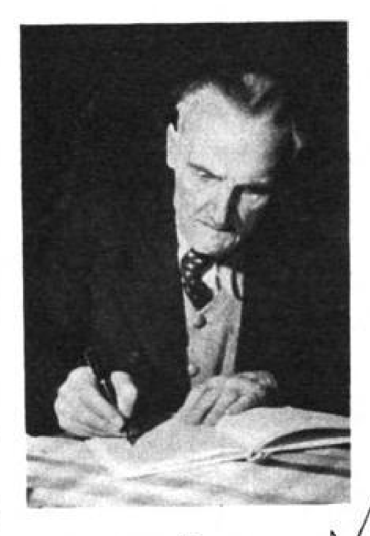
Урочище отделяет от Тахиа-Таша всего несколько десятков километров. С низовьев реки один за другим приходят сюда буксиры с баржами, доставляя компрессоры, буровые станки и транспортеры для карьеров, лес, разборные дома. А в обратный рейс речные караваны уходят на Тахиа-Таш, груженные щебнем и песком, ганчем и камнем. В мае карьеры Кара-Тау дали строителям канала 80 тысяч кубометров ценных строительных материалов.

Но это — лишь начало. Одни только сооружения, возводимые на самом Тахиа-Таше, получат из Кара-Тау несколько миллионов кубометров строительного камня. Когда стройка шагнет в глубь Кара-Кумов, когда станут подыматься в пустыне вызванные к жизни водами Аму-Дарьи города и села, богатства недр Султан-Уиз-Дага пойдут еще более мощным потоком.

...Грохочут над урочищем взрывы, поднимая на воздух осколки камня, и от этого грохота выше взмывают степные орлы. Их еще немало гнездится и в бойницах старой крепости и в горных ущельях. Но скоро они улетят искать другие, более спокойные места.

Н. СОЛОВЬЕВА

Поэт-революционер

С. К. Нейман.

28 июня исполнилось пять лет со дня смерти Станислава Костки Неймана (1875—1947) — одного из основоположников чешской пролетарской литературы.

Свою первую книжку стихов поэт написал в 1895 году в тюрьме, куда он попал за участие в прогрессивной молодежной организации, так называемой чешской «Омладине».

В начале творческого пути Нейман не избежал влияния декадентской поэзии, так же как по своим политическим убеждениям он долго оставался в плену анархизма.

Но глубочайшая ненависть к капиталистическому миру и близость к рабочему движению северо-западной Чехии обусловили то, что Нейман в начале 900-х годов приходит к идее восстания народа против угнетателей. В сборнике «Сон о толпе отчаявшихся» и другие стихотворения» (1903) он называет трудящихся и обездоленных «лучшими детьми Земли», призванными к ее освобождению.

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция открыли новый этап в творчестве С. К. Неймана, как и в истории развития всей прогрессивной чешской литературы.

Начиная с книги «Красные песни» (1923) тема Советского Союза становится ведущей в творчестве С. К. Неймана. Отказавшись от своих прежних анархических заблуждений, поэт становится активным деятелем компартии Чехословакии. Он непримиримо борется с декадентскими течениями. Многое роднит его поэзию с творчеством Маяковского.

Журналистская и издательская деятельность С. К. Неймана имела большое значение для пропаганды идей марксизма-ленинизма и дружбы с Советским Союзом. В издательстве его журнала «Червен» вышло в 1920 году произведение В. И. Ленина, переведенное на чешский язык,—«Государство и революция».

В книгах стихов «Сердце и тучи» (1935), посвященной А. М. Горькому, и «Соната горизонтального бытия» (1937) он разоблачает гитлеровский фашизм, резко критикует международный, прежде всего американский, империализм и чешскую буржуазию, пишет о солидарности с борющейся Испанией. В 30-е годы Нейман создает и свое лучшее произведение, посвященное Стране Советов, — «Благодарность Советскому Союзу». В 1937 году выходит наиболее известное публицистическое произведение С. К. Неймана, разоблачающее подлого клеветника на СССР Андрэ Жида.

Годы гитлеровского нашествия и оккупации не сломили духа и воли поэта-революционера. Его поэзия этих лет — поэзия несгибаемой веры в победу и в Советский Союз.

В своих послевоенных стихотворениях он призывает чехословацкий народ твердо идти по пути социализма, разбивая черные замыслы врагов. В предсмертном стихотворении «1 мая 1947», вызвавшем злобные нападки чешских и американских реакционеров, С. К. Нейман разоблачает поджигателей войны во главе с «графом от империализма» Трумэном.

Чехословацкий народ горячо любит С. К. Неймана, своего «величайшего и самого мужественного поэта», как назвал его К. Готвальд. Нейману было присуждено почетное звание «народного писателя».

В Советском Союзе дважды переводилась «Благодарность Советскому Союзу», публиковались и другие стихи поэта. В настоящее время Гослитиздат готовит к печати сборник его избранных произведений.

С. ШЕРЛАИМОВА

ДЕБАРКАДЕРЫ ДЛЯ ВОЛГО-ДОНА

На судостроительных предприятиях Советской страны строятся железобетонные двухэтажные дебаркадеры для Волго-Дона. На снимке: два дебаркадера, готовые к отправке на канал.

Фото Н. Капелюша

ЛЕЧЕНИЕ В ПОДМОСКОВНОМ САНАТОРИИ

В санатории «Внуково».

Фото В. Евграфова

Всего в восемнадцати километрах от Москвы находится санаторий Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР «Внуково». Больные получают здесь такие виды лечения, которые раньше были доступны только на курортах юга страны.

Минувшим летом на территории санатория была обнаружена лечебная грязь. Широко применяется также лечение радиоактивными — радоновыми и углекислыми — ваннами.

Сейчас решается другая интересная задача. Артезианский колодец на территории санатория дает с небольшой глубины на поверхность воду, содержащую железо и щелочь.

Врачи санатория смело осваивают последние достижения советской медицины. Интересна работа коллектива санатория, возглавляемого доктором И. З. Сарнисовым, использующего для лечения гипертонической болезни новый лечебный препарат — видовонеспецифическую сыворотку, приготовленную из бычьей крови. Этот препарат был предложен академиком Н. Г. Беленьким и впервые применен известным советским хирургом профессором Д. А. Араповым при подготовке больных к операции и в послеоперационный период. Тогда же доктором К. С. Симоняном было установлено, что сыворотка способствует нормализации кровяного давления.

Опыты санатория «Внуково» подтверждают эффективность нового препарата, снижающего кровяное давление даже при осложненных формах гипертонической болезни.

Сейчас в санатории заканчивается строительство нового лечебного корпуса.

Я. ЯКОВЛЕВ

Любители живописи

У рабочих Харькова давняя дружба с художниками. Ни одна художественная выставка не проходит без широкого обсуждения ее рабочей общественностью. Художники — частые гости в цехах харьковских заводов. Ими создано немало полотен, украшающих ныне стены харьковских музеев, дворцов культуры и клубов города.

В студиях изобразительного искусства, созданных во дворцах культуры «Металлист» и железнодорожников, художники обучают рабочих живописи, графике, ваянию, знакомят с творчеством великих русских художников.

На одной из центральных площадей Харькова находится художественный салон, где устраиваются выставки картин.

В выходной день мы застали в салоне токаря завода маркшейдерских инструментов Ивана Васильевича Курманова с женой Валентиной Петровной и сынишкой Сашей.

— Вот пришел купить картину для столовой в будущей квартире! — сказал токарь.— Скоро квартиру получаю в только что отстроенном доме. Мебель уже закупил, хочется, чтобы стены были украшены хорошими картинами.

— Наши посетители прекрасно разбираются в живописи,— говорит директор салона.— Плохая картина не имеет спроса. А как только появится в салоне умело выполненная копия или хорошее оригинальное произведение,— покупатель сразу же находится!..

А. КАШТАНЬЕР

Парусная неделя

Яхты подходят к старту.

Фото В. Александрова

Закончилась XV традиционная «Парусная неделя» на Клязьминском водохранилище.

Пятнадцать лет назад ленинградские яхтсмены прошли на 8 швертботах по Неве, Ладожскому озеру, Мариинской водной системе, привели их в столицу и передали москвичам.

Новый вид спорта завоевал симпатии москвичей.

В этом году в «Парусной неделе» участвовало более 500 яхтсменов, которые выступали на 136 судах различных классов. Только в классе швертботов-одиночек класса «О» на старт вышло 46 судов. Это вызвало даже некоторое замешательство в судейской коллегии, которая имела таблицу подсчета очков лишь на 40 судов.

Интересно протекала гонка на 25 морских миль.

Сигнальный шар на верхушке мачты. Удар в колокол оповещает, что до старта остается одна минута. Швертботы, сновавшие до этого времени в различных направлениях, подходят к линии старта. Гонка проходит в упорной борьбе. В классе «О» первенство завоевывает спартаковец Алдошин, на швертботе класса «Р3» — его одноклубник Гуманков.

В классах «Р-2», «М» и «Ерш» первыми финишируют Земцов (ДОСААФ), Дунаев («Наука») и Бочковский («Динамо»). Командное первенство и приз выигрывает коллектив «Динамо». Динамовцы же выиграли и 15-мильную гонку. Наконец, в финальном состязании на 10 миль динамовцы вновь оказались победителями.

Б. РАСПОПОВ

Спортивная смена

Момент передачи эстафеты.

Фото А. Бочинина

Каждое спортивное соревнование — это праздник молодости. Но соревнования юных легкоатлетов, воспитанников 13 детских спортивных школ профсоюзов Москвы, радовали особенно. Здесь было много не по возрасту рослых и плечистых юношей, сильных, стройных девушек. Верны и точны были их движения, с полным напряжением сил вели они борьбу.

Прошлогоднее первенство детских спортивных школ столицы выиграли легкоатлеты «Пищевика». Кто же в этом году завоюет кубок Московского городского совета профессиональных союзов? После двух дней соревнований стало ясно, что юные спортсмены «Пищевика», воспитанники мастера спорта Т. М. Курдош и Н. В. Новикова, не собираются без боя отдавать почетный приз. 60 юношей и девушек, защищающих честь своей спортивной школы, отлично подготовились к соревнованию. Они занимались не только летом, но и зимой.

В группе юношей 17—18 лет успешно выступил В. Базиков. Он выиграл забег на 100 метров с временем 11,6 секунды.

В группе девушек 17—18 лет отличилась воспитанница детской спортивной школы «Пищевик» Л. Быкова. Она победила на дистанции 400 метров (1 минута 0,2 секунды) и 800 метров (2 минуты 24 секунды).

Отлично провели девушки и эстафету 4 по 100 метров. Команда «Пищевика» в составе З. Комаровой, Л. Савиновой, Ю. Воробьевой, Н. Киселевой прошла дистанцию за 53 секунды.

Хорошо подготовленными оказались воспитанники и других спортивных школ Москвы. Обращает на себя внимание молодой спринтер «Буревестника» Ю. Башлыков (в группе 15—16-летних). Он показал лучшее время на 100 метров — 11,8 секунды. Воспитанница стадиона «Юных пионеров» С. Михайлова победила в беге на 100 метров. Она пробежала дистанцию за 13,3 секунды. В. Дуров («Химик») прыгнул в высоту 1 метр 60 сантиметров. В группе юношей 17—18 лет эстафету 4 по 100 метров выиграли бегуны «Красного знамени».

Три дня продолжалась интересная борьба спортивной молодежи по 17 видам легкой атлетики. Она принесла заслуженную победу молодым легкоатлетам «Пищевика», вторично выигравшим «Кубок».

Москва — Харьков — Москва

Победитель велосипедной гонки получит приз журнала «Огонек».

По примеру прошлого года Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта проводит многодневную велосипедную гонку по маршруту Москва — Харьков — Москва. Маршрут ее лежит через Тулу, Орел и Курск.

В этом интересном состязании принимают участие сборные команды спортивных обществ профсоюзов, коллективы ВВС, «Спартака», ЦДСА, «Динамо».

Командное первенство определяется по сумме времени семи лучших гонщиков. Команда, занявшая первое место, награждается переходящим призом и дипломом I степени Всесоюзного комитета.

Личное первенство определяется путем суммирования времени, затраченного велосипедистом за время всей гонки.

Гонщику — победителю личного первенства — присваивается звание чемпиона СССР по многодневным шоссейным гонкам. Кроме этого победитель получает диплом, приз Всесоюзного комитета и приз журнала «Огонек». Главным судьей соревнований назначен заслуженный мастер спорта С. С. Королев.

В прошлом году командную гонку выиграли спортсмены Военно-Воздушных Сил, а личное первенство, звание чемпиона и призы — молодой велосипедист Центрального дома Советской Армии Василий Чернов.

Победитель гонки 1951 года Василий Чернов с призом «Огонька».

Еще минута — и зазвучит барабанная дробь. Юные австрийцы под голубыми знаменами мира откроют демонстрацию молодежи.

Городской стадион Граца. Участники слета горячо встречают парад победителей соревнований молодежных спортивных и художественных групп. В центре — председатель компартии Австрии Иоганн Копплениг.

Торжественное открытие лагеря «Молодой гвардии». На сцене — карта Австрии; с запада на страну надвигается американский танк, на востоке реют знамена мира. Молодогвардейцы дают клятву быть такими же храбрыми и стойкими в борьбе за мир, каким был Олег Кошевой.

Фото А. Колошина

ЗА РУБЕЖОМ

Голос юности

Австрийские денщики американских генералов объявили 1952 год «годом молодежи». С помощью обмана, клеветы и угроз они пытаются завербовать молодых австрийцев в агрессивную «европейскую армию». По стране рыщут вербовщики из французского «иностранного легиона», из западногерманской реваншистской армии. Венские правители издают тайные распоряжения об увольнении молодых рабочих с предприятий, а затем пытаются заманить их в жандармерию — костяк тех десяти дивизий, которые угодливые австрийские правители обещали Вашингтону. Но молодое поколение Австрии не хочет стать пушечным мясом. Решимость передовой австрийской молодежи отстоять мир и независимость родины была ярко продемонстрирована на недавнем слете австрийской молодежи в Линце и Граце.

Попытки реакции сорвать слет оказались тщетными.

Юные патриоты ехали на запад своей родины, туда, откуда надвигается тень новой войны и где хозяйничают американские и английские генералы. Именно здесь они решили открыто заявить заокеанским колонизаторам, что не позволят расколоть свою родину и превратить ее в «альпийскую крепость» поджигателей войны.

В передовой отряд молодых австрийских борцов за мир — Союз свободной австрийской молодежи — в эти дни вливаются новые тысячи юных патриотов. В то же время правящие партии — «народная» и «социалистическая», идущие по пути предательства интересов своего народа, — теряют влияние на молодежь. За последние три года молодежная организация правых социалистов сократилась почти в три раза. «Новое поколение,— уныло отмечала недавно правосоциалистическая печать,— это сокровище, к которому у нас нет ключа».

Ключ к сердцу молодежи Австрии у тех, кто возглавляет борьбу за мир, за независимость и свободу народа.

Вот почему над рядами молодых демонстрантов в Линце и Граце вздымались лозунги: «Вместе с коммунистической партией — за мир!» Вот почему участники слета восторженно приветствовали руководителей компартии во главе с Иоганном Копленигом.

Трудно передать волнующую картину слета в Линце и Граце. Тысячи юношей и девушек заполнили два старинных австрийских города. На одну из площадей Линца, Булгаренплатц, со всех сторон стекались многолюдные колонны молодежи. Многие плакаты и лозунги были пока свернуты (американские власти приказали полиции препятствовать выступлениям против подготовки войны). По всему городу патрулировали отряды моторизованной полиции.

Но вот колонны выходят на центральную улицу города. Над демонстрантами вспыхивают лозунги: «Из нашей крови не добудете доллары!», «Европейская армия — без нас!», «Общий договор» — массовые могилы», «Руки прочь от Кореи!» Над улицей несется дружный клич сотен молодых голосов: «Американцы, убирайтесь домой!»

Американское командование заперло своих солдат в казармы, запретив выход в город на все время слета. Но мощные призывы демонстрантов наверняка были слышны и в казармах.

В Граце английские солдаты тепло приветствовали выступления молодежи против войны. Большая группа английских солдат примкнула к проходившей колонне и дружно подхватила возглас: «Американцы, убирайтесь домой!»

Во главе колонны демонстрантов, четко выбивая дробь, шли юные барабанщики. У каждого на груди эмблема «Молодой гвардии». На другой день после демонстрации в Линце мы были на открытии «лагеря австрийских молодогвардейцев».

Вихрастый малыш с гордостью показывал нам городок палаток, выросший за одну ночь. На транспаранте надпись: «Городок имени Олега Кошевого». Имя советского комсомольца, отдавшего жизнь за свободу своего народа, за свободу всего человечества, свято чтят юные австрийцы. Они чтят и память юного героя австрийского народа Сеппа Тойфля, замученного гитлеровцами в концлагере Маутхаузен.

Три дня Линц и Грац дышали силой молодости, жизни. Полные бодрости, веры в победу своего правого дела, юные борцы за мир возвращались в родные города и села. На поездах, мчавшихся во все концы страны, были начертаны слова, дорогие, близкие каждому честному человеку: «Со Сталиным — за мир!»

В. МИХАЙЛОВ

Линц — Грац,
июнь.

Турне по Западной Европе

Рис. Б. Ефимова

ИКУО ОЯМА — ГЛАШАТАЙ МИРА

Алексей КОЖИН

Как известно, правительство Иосида запретило выдающемуся ученому и борцу за мир профессору Икуо Ояма выехать в Москву, где ему должна была быть вручена международная Сталинская премия мира. На какие наглые и в то же время трусливые маневры ни пускались японские власти! Началось с того, что на квартиру к профессору стали являться агенты тайной полиции и прочие провокаторы с «добрыми советами»: они уговаривали Икуо Ояма отказаться от премии. Когда возмущенный профессор указал этим господам на дверь, в дело вступила токийская реакционная печать. В газетах поползли статейки с подлыми намеками на то, что-де Икуо Ояма — «противник интересов Японии», поскольку он не весьма уважает «американских друзей» и позволяет себе иметь дело с «подрывным» движением за мир.

Чиновники японского департамента иностранных дел устроили бесконечную волокиту с оформлением заграничного паспорта для Икуо Ояма. Газеты старались запугать старого ученого глупыми небылицами о якобы грозящей ему в Советском Союзе опасности. Наконец, пошушукавшись вволю с американским штабом, департамент иностранных дел объявил свою резолюцию: в паспорте отказать.

Однако на этом американские лакеи не успокоились. Они приняли еще дополнительные полицейские меры, показывающие их страх перед японским движением за мир и его деятелями. На пути следования к порту, где стоял советский пароход, отправлявшийся во Владивосток, были расставлены отряды полицейских и шпиков. Они проверяли каждую проезжающую машину. А продажные газетные писаки пускали слухи, что Икуо Ояма намерен «тайно покинуть Японию».

Но никакие полицейские провокации не смогли и не смогут поколебать того глубокого уважения, которым окружено в широких массах трудящихся Японии имя мужественного борца за мир Икуо Ояма. Профессор Ояма хорошо знает, что бороться за мир и счастье народа в условиях террора американских оккупантов и их японских марионеток — значит подвергать себя жестоким преследованиям. Но он неустанно и непреклонно продолжает свое благородное дело, зная, что это — дело миллионов простых людей его родины.

Икуо Ояма уже семьдесят два года. Но это не мешает ему, юношески стройному, полному энергии человеку, постоянно выступать то с парламентской трибуны, то перед университетской молодежью, то перед рабочими или крестьянами в защиту мира, против поджигателей войны. Его речи изобличают продажную клику Иосида, американских оккупантов, всю их разбойничью политику, направленную на то, чтобы превратить Японию в военный плацдарм для новой агрессии против свободолюбивых народов.

Когда говорит Икуо Ояма, чувствуешь, что слова его согреты безграничной любовью к родине, к простому трудовому японцу, стонущему под ярмом оккупации. В каждой фразе звучит страстная убежденность в правоте дела борьбы за мир и демократию, чувство глубокой, незатихающей тревоги за судьбу родины, за судьбу человечества. Вот почему выступления Икуо Ояма всегда встречают такой горячий отклик во всей стране.

Мне довелось дважды бывать на встречах профессора со сторонниками мира в Токио. Обе встречи были посвящены чествованию Икуо Ояма, как лауреата международной Сталинской премии мира.

Достаточно сказать, что на общегородское чествование Ояма явилось пятнадцать тысяч жителей Токио, тогда как зрительный зал едва мог вместить пять тысяч. Огромные толпы людей до конца собрания стояли на улице, а затем, слившись с теми, кто выходил из зала, устроили шествие по городу. Не менее волнующей была встреча профессора и с молодежью в университете Васеда, где почти пятьдесят лет тому назад Икуо Ояма был вручен аттестат об окончании университета.

Обращаясь к студентам, Икуо Ояма сказал:
— Сердечное спасибо за поздравления, за теплый прием, молодые друзья! Эта встреча еще больше убеждает меня в том, что честные люди старшего поколения стояли и ныне стоят на верном пути.

Икуо Ояма мог сказать это о себе с полным основанием. Еще будучи молодым преподавателем университета Васеда, он стал другом прогрессивно настроенных студентов. Вместе с ними выступал он в защиту профессоров, подвергавшихся гонениям реакционных властей за свои убеждения. Икуо Ояма самого изгнали из университета. Он становится сотрудником газеты «Асахи» в городе Осака и пишет передовые статьи для этой газеты. Статьи Ояма очень скоро обратили на себя внимание своим прогрессивным направлением. Когда началась интервенция японской военщины в Сибири, Икуо Ояма отозвался на это событие резкой статьей, требующей прекратить интервенцию, обуздать зарвавшихся милитаристов. Это было в пору властвования реакционного кабинета министров Тераучи. Правительство немедленно распорядилось уволить автора статьи из редакции «Асахи».

Икуо Ояма возвращается в университет Васеда, получает там профессорскую кафедру. Преследования властей не заглушили в нем стремления бороться за мир и справедливость. Он решительно выступает против попыток военизировать обучение и воспитание студентов, против гонений на свободолюбивую молодежь. В 1923 году военные власти решили учредить в университете Васеда «военный научно-исследовательский институт». Студенты в знак протеста выставили плакаты: «Не позволим сделать из университета Васеда орудие войны!». Молодой профессор горячо и мужественно поддержал студентов. Властям пришлось отказаться от своей затеи. Но студенческая прогрессивная организация была разгромлена, начались повальные аресты, убийства. Был арестован и Икуо Ояма.

Выйдя на свободу, он вновь отдается кипучей общественной деятельности. В 1926 году Икуо Ояма — председатель Центрального исполнительного комитета рабоче-крестьянской партии. Эта партия, наряду с коммунистической партией, была активной защитницей жизненных интересов трудящихся. Во главе правительства стоял тогда матерый милитарист генерал Танака, а правой рукой его, министром иностранных дел, был нынешний премьер-министр Иосида. Рабоче-крестьянская партия была распущена. Один из ее лидеров погиб от руки палачей. Икуо Ояма, которому также грозила расправа, вынужден был эмигрировать за границу.

В Японию он вернулся много лет спустя, после разгрома японской военщины в 1945 году. В сердцах людей возродилась надежда увидеть новую, свободолюбивую, демократическую Японию. Действительность сразу омрачила эти надежды. Хорошо знакомый с природой американского империализма, как специалист по вопросам государственного права, Икуо Ояма сразу увидел, что означает для японского народа установленный американскими оккупантами режим. От зоркого взгляда Ояма не укрылось, что под вывеской «демократизации» идет возрождение японского милитаризма и удушение демократических сил. Икуо Ояма с тревогой следил за тем, как японские холопы американцев с первых же дней капитуляции Японии готовили войну против демократической Корейской республики, против Китая и Советского Союза. Всё — естественные и людские ресурсы Японии, ее экономика, территория — поставлено на службу американским монополиям, поджигателям войны. Реабилитируются военные преступники. А те, кто поднимает голос протеста против иноземных поработителей и национальных предателей, становятся жертвами полицейского террора.

Икуо Ояма не мог молчать. Он стал рассказывать людям правду о той участи, которую готовят враги Японии ее народу. В памяти японского народа надолго сохранится речь, произнесенная им в парламенте накануне ратификации так называемого «мирного договора» с Японией. Либералы, составляющие большинство парламента, пытались сорвать выступление Икуо Ояма, прерывали его злобными выкриками. Но Икуо Ояма успел сказать главное. Он разоблачил предательскую сущность кабального договора, навязанного Японии американскими империалистами. Миллионы честных людей Японии услышали эту речь. Они ответили на нее еще бо́льшим сплочением своих сил в борьбе за демократическую, миролюбивую родину.

Икуо Ояма — член Всеяпонского комитета защиты мира. Этот комитет беден средствами, ютится в темной, неприглядной комнате, но он богат своими духовными силами, прочными связями с народными массами. На средства, собираемые трудящимся населением, комитет издает газету, журналы, брошюры, пропагандирующие идеи мира. Эти идеи все глубже проникают в толщу японского народа, становятся самыми популярными, боевыми лозунгами масс. По всей Японии создано около двух тысяч местных комитетов защиты мира — в городах, селах, на предприятиях, в учебных заведениях. На общественных собраниях, в квартирах, в трамваях, в общежитиях можно увидеть скромно одетых людей, приглашающих граждан Японии поставить свои подписи за мир, против перевооружения страны и воинской повинности. Сборщиков подписей арестовывают на улицах, обвиняют в нарушении оккупационного режима, изгоняют с работы, исключают из университетов, бросают в тюремные застенки.

И все-таки правда о мире проникает во все уголки страны. Уже 6 миллионов японских граждан скрепили волю к миру своей подписью. 1 271 подпись собрал один слепой житель деревни Камиекадо префектуры Симане. Более 1 600 — Ким и его семья — жители города Иокогамы. Все 5 тысяч рабочих токийской фирмы автоперевозок поставили свои подписи за мир. Эти рабочие-шоферы, разъезжая по городу с грузами, собрали среди населения 24 400 подписей. Сколько за этими цифрами подлинного героизма, мужества, энтузиазма пламенных патриотов Японии, встающих на защиту мира! И первый среди них — лауреат международной Сталинской премии мира профессор Икуо Ояма. Его мужественное слово звучит не умолкая, как набатный колокол, как призыв к освобождению японского народа, попавшего в беду.

Имя Икуо Ояма стало подлинным символом свободолюбивых стремлений миллионов сторонников мира Японии. Вот почему так ненавидят его американские и японские поджигатели войны. Вот почему его знают и любят простые люди Японии, подлинные патриоты своей родины.

Корея не простит

Кочжедо! Название этого острова, одного из цветущих уголков корейской земли, сейчас у всех на устах в Корее. На заводах, в селах, в учреждениях люди с гневом и болью говорят о злодеяниях, которые творит на этом затерянном в море островке американская военщина.

В обеденный перерыв мы приходим на Н-скую фабрику, где работает Героиня Труда прядильщица Тан Ун Силь. Девушки ее бригады совсем молоды. Это дочери рабочих, ушедших на фронт. Наскоро перекусив, они садятся на траву, чтобы послушать свежую газету, которую звонким голосом читает им их бригадир, она же агитатор, двадцатилетняя Тан Ун Силь. Голос ее прерывается от волнения: она оглашает факты о новых преступлениях американских интервентов, о новых расстрелах военнопленных на Кочжедо.

В суровом молчании слушают девушки. Вдруг слышатся сдавленные рыдания. Прислонившись спиной к стене, сидит Ок, ударница-прядильщица. Весной Ок получила известие, что единственный ее брат, солдат Народной армии, раненный в бою, попал в плен. Возможно, и он сейчас на Кочжедо. Девушке мучительно трудно слушать страшные сообщения, которые идут с острова пыток.

Вдруг Ок порывисто встает и отнимает руки от покрасневших глаз.

— Я не буду больше плакать,— говорит она.— Я буду работать. Ведь каждая наша ниточка — это петля на шею врага! Американские волки думают, что нас можно уничтожить, покорить, заставить смиренно плакать. Мы не покоримся!

Так же, как эти девушки-патриотки, сейчас думают и поступают корейцы всюду, во всех уголках охваченной патриотическим порывом страны.

На проспекте имени Сталина в Пхеньяне, у газетной витрины, где всегда толпится народ, в эти дни особенно людно. Не умолкают голоса добровольных чтецов.

Пожилой рабочий с усталым лицом говорит:

— Я сегодня дал одну норму за себя, другую за того, кто сейчас в плену.

Крестьянин, привезший в Пхеньян овощи и придерживавший своего вола у витрины, понимающе кивает головой:

— Если бы я мог послать им туда немного рису!..

— Американцам это даром не пройдет!— горячо вмешивается в разговор юноша в роговых очках, со студенческим значком на фуражке. — Им не под силу победить нас, и потому они хотят заставить попавших в плен людей отказаться от родины. Не бывать этому, не бывать!..

«Слава мужественным борцам Кочжедо!», «Мы с вами, патриоты Кочжедо!» — эти плакаты можно видеть на домах и развалинах во всех уголках Пхеньяна.

Я слышу, как солдат Народной армии, прочитав эти слова, обращается к товарищу:

— Неужели эти американские тупицы не хотят понять, что корейский солдат не может быть предателем!..

...Три часа дня. Над городом, как всегда в этот час, гудит сирена тревожно и предупреждающе. Черные столбы дыма встают в разных частях города. И вдруг грохот орудий: это зенитная артиллерия Народной армии вступает в борьбу с воздушными пиратами...

Мы едем к месту, где упал сбитый зенитчиками американский самолет. Там уже людно. Приводят летчика, выбросившегося с парашютом. Лицо исцарапано, он хромает, озирается, как затравленный волк. Кто-то из толпы подходит к нему и, показывая пальцем на разбитый, превращенный в груду лома самолет, говорит медленно и яростно:

— Это за Кочжедо!

Американец слышит знакомое слово и трусливо вздрагивает.

— Мы не звери, — говорит пожилой кореец, — мы не издеваемся над пленными. Но пусть знают: Корея не простит им Кочжедо! Они ответят за все, что творят у нас!..

Василий **КОРНИЛОВ**

г. Пхеньян, июнь.

Китайские народные добровольцы в Корее клянутся отомстить за Кочжедо.

Необычный урок

В школу привезли двадцать четыре чертежных прибора, чтобы раздать их на руки так же, как раздают тетради и карандаши...

Учащихся Московской первой средней школы-интерната для слепых детей обучают черчению и рисованию.

Школа эта, существующая давно, ныне дает своим питомцам полное среднее образование. Здесь учится более двухсот потерявших зрение мальчиков и девочек. Они живут тут же, в интернате. В мастерских они приобретают специальность, обучаются письму на пишущей машинке. Воспитанием детей занято пятьдесят семь педагогов, посвятивших себя тифлопедагогике — науке обучения слепых.

Школа располагает большой библиотекой, где собраны изданные специально для слепых книги, музыкальными инструментами, обширным и хорошо оборудованным физкультурным залом, учебными кабинетами. Ребята живут полнокровной и интересной жизнью. Лето они проводят на школьных дачах, расположенных в живописном уголке Подмосковья.

В первых двух выпусках школы-десятилетки было свыше тридцати юношей и девушек. Многие из них заслужили золотые и серебряные медали и ныне продолжают учиться в высших учебных заведениях. Но до последнего времени отсутствие зрения ограничивало выбор специальности: никто не имел возможности поступить в технический вуз. В учебной программе школы, не отличающейся от обычной, отсутствовали два предмета: черчение и рисование.

Карандаш, бумага, резинка — эти элементарные принадлежности любого школьника здесь не находили применения. Чертеж, схема, план, которыми так часто пользуются ученики, оставались недостижимыми для слепого ребенка.

Ныне эта трудность преодолена. Преподаватель школы Николай Анатольевич Семевский создал специальный чертежный прибор для слепых и разработал систему преподавания графики детям, лишенным зрения. Черчение еще не включено в учебный план, но фактически уже преподается.

Возможность чертить казалась ребятам несбыточной. Теперь черчение стало любимым предметом. В этом легко убедиться, если посетить урок в чертежном кабинете.

Посреди небольшой комнаты стоит длинный стол. За ним сидят ученики. Над шкафом плакат: «Графика обогатит миропредставление слепого». Дети не могут этого прочесть, но усердие их свидетельствует, как стремятся они расширить свое представление о мире.

Перед каждым учеником небольшая чертежная доска и набор инструментов. Черчение осуществляется на тонком слое незасыхающей и не пачкающей рук мастики. Если провести рейсфедером по мастике, на поверхности ее появляется рельефная, хорошо осязаемая линия. Пользуясь таким же путем и другими инструментами, можно вычертить на мастике необходимый чертеж. Прибор позволяет автоматически копировать чертеж на бумагу.

Николай Анатольевич ведет урок в седьмом классе.

— Приготовьтесь, ребята,— говорит он.

Ученики специальным уравнителем, как бы резинкой на бумаге, сглаживают поверхность чертежной доски. Затем они делят ее на четыре равные части, проводят окружности, пользуясь циркулем, параллельные горизонтальные линии при помощи линейки и треугольника.

— Теперь,— говорит преподаватель,— посмотрите на эти чертежи и начертите их на вашей доске,— и он раздает каждому сложный чертеж, рельефно нанесенный на плотную бумагу.

Дети приступают к работе. Не торопясь, стараясь чертить как можно аккуратнее, они редко прибегают к уравнителю и без исправлений наносят на мастику весь чертеж.

— Хорошо, Володя,— говорит Николай Анатольевич, склоняясь над работой ученика Смирнова. — Видите, ребята, Смирнов сделал чертеж превосходно! Чертите, ребята, каждый по своему выбору.

Они вычерчивают звезды в круге, сложные многоугольники.

— Молодец, Слава!— Николай Анатольевич доволен работой Вячеслава Тимофеева, быстро и аккуратно начертившего замысловатый орнамент.

Слепые школьники теперь рисуют разрез дерева, чертят карту Индонезии или схему московского метрополитена, наносят на «бумагу» схематическое изображение движения комет или план штурма крепости Измаил.

— Перед нами открылся новый мир,— говорят учащиеся этой необычной школы.

Новая учебная дисциплина называется тифлографикой — черчением, или графикой, для слепых.

Изобретение Н. А. Семевского вызвало большой интерес научных работников. Так, старший научный сотрудник Академии педагогических наук РСФСР кандидат педагогических наук Ф. Н. Шемякин считает, что новый прибор расширяет возможности познания слепыми внешнего мира, в частности, познания таких форм, которые раньше оставались для них почти недоступными.

Бывший воспитанник школы, где зародилась тифлографика, доцент Московского государственного университета А. С. Пархоменко говорит:

— Прибор Семевского создан уже после того, как я окончил школу, и мне не удалось овладеть этим крупным достижением советской тифлопедагогики. Оно будет, конечно, использовано не только в средней школе, но и студентами высших учебных заведений.

Большую ценность представляет новый прибор для слепых, получивших в прошлом техническое образование и лишившихся зрения в годы войны или в результате болезни.

Чертежный прибор, который Николай Анатольевич Семевский привез в школу,— последний, усовершенствованный вариант, выпущенный нашей промышленностью. Каждый ученик получит в личное пользование маленький портфель с драгоценным прибором и будет носить его, как обычный школьник носит портфель с книгами, тетрадями, карандашами, резинкой.

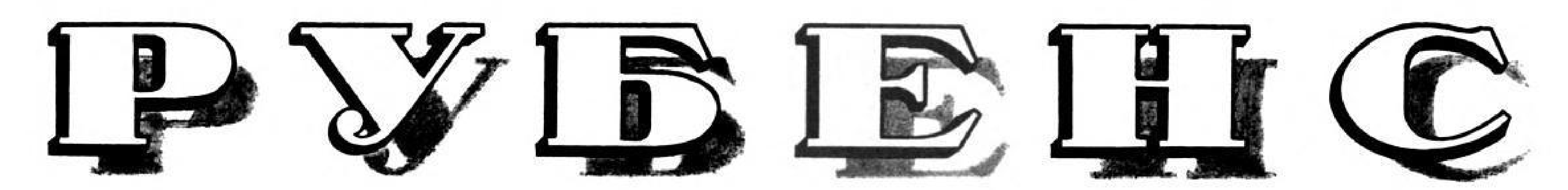
Новая учебная дисциплина — тифлографика — прочно вступила в свои права.

А. ЛАПИН

Николай Анатольевич Семевский рассматривает чертеж ученика Володи Смирнова.

Фото Я. Рюмкина

РУБЕНС

К 375-летию со дня рождения

М. АЛПАТОВ

Молодость Рубенса приходится на время, роковое для судеб его родины — Нидерландов. Он замечал вокруг себя отголоски той национально-освободительной войны, которую нидерландский народ вел с испанскими властями, отстаивая право самоуправления, веротерпимость, стремясь избавиться от феодального гнета. Правда, южным штатам Нидерландов, в которых протекала жизнь Рубенса, так и не удалось изгнать из своих земель испанских насильников. Здесь сохраняет свои привилегии знать, страной управляют испанские наместники. Однако самый факт пробуждения народных сил, восставших против иноземного ига и своих угнетателей, оставил в жизни страны глубокий след. Перед глазами нидерландских патриотов стояли примеры доблести борцов за свободу, им трудно было забыть попытку трудового народа выступить в защиту человеческих прав и независимости родины.

Подобно многим другим современным художникам, Рубенс по своему общественному положению придворного живописца был близок к нидерландской знати. Это не могло не наложить отпечатка на его искусство, определило круг его сюжетов, характер образов и весь величаво-торжественный строй его живописи. Однако, как большой и правдивый художник, Рубенс не мог ограничиться ролью выразителя вкусов высших классов общества. Щедро черпая из животворного источника народного творчества, он широко показал в своем искусстве жизнь своей родины. И это не только в том смысле, что в картинах его, самых разнообразных по содержанию, можно видеть типичные фигуры его соотечественников — фламандцев XVII века. В самых идеях и понятиях, которые художник выразил в своем искусстве, в самом характере его живописного творчества широко отразилось соотношение общественных сил современной ему действительности. Сквозь необходимость служить своею кистью княжеской власти у него постоянно пробивается неугомонная натура человека, близкого народу. Замысловатые аллегорические намеки, часто вложенные в его произведения, постоянно сменяются увлеченным рассказом о всем том, что ему приходилось видеть, о красотах и дарах родного края, о радостях семейной жизни, о себе самом. Вопреки призывам церковников к отречению от земного и к ожиданию небесного блаженства в душе художника живет неугомонная потребность воспеть в своем искусстве земные радости жизни, человеческого бытия. Творчество Рубенса — торжествующий гимн человеку, неистощимым силам природы и земли.

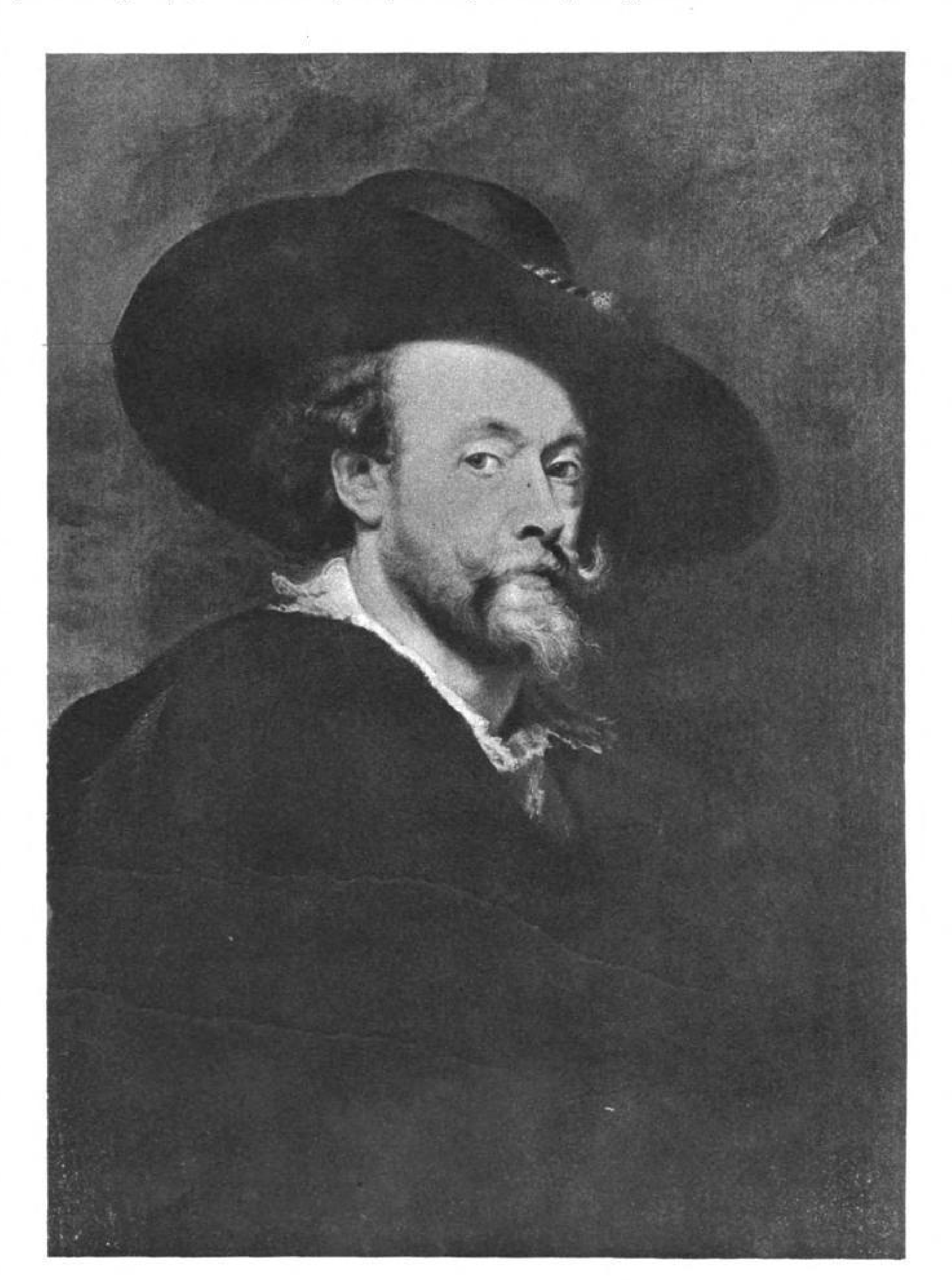
В качестве живописца Рубенс прошел выучку в Антверпене; от своих наставников он перенял основные навыки живописного ремесла. Но если говорить о художниках, которые были истинными вдохновителями его зрелого творчества, то это, с одной стороны, великие мастера итальянского Возрождения с Тицианом во главе, которых он узнал во время длительного пребывания в Италии, с другой — величайший среди нидерландских художников XVI века, замечательный бытописатель крестьянской жизни Питер Брейгель по прозвищу Мужицкий, картины которого Рубенс постоянно имел перед глазами в Антверпене.

Рубенс принадлежал к числу тех универсальных гениев искусства, которые не замыкаются в границах того или другого жанра, но умеют откликнуться на самые различные стороны жизни. Он проявил себя и в исторической живописи и в области портрета, в пейзаже и в алтарном образе, в живописи декоративной и в рисунке. В каждой области им созданы замечательные шедевры.

Обстоятельства вынуждали Рубенса писать много парадных портретов. В них он неохотно вдавался во внутренний, интимный мир человека. Высокопоставленные заказчики ценили мастера за то, что он, как никто другой, умел придать всем этим князьям и принцам, придворным и духовным лицам, которые ему позировали, торжественную представительность в осанке, в манере носить костюм, высокомерное степенство и важность. Этими портретами Рубенс снискал себе славу при жизни. Они сделали его образцом для многих позднейших портретистов.

Однако как ни хороши сами по себе парадные портреты Рубенса, ими далеко не исчерпываются творческие возможности художника. В этом нетрудно убедиться, побывав в Эрмитаже. В обширном зале, отведенном великому фламандскому мастеру, есть одна небольшая и не блещущая яркостью своих красок картина, которая невольно приковывает внимание зрителей.

Это полотно Рубенса носит название «Портрет камеристки». Создано оно было в тот редкий и счастливый день в жизни великого мастера, когда он, отбросив светские условности, посвятил свое несравненное мастерство молоденькой девушке, приглянувшейся ему среди прислужниц нидерландской наместницы, герцогини Изабеллы. В портрете этом нет и следа обычной у Рубенса роскошности и напыщенности. Бледное личико камеристки, ее по-детски улыбающиеся губки, доверчиво и широко раскрытые прозрачно-серые глаза — все чарует своей милой простотой. Да-

Рубенс (1577—1640). **АВТОПОРТРЕТ.**

ЭТЮД НЕГРА.

же старинный модный наряд с тугим кружевным воротом не сковывает ее, он всего лишь обрамляет живое личико белокурой камеристки.

В огромных холстах Рубенса на исторические, мифологические и церковные темы обычно много пафоса и бурного движения, много волнующей страстности. В них проявляется его совершенное владение искусством сложной композиции, его неиссякаемое воображение, изобретательность декоратора, вся щедрость его творческого порыва. Огромное количество картин, бесчисленное множество рисунков — таков итог творческой жизни великого мастера. Заваленный заказами, он часто пользовался помощью многочисленных учеников, ограничивая свою роль тем, что придумывал композицию и закреплял ее в первоначальном рисунке. После того как картину выполняли его подмастерья, он несколькими ударами кисти придавал ей тот блеск, который позволял ее выпустить из мастерской как произведение самого мастера. Далеко не все эти многочисленные огромные картины Рубенса, на выполнение которых не могло бы хватить его беспримерной энергии, ограниченной коротким сроком жизни, можно признать целиком его собственными созданиями.

Среди картин Рубенса на мифологические темы одним из его собственноручных произведений является «Битва амазонок». Рубенс выступает в ней не только как продолжатель Леонардо да Винчи, «Битву при Ангиари» которого он копировал, но и идет значительно дальше мастеров Возрождения. Эта тема увлекала Рубенса тем, что давала повод показать воинскую отвагу, смелость и красоту могучих человеческих тел. В скачущих конях сосредоточена бездна неукротимого движения, они представлены в самых смелых и разнообразнейших раккурсах и поворотах.

Но картины вроде «Битвы амазонок» характеризуют только одну сторону наследия Рубенса. Величаво-торжественный, приподнятый героизм, который требовался в исторических холстах, видимо, не мог полностью его удовлетворить, и потому он так охотно обращался к скромным темам из трудовой жизни крестьянства. В этих картинах Рубенса можно видеть, как зеленеет трава на лужайках и серебряной лентой вьется река, как медленно переступают на пастбищах тучные коровы, как трудятся красавицы-доярки, как они сбивают масло и, утомленные работой в поле, спешат к себе домой. После трудов крестьяне отдаются безудержному веселью, и Рубенс передает, как они ведут хороводы и весело отплясывают на площадках под тенью густых деревьев. С ростом жизненного опыта Рубенса усиливалось влечение его к сценам из трудовой жизни родного крестьянства. Вот почему много картин на сельские темы появилось у Рубенса в годы творческой зрелости, в последнее десятилетие его творческой деятельности.

О потребности великого мастера ближе подойти в своем искусстве к жизни родной страны говорят и его многочисленные пейзажи. В пейзажах Рубенс не был лириком, как многие позднейшие голландские мастера. Взирая на природу глазами эпического поэта, он воспевал ее величавую силу и могучую красоту; он видел в ней поле неутомимой деятельности человека. Обычно Рубенс не ограничивается каким-нибудь скромным уголком, но выбирает такую точку зрения, откуда открываются бесконечные дали, просторы полей, тенистые рощи, извилистые реки и замыкающие горизонт голубые холмы. Панорамы его рождают в зрителе радость от одного ощущения своей причастности к миру, обширному и захватывающему своим изобилием и разнообразием.

САТИРЫ.

Находящийся в Эрмитаже пейзаж Рубенса «Возчики камней» задуман как героическая поэма о природе и человеке. Каменистая почва круто вздымается и преграждает путь человеку. Могучие стволы деревьев, как живые существа, протягивают свои корявые ветви. Наперекор этим силам стихии человек прилагает все усилия, чтобы преодолеть ее сопротивление, чтобы сдвинуть с места тяжело нагруженную телегу. Это единоборство и составляет центральный мотив пейзажа. Его обрамляют с боков два вполне самостоятельных вида, и это придает картине трехчленный характер. Справа открывается вид на мирную долину с голубой цепью гор на горизонте и ясным вечерним небом; слева проглядывает кусочек романтического ночного пейзажа: из-за деревьев выплывает серебряный диск луны, ее отблеск виден в зеркальной глади пруда.

В совершенстве владея всеми средствами живописного мастерства, Рубенс никогда не пренебрегал возможностью пристально изучать натуру, делать рисунки и этюды маслом с людей и животных. В этюдах Рубенса проявляется весь его дар великого реалиста. Воз-

БИТВА АМАЗОНОК.

П. П. Рубенс (1577—1640). ПОРТРЕТ КАМЕРИСТКИ.

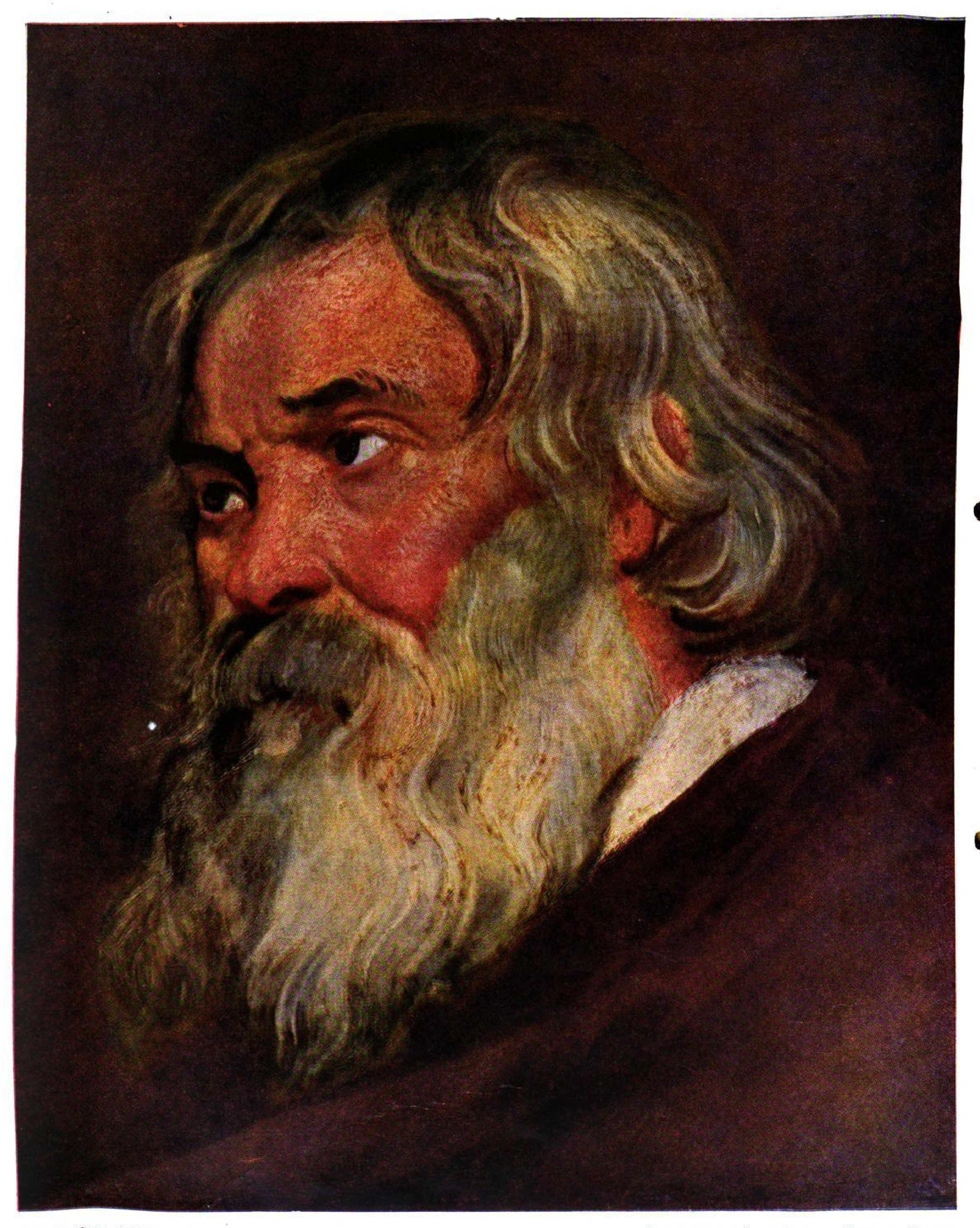
Государственный Эрмитаж. Ленинград

. П. Рубенс. ВОЗЧИКИ КАМНЕЙ (около 1620 года).

Государственный Эрмитаж, Ленинград

П. П. Рубенс. ГОЛОВА СТАРИКА. Государственный музей имени Пушкина. Москва.

можно, что в связи с замыслом какого-нибудь поклонения волхвов, в котором должен был участвовать и чернокожий восточный царевич, Рубенс выполнил свой этюд негра, в котором голова модели повторена несколько раз в различных поворотах. Своей модели Рубенс предоставил на этот раз полную свободу, не насилуя ее никакими условностями. Он наблюдает и изображает голову в различных положениях, и главное, с различным выражением лица. В те времена очень немногие способны были увидеть в чернокожих невольниках полноправных людей, достойных лучшей участи. Глазом художника-реалиста Рубенс открыл в лице негра не только красоту блестящей кожи шоколадного оттенка, выделяющего голубизну белков и белизну ровных зубов. Он угадал привлекательность той внутренней жизни, которая сквозит и в живом смеющемся взгляде модели, в добродушно-приветливой улыбке на губах.

В этюдах Рубенса проявляются его наблюдательность и зоркость. Однако одних этих качеств было бы недостаточно для создания картин, блещущих широкими обобщениями, отмеченных печатью глубокой и смелой мысли, — требовался еще дар художественного воображения. Возможно, что в основе картины Рубенса «Сатиры» лежит непосредственное жизненное впечатление художника. Насмешливый рыжебородый мужчина с плутоватой улыбкой на устах похож на тех фламандских крестьян, которых Рубенс хорошо знал и внимательно наблюдал у себя на родине. Но, изображая их в облике сатиров, он не просто пририсовал к ним витые козлиные рожки. Он помогает нам понять смысл мифа о козлоногих и рогатых сатирах, в которых древние греки видели воплощение сил природы. Даже среди итальянских мастеров Возрождения не было художника, которому удавалось бы придать такой наглядный характер античным мифам, как это можно видеть у Рубенса.

Все, что изображает Рубенс: полные тела фламандских красавиц, их пышно-кудрявые золотистые волосы, роскошные цветные ткани и блистающие драгоценности, лоснящиеся крупы коней, зеленую мураву лугов и могучие тенистые деревья, — всему этому его богатая, красочная палитра сообщает почти физическую ощутимость. В картинах его сама материя искрится и сверкает, словно улыбается человеку и радует его сознанием того, что весь осязаемый, окружающий мир способен в картине превратиться в живописную драгоценность.

Как живописец Рубенс имел за собой многовековый опыт Возрождения, и прежде всего опыт таких мастеров колоризма, как Тициан и Веронез, как ранние нидерландцы. И сам он обогатил мировое искусство несравненным умением в одном живописном образе дать понятие о многообразии качеств каждого предмета, каждого явления природы.

Техникой масляной живописи Рубенс владел с несравненным совершенством: краску он накладывал то густо и сочно, то прозрачно, так, что сквозь нее просвечивает грунт. Порой он тщательно выписывал мельчайшие частности, порой покрывал обширные плоскости широкими мазками — вот почему в картинах его так ясно и объемно строятся формы, так ощутимо движение тела, и свет то скользит по предметам, то играет множеством отблесков. Картины Рубенса производят впечатление исключительного красочного богатства и щедрой роскоши. В человеческих лицах и в обнаженных телах передается румянец и полнота, чуть не самое движение крови; белокурые волосы женщин и седые — стариков сверкают, как золото и серебро; шелковые ткани блестят и отливают тончайшими полутонами, бархат густо наливается в тенях. Рубенс владел искусством приведения многообразных и сложных средств живописи к стройному единству симфонического произведения.

Искусство Рубенса вызывало восторженный интерес в последующие эпохи. Правда, из лагеря академий по его адресу нередко раздавались упреки за нарушение строгих правил классической эстетики; полнокровность и жизнерадостность его художественного мироощущения казались академистам нарушением хорошего вкуса и благопристойности. Однако в XIX веке, в годы борьбы с отжившим свой век академизмом, Рубенс приобрел особенную привлекательность для тех мастеров, которые стремились к правдивости своего живописного языка. Величайший французский художник Делакруа через всю свою жизнь пронес восторженное отношение к этому мастеру, которого он называл Гомером живописи. Карл Брюллов высоко оценил его искусство, находя в картинах его «роскошный пир для очей».

Рубенс принадлежит к числу величайших мастеров классической живописи, таких, как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан, Веласкес и Рембрандт. Искусство Рубенса дорого нам своей брызжущей жизнерадостностью, полнокровным здоровьем, смелостью творческой фантазии и неизменно высоким мастерством. В картинах Рубенса воплощена та истинная красота, которая делает для нас искусство его источником подлинного эстетического наслаждения.

КРЕСТЬЯНКА, СБИВАЮЩАЯ МАСЛО.

ЛЕВ. Рисунок

Новь

Александр ПРОКОФЬЕВ

ПЕСНЯ

Казак ехал степью, и в дальнем пути
Хотел он казацкое море найти.
«Напрасно ты ищешь, не верь никому,—
Полынная степь говорила ему. —

В степи только носится желтая пыль,
Да ветер в раздолье качает полынь.
Скачи, не доскачешь никак до воды,
Давно к ней, казак, затерялись следы».

Но шла и летела другая молва,
Но мчались над степью другие слова:
«Еще проскачи, на полынь наступи,
Увидишь, как плещется море в степи».

Безбрежное море далеко легло,
То синей, то мутной волной зацвело.
Там ветер гудит и летает морской
Над степью казацкой, над степью донской.

И стал долгий путь казаку не тяжел,
Он степь не покинул, а море нашел.

ПО МОРЮ ГУЛЯЕТ...

Я б родимый дом покинул,
Чтобы море увидать...
(Из песни)

По морю гуляет казак молодой,
Казачка-морячка идет за водой.

Туда по тропинке проходит она,
Где волго-донская вскипает волна,
Где алые зори на море степном,
Где тонут закаты под самым окном,

Где гаснет закат, не гаснет — горит...
Казачке казак молодой говорит:
«Казачка, мы были с тобой степняки,
А стали теперь навсегда моряки,

Чтоб море увидеть, чтоб на море стать,
Не надо, казачка, нам дом покидать.
Куда ни пойди и куда ни ступи, —
Шумит наше море в родимой степи,

С ним служба и дружба, на нем я найду
Матросскую долю в казацком роду.
В казацкой станице, в казацком краю
Уж где-то мне шьют бескозырку мою».

По морю гуляет казак молодой,
Казачка-морячка идет за водой.

ИЗ МОСКВЫ НА ВОЛГО-ДОН

Начинался рейс не по-привычному,
И посадка не была проста,
Пассажиры были необычные, —
Палубные заняли места.

— Я хочу, чтоб было все по нраву им, —
Капитан команде пробасил.—
Сколько лет хожу по Волге, плаваю,
А такого чуда не возил!

И от пассажиров верхней палубы,
Плывших Волгой — реченькой родной,
Ни одной не поступило жалобы,
Письменной и устной, — ни одной.

Нет, мы подтвердим еще для точности,
Что цветы, не знавшие невзгод,
Благодарность вынесли цветочницам
За любовь и ласку, за уход.

Закивали ирисы бутонами,
И уже не ставил под вопрос
Их судьбу веселую, зеленую
Сам руководитель группы роз!

Судьба черной плесени

Георгий БЛОК

За стеклянными оконцами перегородки, отделяющей угол комнаты, пылает синий узкий язычок пламени. Здесь, в кабине, напоминающей будку телефона-автомата, строгая стерильная чистота, пожалуй, не уступающая чистоте операционной. Занесенных током воздуха одиноких микробов насмерть разит сильное дезинфицирующее средство.

Однако этого недостаточно, когда приходится действовать за пределами видимости даже очень острого, но невооруженного глаза. Надо всегда быть настороже. Иначе прозеваешь, и мельчайшее живое существо проскользнет в пробирку — вот в такую, какая лежит на столе,— с питательной средой, называемой сусловым агаром.

Тут есть чем полакомиться, да еще в термостате — шкафу, где хитроумные приспособления поддерживают заданную температуру в 30 градусов выше нуля. Попав в столь райские условия, посторонний микроб за сутки даст неисчислимое потомство. Значит, время и труд истрачены впустую, на ветер: сызнова начинай опыт.

Рана, говорят врачи,— врата инфекций. Подобные врата — горлышко пробирок. Через них может проникнуть внутрь невидимый враг. Или он прилепится где-нибудь на платиновой петле, и в пробирку его случайно занесет рука человека. Однако повадки незримого «зайца» известны, и его ожидает жестокая кара.

Девушка в белом халате, аспирантка Елизавета Двадцатова — она скоро будет защищать диссертацию на степень кандидата наук — входит в кабину, плотно притворив за собой дверь. В руках у нее две пробирки, заткнутые ватными пробками, и петля, похожая на вязальный крючок.

Платиновая петля над огнем накаляется, багровеет; микробы, если они и были, погибают. В пламя окунаются горлышки пробирок, вата кое-где вспыхивает, но ловкие пальцы моментально гасят ее.

Все происходит в удивительно быстром темпе. Вблизи огня вытаскивается одна пробка, петля ныряет внутрь пробирки и что-то там захватывает. Движение пальцев — и приподнимается пробка, петля совершает прыжок, влетает во вторую пробирку, касается желтоватого, вроде желе, агара, сбрасывает на него свой груз и извлекается наружу. В долю секунды пробки водворяются на место.

Споры грибка — почти неуловимые простым глазом живые пылинки—переселены в новую квартиру. Через 36 часов они затянут тонкой сплошной пленкой верхний слой агара, вырастет еще одно поколение черной плесени — теперь черной только по имени — перевоспитанного грибка, рожденного трудом, упорством и смелостью мысли новаторов мичуринской школы.

Плесени в наши дни повезло. Раньше она не вызывала к себе интереса, от нее просто старались избавиться. Невидимые споры, неведомо откуда забравшись в темный, сырой угол, располагались на брошенных, забытых вещах, ткали серые мохнатые пятна. Плесень была синонимом застоя, одряхления; сказать «заплесневел», «покрылся плесенью» все равно, как «отстал», «устарел», «не годен»...

Внезапно отношение к плесени, вернее, к плесневым грибкам, переменилось, стало весьма положительным, почти нежным. Оказалось, что некоторые их виды скрывают в себе могучие целебные вещества. Таковы ныне прославленные пенициллин, грамицидин, стрептомицин. Они побеждают болезни, обладают способностью уничтожать многих невидимых врагов нашего здоровья.

Арсенал медицины пополнился новыми лекарственными средствами, люди научились пользоваться тем, что приготовила, но утаивала сама природа. Именно приготовила сама.

А нельзя ли поправить природу, нельзя ли плесень переделать, обогатить свойствами, которыми ее обделили?

Над этим отнюдь не праздным вопросом задумалась Раиса Васильевна Фениксова, руководитель лаборатории Всесоюзного института спиртовой промышленности. Решение его сулило многое — и теории и практике.

Огромное количество — тысячи вагонов — ячменя ежегодно идет на производство солода. Замоченное зерно лучшего качества засыпают в гигантские медные сита, где оно живет 10—12 дней. Здесь его продувают струей теплого и влажного воздуха.

Зерно с проростками и есть солод. Его размалывают, смешивают с водой и по трубам перекачивают в чаны с разваренным картофелем. Сила солода в его ферментах, веществах-ускорителях. Они превращают крахмал, который содержится в картофеле, в сахар, в свою очередь, сбраживаемый дрожжами в спирт.

Исстари повелось курить спирт из картофеля или зерна. Естественно, что у солода сложилась солидная репутация — незаменимого. Нет солода,— значит, нет спирта.

В этом-то и усомнилась Фениксова. На Востоке — в Китае, Корее, Японии — такой цели служит грибок — рисовый аспергилл, проще говоря, зеленая плесень. С ее помощью гонят спирт из риса, и она отлично справляется со своими обязанностями. Да и стоит неизмеримо дешевле.

В чем же дело? Почему пренебрегают зеленым грибком, каковы его недостатки, что мешает его появлению в промышленности? Прежде всего — традиции. Испокон века применяют солод. Наши деды признавали только его. Кто-то породил легенду, что в грибке маловато амилазы, фермента, способного превращать крахмал в сахар. К тому же производство аспергилла на Востоке носило кустарный характер.

Надо проверить самой, решила Фениксова. Тут что-то не так.

Серия экспериментов показала, что грибок — жертва клеветы, напраслины. В умелых руках он не уступает солоду по активности и превосходит его по дешевизне. Зерно ему вовсе не нужно: он довольствуется отходами, заурядными пшеничными отрубями.

Казалось бы, здесь можно поставить точку. Последующий ход событий как будто ясен: зеленая плесень поступила в производство, снабженная хорошо продуманной, во всех деталях разработанной технологической схемой; дальше — второй этап, обозначаемый кратко и выразительно: началось внедрение или освоение. Так и случилось.

Но советский ученый не был бы ученым, если бы остановился на полдороге, не изучив грибка, не попробовав выжать из него всего запаса мощности.

С чего начать? Как повлиять на плесень, как принудить изменить заложенные в ней, прочно сложившиеся особенности? Может быть, предложить ей архиблагоприятные, высококалорийные условия, прибавить к пище крахмал? Не станет ли в ней тогда больше фермента?

Испытано. Двадцать три раза из колбы в колбу пересевался раскормленный, выхоленный грибок. К сожалению, по сравнению с контрольным он ни на иоту не изменился.

Неужели это «потолок» его возможностей? Попробовали воздействовать на него высокой температурой. В тропической жаре, созданной в термостате, он рос с неслыханной скоростью. Такое бурное развитие не пошло ему впрок: вырос какой-то урод, утративший свои полезные качества.

Новая серия опытов. На этот раз грибок облучали ультрафиолетовыми лучами. Результаты на первых порах обрадовали: внешне его вид не походил на прежний. Однако радость оказалась непродолжительной. Все застопорилось, когда перешли к испытаниям на естественной среде, на рыхлых отрубях. Никакой раз-

Руководитель лаборатории Р. В. Фениксова изучает колонию черной плесени.

ницы в активности между облученной и исходной формой. Грибок стойко держался старого.

Феникcова и ее помощница Двадцатова, только что пришедшая в лабораторию со студенческой скамьи, настойчиво продолжали поиски. Продолжали, несмотря на то, что некоторые микробиологи, с которыми они разговаривали, скептически качали головой.

Неужто нет выхода? Оказалось, что есть. Дорога к успеху открылась в тот день, когда исследователи решили положить в основу переделки грибка мичуринскую идею вегетативной гибридизации — скрещивания неполовым путем.

Однако когда Феникcова заикнулась об этом, ей сказали:

— Вегетативная гибридизация невидимых — звучит заманчиво. Но, откровенно говоря, методы перевоспитания мельчайших существ если и будут созданы, то в очень отдаленное время, весьма и весьма не скоро.

Как будто убедительно? Действительно, как скрестить два вида плесени? Высеять споры на общем агаре, в одну пробирку? Или с помощью тончайших инструментов под микроскопом врезать в мицелий — своеобразную веточку аспергилла,— мицелий другого вида и склеить их? Один сыграет роль подвоя, а другой — привоя, они обменяются соками и дадут гибридное, смешанное потомство. В нем-то переплетутся отцовские и материнские черты.

В теории это выглядит достаточно просто. Увы, на практике такой метод технически трудно осуществим. Вспомним, что речь идет о плесени. Ее «семенной материал» — споры при увеличении в сотни раз не превышают размеров булавочной головки, а тонина мицелия и того меньше. Некоторое представление дает такой факт: подсчитано, что на одном грамме отрубей вырастает свыше одного миллиарда спор!

Размышляя над поставленной перед собой задачей, Феникcова перебирала одну возможность за другой, взвешивала, отбраковывала, обдумывала, стараясь нащупать правильное решение. Чем дальше, тем задача казалась ей сложнее. Видимо, зря про нее говорят, что она со своим грибком «на ты»!

Каким образом повлиять на грибок, расшатать его наследственность, привить ему новые свойства, подчинить его своей воле, направленно перевоспитать? Ведь в природе под воздействием внешней среды особенности микробов изменяются до неузнаваемости, до полной несхожести.

А медицинские бактериологи, борцы против самых страшных болезней, вроде чумы, холеры, энцефалита,— разве эти люди, по существу, не занимаются успешным укрощением невидимок? Разве они, приготовляя вакцины, не ослабляют в тысячи, миллионы раз присущие возбудителям недугов ядовитые свойства, разве они не создают новые породы и виды? Что это, как не гибридизация мельчайших живых существ?!

Академик Т. Д. Лысенко писал, что «весь процесс развития, в том числе и развития свойств наследственности и изменчивости, зависит от источника жизни — питания». Феникcова пыталась перестроить характер незримого воспитанника с помощью питания, но как? В чем таится ошибка? Среда стала более обильной, сытной, хотя грибок в этом не нуждался, а корм был таким же, что и раньше. Значит, ему надо предложить что-то иное.

Мелькнула счастливая догадка. А что если дать грибку сок, полученный из клеток другого вида? Да, да, ведь это и будет вегетативной гибридизацией невидимых!

Прежде всего исследовательница подобрала супружескую пару. Выбор остановился на родственном виде, или, как говорят ученые, штамме плесневого грибка, черной плесени.

Он отличается от своего собрата, обладает способностью накапливать другой фермент, мальтазу, но уступает зеленому в склонности образовывать амилазу. Он тоже не бездельник. Его используют в производстве лимонной кислоты.

Сок, отжатый из клеток, думала Феникcова, исходя из учения И. В. Мичурина и Т. Д. Лысенко, должен нести в себе основные признаки вида. Отсюда возникла идея воспитать зеленого на соке черного и наоборот.

Так в лаборатории создавался оригинальный метод переделки грибка. В отличие от медиков-микробиологов, приготовляющих вакцину—разоруженного вируса — на подобных ему, убитых формалином, Феникcова и Двадцатова, упорно ставившие один эксперимент за другим, пользовались «живым» соком.

Выращенная пленка растиралась в ступке, затем загружалась вместе с толченым стеклом в шаровую мельницу, где мололась сутки. Масса отжималась, и сок пропускался через густой фарфоровый фильтр. Налитый в пробирку темный сок проходил строгую проверку в термостате: не попали ли в него нежелательные, незваные гости?

Эксперимент занял полгода. День, когда произвели впервые посев зеленого аспергилла на сок черного и наоборот,— памятный день в жизни лаборатории. Волновались все, даже непосредственно не заинтересованные люди. С предосторожностями перенесли пробирки в теплый шкаф.

Дней через десять был снят первый урожай будущего гибрида. Собранные споры снова посеяли на сок соседа. Чуть проступившие изменения сочли доброй приметой. В тетради были занесены первые данные. Очень осторожные, но оптимистические.

Опыт завершился успехом. Оба грибка изменились, однако более податливым оказался черный. Он воспринял положительные свойства зеленого, втрое усилил способность к образованию амилазы и частично утратил то, что было ему отпущено природой.

Даже если неискушенному человеку показать три колбы с гигантскими колониями черного грибка, то ему сразу бросится в глаза заметная, разительная между ними разница.

В первой заключена исходная форма. Гладкая поверхность агара словно густо засыпана тонким слоем сажи, черной отборной сажи. Это мощно развитая колония черного грибка.

Во второй — переходная, промежуточная форма. Она отличается от предыдущей, выглядит по-другому. Верхний слой на три четверти состоит из кремово-желтой, гофрированной по краям колонии грибка. И только четвертая часть сохранила первоначальную окраску — спокойно черную.

В третьей колбе живет новый штамм, обозначаемый дополнительно буквой «А». Он ничем не похож на своего предшественника, непохож он и на зеленого, соком которого выкормлен. На поверхности агара словно выложены желтоватые светлые складки. По виду они напоминают рельефную карту горной местности.

Новый, созданный в лаборатории штамм стойко удерживает привитые ему свойства. Истинный вегетативный гибрид, он сохраняет и передает их по наследству своим потомкам. И не только в экспериментальных пробирках и колбах, но и на свободе, на пшеничных отрубях. Несколько десятков поколений черного «А» свидетельствуют об этом.

Черный грибок не соперник зеленому, а его друг и со временем станет его помощником.

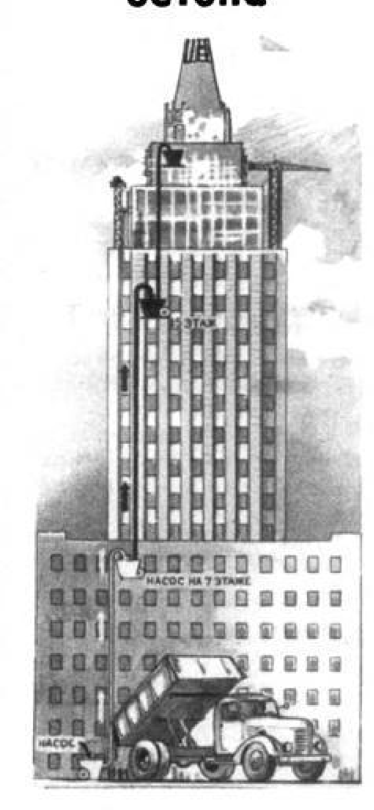
Феникcова глядит вперед. Ей хотелось бы создать дрожжи, совмещающие в себе два качества, способные превращать крахмал в сахар, а сахар — в спирт. Если бы этого удалось добиться, то в спиртовой промышленности началась бы новая эра. Только ли мечта это?!

Аспирантка Е. А. Двадцатова пересевает споры черного грибка из одной пробирки в другую.

Фото Е. Умнова

Путешествие бетона

Автомобиль въезжает в ворота строительной площадки высотного здания на Комсомольской площади в Москве. В кузове жидкий бетон. Шофер разворачивает машину. Кузов самосвала поднимается, и серая масса опрокидывается в раскрытую пасть бункера.

Автомобиль уезжает за новой порцией, а насосы гонят бетон по трубам вверх. Велика мощность насосов, но ее все же недостаточно, чтобы сразу забросить бетон на стометровую высоту. «Потолок» такого механизма — сорок метров, поэтому их поставлено три: на земле, на седьмом и на пятнадцатом этажах. Насосы передают свой груз, как эстафету.

Однако правильное размещение механизмов было лишь частичным решением задачи. Крупные частицы гравия, входящие в состав бетона, грозили закупорить трубы. Слесари бригады В. И. Соколова поставили стальную сетку. Этот фильтр не пускал камни в трубы, но, застревая в металлических ячейках, гравий преграждал путь бетону. Возникла новая трудность. Сетку надо было все время встряхивать, чтобы освободить от засевших в ней частиц. Эту работу выполнял вибратор, смонтированный бригадой электриков П. Ф. Панфилова.

Фильтр стал работать безотказно. И все же сто метров оказались для бетона слишком длинной дорогой. Завершая путешествие, он начинал твердеть, утрачивая необходимую пластичность. А ведь если каменная пробка бетона закроет трубу, то вся система выйдет из строя.

Начальник лаборатории строительства В. В. Телегина предложила ввести в материал специальные добавки, которые замедляли отвердение бетона.

Наконец наступил долгожданный день. Бетонная масса потоком хлынула из труб — более миллиона килограммов ежесуточно подавалось на стометровую высоту.

Так в содружестве инженеров со стахановцами-новаторами родился новый метод.

М. АРЛАЗОРОВ

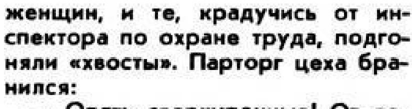
ПЕТР ЕГОРЫЧ

Рассказ

Георгий РАДОВ

Рисунки О. Верейского

I

Об участке мастера Черкасова Петра Егоровича на заводе говорили разное. Больше смеялись.

Если кто-нибудь из мастеров не справлялся с боевым, горячим делом или жаловался на трудности, директор спрашивал:

— Тебя, что ж, голубь, к Черкасову послать? На пенсионное место? Там не похудеешь!..

Когда надо было упрекнуть кого-нибудь в панибратстве, говорили:

— У него, как у Петра Егорыча: к тому зайдешь — и не знаешь, куда попал — не то на завод, не то к теще на именины: «Пашуня, Машуня, Дашуня...»

А журя человека за отсталость, тоже кивали на Черкасова:

— Второй Егорыч объявился! Тоже, сошлись сподвижники царя Гороха! Разве вы металлисты? Грабари!

Сам Черкасов не обижался на острословов. Сносил все: и «пенсионное место», и «царя Гороха», и «грабарей», и «тещины именины».

Странный это был человек.

На вид моложав. Высокий. Сутуловат, как и многие металлисты. И волосат не в меру: брови клочьями нависли над веками, закрыли переносицу, и все равно не хватило им места — спустились к скулам. А глаза ясные, чистые, светлой голубизны — совсем не под стать строгой фигуре. Посмотришь на него: ни седины, ни морщин — ни дать, ни взять под сорок человеку. А послушаешь: «В двенадцатом году был я подручным в депо...» — прикинешь: «Эге, дядя, да тебе сильно за пятьдесят!»

Держался в тени. На собрании забьется в дальний угол, насупится: и спит — не спит и слушает — не слушает. А чтоб выступить! Не спросят, — сам ни за что. Только, бывало, у выхода бросит:

— А этот неверно говорил...

— Да ты что ж промолчал?

— Я? Так ведь и без меня разобрались...

На участке Петра Егорыча работали пожилые женщины. Еще в войну пришли они на завод, у Черкасова научились фрезеровать и сверлить, да так и остались с ним. Некоторых приглашали на работу почище — буфетчицами, продавщицами. Нет, ни одна не ушла с участка. Чем их привлекал Черкасов? Характером? Возможно, и характером. Отношения у мастера с работницами были самые семейные: ни команд, ни распоряжений, ни строгости. А так:

— Ты, Пашуня, фрезу смени...

— Дядя Петр, как поставить оправку?

— Милая, что ж ты браку наделала?

Начальник цеха не раз его корил:

— Ты бы хоть при посторонних официально разговаривал. Это что еще за «Пашуни» на государственном заводе? Не обед стряпаете...

В конце месяца происходил такой разговор:

— Так кто же у тебя лучше других работает, Петр Егорыч?

— Да все хорошие. Не обижаюсь...

— Опять свое! Да из хороших лучшие кто?

— Лучшие? Подумать надо.

— Что думать? Восемь лет их знаешь.

— То-то что восемь, — вздыхал Петр Егорыч, — не знаючи легко отрубить. А знаючи как? Одну похвалишь — другую обидишь.

— Ладно, — махал рукою начальник, — хорошие так хорошие. А лучших я по процентам выберу.

— Дело хозяйское! — соглашался Черкасов. — Проценты, они тоже свое говорят.

Случались и на черкасовском участке происшествия. То зазевается фрезеровщица: не ту фрезу возьмет — нагонит браку; то забудет убрать станок, то опоздает на смену. И опять начальник бьется с Петром Егорычем:

— Что ей: на вид поставить или выговор дать для острастки?

— Дело ваше, — тянет Черкасов. — Только знаете, она какая?

— Какая?

— Хорошая. Аккуратная.

— Значит, по-твоему, как? Премию ей дать?

— Дело ваше...

— Так провинилась же?

— Провинилась.

— Наказать надо?

— Смотрите...

— Да ты толстовец какой-то... Непротивление злу! — сердился начальник и, зачеркнув «выговор», писал «предупредить».

Правда, и мимо черкасовского участка жизнь не проходила. То навестит парторг цеха, прочитает статейку о скоростниках, и женщины, качнув головами, скажут: «Отлично, отлично придумано», — и сам Черкасов заметит: «Неплохо, неплохо»; завернет на полчаса инженер, расскажет о новом инструменте из твердого сплава — и опять восхищенное причмокивание в ответ и осторожная реплика Петра Егорыча: «Да, соображают люди...»

Но пройдет неделя, другая, спросит инженер:

— Ну, как с новым методом? Внедрили? Пользуетесь?

— Да нет, — признается Петр Егорыч, — не собрались пока, управляемся, нужды большой нет.

И «управлялся» он так, что другие мастера — смелые, дерзкие на выдумку — смеялись. Если случался затор, он сам садился к станку, фрезеровал, сверлил — при надобности умел за пятерых сработать. А это не помогало — оставлял после гудка двух — трех женщин, и те, крадучись от инспектора по охране труда, подгоняли «хвосты». Парторг цеха бранился:

— Опять сверхурочные! От ленивой головы рукам покоя нет.

— Какие сверхурочные? — удивлялся Петр Егорыч. — Ни копейки никто не попросит. По доброй воле остались.

— По доброй, по доброй, — спешили подтвердить женщины. — Ни копеечки не надо.

— Ну, семейка! Доберусь я до вас!.. — обещал парторг и спешил на передний край — к автоматам.

II

И дома Черкасов был таким же.

— Какой ты мастер? — выговаривала ему жена, бросая в корыто тяжелый от чугунной пыли халат. — Грузчики — и те чище.

— Так ведь чугун, мать. Не на конфетной я фабрике...

— А ты бы и на конфетной таким ходил, — усмехалась жена, — и кузнец, и слесарь, и смазчик... Зачем к станку лезешь? Мастер распоряжаться поставлен...

Она отлично знала участок Черкасова. Была в курсе всех событий. Имела точные сведения о заработках, премиях, о выполнении плана, об отпусках и отгулах, о том, кого муж «балует» и кого «допекает», и не уставала наставлять и поучать его.

— А ты Пашуню не балуешь? — строго спрашивала она и качала головой. — Ишь, вырядилась! Опять заработала много. Мыслимое ли дело, фрезеровщица больше мастера получает!

Она вообще любила говорить о муже снисходительно, выставляла его неудачником, не умеющим жить. Частенько вспоминала его сверстников — один из них был директором завода, другой служил в Главке, а когда-то их станки стояли рядом с черкасовским. Завидовала она им? Или хотела раздразнить мужа? Напрасно. Он тянул привычное:

— Всякому свое...

Но, подтрунивая над мужем, она заботилась о нем с нежностью матери. Дождь ли хлестал, пурга ли бесновалась за окнами, но Варвара Семеновна в полдень пробиралась через весь город — везла ему завтрак. Правда, порой от жениных хлопот ему доставались одни неудобства. В воскресенье его выставляли за дверь: ни с того, ни с сего в чистой квартире затевалась уборка, все добро выносилось на двор, развешивалось на заборе. Хозяйка так увлекалась чисткой, что забывала приготовить обед. Только вечером, когда голодный муж начинал шарить по шкафчикам, она спохватывалась и накидывалась на него же:

— Пенек, а не человек! — кричала она. — Помрешь с голоду — не скажешь!

— Ладно, мать, перебьюсь, — утешал он ее, но она долго не могла успокоиться.

Набросив шаль на широкие прямые плечи, бежала в лавку, приносила полную корзину закусок и с час настойчиво потчевала его.

Виновато заглядывала в глаза, спрашивала:

— Наелся? Может, еще сходить за чем? Ох, горе мое!

Видно, он понимал жену. Не перечил ей. Не жаловался. Как-то рассказал:

— Досталось ей в эвакуации. Письма мои не доходили и переводы, стало быть. Крутенько пришлось. Карточки украли. Деньги вышли. А таскала с собой добро: одежу, обужу... Все новое, дорогое. Можно было прожить. Так нет, ничего не продала... Худая стала, ноги опухли. А ни одной рубашки на молоко не выменяла. Умно?

Немного погодя сам себе ответил:

— Тряпичница...

Еще помолчал, вздохнул, сказал, точно споря с кем-то:

— А душа...

Они жили вдвоем. Сын Николай погиб весной сорок второго года по дороге на фронт. В районе Поворино эшелон разбили немецкие бомбардировщики. Показывая карточку сына — парень был снят во весь рост, длинный, сутулый, как отец, в тесном костюмчике, — Черкасов спрашивал:

— Как же это? Ничего не успел, а вот...

Доставал школьные тетради сына. Небрежным почерком в них были вписаны формулы. Квадратные корни грозно нависли над цифрами. Перелистывая страницы, пожимал плечами:

— Писал, учил. Отметки ставили...

И, отложив тетради, долго вертел в руках карточку сына.

Сзади подходила жена. Вытерев о передник небольшие, с крепкими белыми локотками руки, смотрела через его плечо на карточку, роняла раздумчивое:

— В хоре пел... На коньках бегал...

— Да, вот и на коньках! — подхватывал Черкасов, и слышалось в этих словах не только горе, но и не проходящее с годами простое человечье удивление перед злой силой, убившей парня, который писал в тетрадках, пел в хоре и бегал на коньках.

...В летние вечера, изгнанные добрейшей Варварой Семеновной за дверь, мы сидели с ним на скамейке. Черкасовский дом стоял над обрывом, в самом конце улицы. Снизу, с подгородних полей, тянуло первыми запахами сытой осени: настоем перезревших клеверов и пресным духом застекленевших ржаных зерен. По заросшей спорышем улице гнали коз. Они шли, смешно растопырив задние ноги. Грузно осевшее на коньки черепичных крыш солнце плавило белую шерсть. Козы шли румяные, точно их смазали яичным желтком. Подходила и черкасовская коза. Терлась лбом о круглые, мягкие колени хозяина. Черкасов открывал калитку, впускал козу, усмехался:

— Тоже вот коза... Для каких статей? Что я, на молоко не заработаю? Сколько ее лишнего на свете!

Сидя с ним, хорошо было думать: он не докучал разговорами.

Раз, положив газету на колени, он сказал:

— Токари заспорили: какой угол лучше у резца, положительный или отрицательный? Скажи...

Я ухватился за этот проблеск интереса к новому, перебил:

— А ты как думаешь?

— Я? — зевнул он. — Да что ж я!.. Заспорили, — значит, решат. Это уж непременно: где спор, там и находка...

Снова взял газету, сказал уверенно:

— Решат. Тогда и напишут.

Добавил равнодушно:

— Почитаем...

Странное дело, дома он не любил говорить о работе. Это было удивительно для мастерового человека. Упрекнул его; он возразил нехотя:

— А что тут толковать? Работа она и есть работа. План выполняю.

Но порой и на него находил стих — это когда он вспоминал военную пору.

— Ну, было, было, — важно говорил он. — Койку принес на завод... Раз приезжает военпред: через неделю чтоб были минометы. У всех налажено, а мой участок подводит. Что ж ты думаешь? Как зашел в цех в понедельник, так до субботы официантки к станку обед носили...

— Этим и взял? Бессонницей?

— Зачем? — обиделся он. — Подумано, подумано было...

Так и захотелось оборвать его, спросить: «Что ж ты сейчас такой вялый, Егорыч?»

Но он и сам умолк, добавил, словно объясняя:

— Да, было, было. Сейчас другое. Дело налажено. Продукция насквозь известная. В графике. По часовой стрелке...

Жалел он, что ли, о бессонных ночах, о штурмах, о трудных заданиях?

Нет, не подавал виду...

Но однажды всю дорогу посмеивался над чем-то. Потом, дома за чаем, рассказал о новом мастере, совсем парнишке, назначенном на соседний участок. Рассказал насмешливо, точно отвечал кому-то на колкость:

— Вот он: чистенький и распоряжается. А станки я ему настраивал...

Хвастовство не шло к нему, слышалось в нем что-то нарочитое. Видно было, что под усмешкой скрывалось раздражение. Чем его донял этот парень? Не знаю. Только зря он обидел соседа. Парнишка, верно, был немного взбалмошный. Лез во все щели. Рыжая пышная его шевелюра мелькала на всех этажах заводского корпуса. Пришел он из техникума с добрыми тремя дюжинами прожектов, все ему хотелось переделать, переиначить. Я решил заступиться, но меня предупредила Варвара Семеновна. Точно разгадав, что на душе у мужа, сказала зло:

— Заревновал? Как же: молоденький, чистенький. А понимает, суется вас учить...

Он отпарировал:

— А что нас учить? Учены!..

— Много вы учены! — усмехнулась она. — Чем у станков дотемна задерживаться, книжку бы прочитал. А то сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычешь.

Я поддержал ее, намекнул, что если бы некоторые старые мастера не стеснялись поучиться новой технике, не пришлось бы им после гудка торчать у станков, подгонять «хвосты».

Он посерьезнел, сменил тон, сказал устало:

— Нет уж: чего зубами не зацепил, — в губах не удержишь. Прошло времечко...

Долго потом сидел, нахмурившись, отвечал нехотя, думал что-то свое.

...Очень, очень хотелось видеть его другим...

III

Кто-то прикинул: если на каждой операции сэкономить по копейке, — выйдет около сорока рублей на машину. Тотчас стали считать: а сколько в месяц, в год, в пятилетку... Поползли длинные числа с нолями. В цехах заговорили:

— Знатная копеечка... Богатая...

Петру Егорычу затея понравилась:

— Копеечка! Слово-то какое простое... Ну, придумают!

— Хорошо?

— Полезная вещь. Толково, толково, — отвечал он таким тоном, каким говорят о ребенке на соседских крестинах: дескать, хорош, и ладно...

В один из этих дней, когда слово «копеечка» гуляло по заводским корпусам, я зашел к Черкасовым. Хозяина не было дома — из сарая доносились частые резкие удары топора. Хозяйка сказала озабоченно:

— А моего расстроили... И кто? Пашуня...

Он вошел, сбросил вязанку дров, отдышался и тотчас присел у печки на корточки, взялся за кочергу. Вид у него был вовсе не расстроенный. Чистые, светлые глаза смотрели спокойно.

— Что там произошло, Петр Егорыч? — спросил я его.

— Произошло? — удивился Черкасов. — А ничего!..

— А с Пашуней?

— А-а-а, — протянул он, словно речь шла о забытом пустяке, — было, было...

— Что же было?

— Что? — сосредоточенно глядя

в печку, переспросил он. — Да опять же ничего. Поговорили...

— И придумали что-нибудь?

— Придумали? Да как тебе сказать? Кажется, и придумали...

— Что же?

— Да ведь определенного ничего. Но поговорить — поговорили. Наверно, на пользу...

Я уже знал: эти словечки были у него, как иглы у ежа: мастер не хотел откровенничать. Я стал прощаться.

Наутро, управившись с делами, я заглянул к нему в цех и остановился, удивленный. Человек пятнадцать — мастера, конструкторы, технологи — сгрудились вокруг большого фрезерного станка. Я поискал Черкасова. Он стоял поодаль. Лицо выглядело строже обычного. Глаза пристально и, как показалось, недружелюбно оглядывали гостей. А в центре, облокотившись о станину, стояла Пашуня — Пелагея Васильевна Шеховцева — маленькая сухая женщина с острым, испещренным оспинками лицом. Она теребила тонкими пальцами поясок на халате, рассказывала торопливо, то и дело оглядываясь на мастера:

— Нанесли этих стенок! Три ящика. Кричат: «Срочно, срочно!» А фрезеровать чем? Все наборы фрез разладились. Егорыч сердится. И подумалось: а из-за чего хлопоты? Мы ее, как золотую, обхаживаем, эту стенку, фрезеруем со всех сторон, каждый уголок вылизываем. А зачем? Сколько сверл переводим, фрез, метчиков... Кинулось мне все это в голову! «Эх, — говорю, — дядя Петр, да почему же их готовыми не отливают? Неужели нельзя?» А тут вот этот товарищ, — она показала на рыжеволосого мастера, — вот он стоял. И подхватился, говорит: «Можно». Ну и пошло!..

Она вздохнула, точно сбросив с плеч ношу, добавила:

— Вот если б готовые. Без фрезеровки, без сверловки. Отлили — и все... А то сколько денег зазря! Говорят: копейка... Одна я на стенках шестьсот рублей зарабатываю. А Мария Максимовна...

Моложавая сверловщица засмеялась:

— И меня хочешь заработка лишить? Смелая!

Сразу заговорили все, перебивая друг друга:

— Под давлением лить.

— Точные...

— Без дальнейшей обработки...

— Из цинка...

— А не дорого?

— Зато на обработке сэкономим...

— И как раньше не пришло в голову?

— А кто о них раньше думал, об этих стенках?

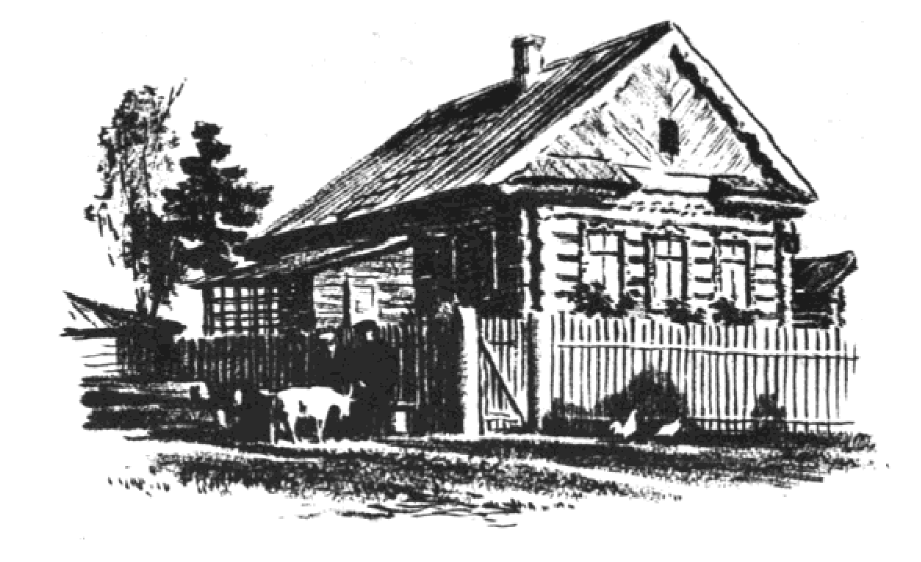
— Конструктору бы не мешало!

— Хватился! Машина двенадцать лет не менялась...

— Мастеру бы надо подумать! — строго сказал главный инженер, и все повернулись к Петру Егорычу.

— Это почему же мастеру? — спросил он недовольно. — Всякому свое дано. У меня план...

— Мастеру! — упрямо повторил инженер и, помолчав с минуту, добавил: — Конечно, это конструкторская задача... Но ведь мастер на эти стенки по восемь часов в день четыре года смотрел! И не задумался. А погляди он хоть разок такими глазами, как эта женщина, — и тотчас бы наткнулся.

— Д-да... — протянул начальник цеха, — зевнули.

— Ну, что ж, — повернулся инженер к фрезеровщице, — ваш почин — давайте предложение...

Черкасов шагнул к главному инженеру, не глядя, спросил деловито:

— Куда ей писать-то?

— В БРИЗ, — сухо ответил инженер, — и вы помогите. Должок все-таки считаем за вами. Не додумались...

Все разошлись. Только рыжеволосый подошел к фрезеровщице, вскинул к ней веснушчатое лицо, успокоил:

— Пойдет, пойдет! Литье под давлением — это такая штука! Учили мы!

И вкусно щелкнул пальцами.

— Спасибо, — сказала фрезеровщица, покосившись на своего мастера.

Но тот уже хлопотал у соседнего станка.

IV

В конце недели заседало бюро рационализаторов, но я не попал на него. Узнал лишь, что предложение фрезеровщицы было принято без споров и передано конструкторам и инструментальщикам. Черкасов, рассказывали, тоже был приглашен, весь вечер слушал изобретателей, но сам не выступил, отмолчался.

Через два дня я зашел к нему.

Напившись чаю, мы обосновались на кухне. В уголке, занятая шитьем, пристроилась Варвара Семеновна. Улыбаясь, она рассеянно слушала мужа.

А он ходил по тесной кухонке, задевая то за стол, то за табуретки, большой, встрепанный, рубил воздух ладонью; речь лилась неровно, всплесками, точно вода через узкое горло кувшина.

— Народ! — удивлялся он. — Скажи: один надумал так, другой — этак. А потом мирятся, смотришь, вышло...

Его растревожили изобретатели. Больше всех запомнился Сидорин, слесарь по ремонту станков.

— Коренной какой-то мужик! — удивлялся Черкасов. — Ну, на что ни возьми! Те все на пол-удара замахиваются, соображают, как бы там что-то улучшить, поправить, а он ведь под корень рубит. И говорит-то как: «Посмотреть капитально»!

Я не удержался, заметил:

— Не один он. Твоя Пашуня тоже из этих «коренных». Ты вон бился, фрезеровку налаживал, а она глянула «капитально» — и фрезеровку вовсе по шапке, да еще и сверловку на придачу...

Он остановился, нахмурился, сказал тоже удивленно, но уже по-другому:

— Да, как они меня-то? «Четыре года смотрел, не придумал». Скажи! А верно: смотрел, насчет плана болела голова, а подумать, что к чему делается, не подумал.

Жена успокоила:

— За это не взыщут, что не подумал. Это же случай такой Пашуне выпал...

Он согласился быстрее, чем хотелось:

— Именно случай! Блеснуло перед глазами. Могло и перед моими блеснуть.

Жена усмехнулась:

— Чего же казниться теперь? Блеснуло — не блеснуло. В другой раз и перед твоими блеснет.

Он кивнул головой. Но вдруг спросил озадаченно:

— Постой! А если в другом городе живет такой человек, что может все это по-другому, лучше придумать? А? Живет и не знает наших забот. Мы тут посвоему обмозговали, а у него бы это лучше получилось. Как же это?

Не ожидая ответа, отрубил:

— Надобно о таких штуках по всем местностям объявлять! А то деньги, деньги зазря...

В этот вечер он говорил много, непривычно много. Несколько раз повторил:

— Меня-то как? А за что? Ну, сердитые!

Жена всплеснула руками:

— И надо расстроить человека! «Не додумался!» Нашли, чем попрекнуть... Голове думки не закажешь!

Он промолчал, но уже прощаясь, во дворе, сказал, вздохнув:

— Не закажешь? А если б заказать... Загодя заказать: как, мол, стенку делать? Может, и раньше б придумали...

Я возразил:

— Почему стенку? Многое можно сделать лучше...

— Значит, про все, про все и думать надо? — живо спросил он, точно до сих пор сомневался в этом. Но тотчас засмеялся: — Договорились мы с тобой...

Открывая калитку, кивнул на полыхавший внизу, за лугом, станционный поселок, буркнул сердито:

— И что по ночам иллюминации делают? Идет один прохожий по улице, а над ним тыща ламп! Расходы!

V

Споры о стенке затихли. Дело казалось решенным. Где-то на пятом этаже конструкторы заканчивали чертежи прессформы, где-то на втором этаже инструментальщики принимались делать ее...

А пока что, как и раньше, лифт доставлял к Черкасову полные ящики чуть тронутых ржавчиной чугунных стенок. Пелагея Васильевна Шеховцева, недобро оглядев ни в чем не повинные куски металла, вздохнув, закрепляла их на станке.

Женщине была явно не по душе эта осужденная ею же самой, ненужная работа. Часто, выключив станок, подходила к мастеру, упрямо спрашивала:

— Не узнавали там, как подвигается форма? Скоро бросим деньги переводить? Получку получать совестно.

На что Черкасов отвечал спокойно:

— Сделают — скажут...

Она не отставала:

— Сходили бы, разузнали там...

— Схожу, схожу, — обещал мастер и, спохватившись, торопил: — Что стоим-то, Васильевна? Разговоры конвейер не накормят!

Подмигивал, утешал:

— Поднажмем — еще и знамя получим! А что? Нехитрая штука. Ну, удивим народ! А то заклевали нас этими стенками: «не думаете», «не думаете»...

— Кто нам даст знамя за дурную работу? — усмехалась женщина и шла к станку.

А он в самом деле приналег на работу. Стал построже. То и дело слышалось раздраженное покрикивание:

— Веселей, веселей, Савельевна!

— Скоростенки прибавь, Машуня! Не бойся — станок выдержит...

Идя домой, размахивал руками, рассуждал:

— Оправдаться надо перед людьми. Это они верно толкнули. Зажились мы тут!

Но, придя домой, вновь успокаивался и, как прежде, не говорил о делах. Брал в руки газету, ронял:

— Копеечка-то пошла в ход! Понятная штука для народа...

Варвара Семеновна, с любопытством следившая за настроением мужа, спрашивала:

— Ну, как пашунины стенки? Утряслось с ними? Теперь-то хоть не бранят тебя?

Отмахивался:

— Что стенки? Это теперь не наша забота... Пускай у других

голова болит. А вот знамя мы нынче возьмем!

Жена смеялась:

— Аника-воин! Что это тебя прорвало? Или доказать людям хочешь?

Он упрямо твердил:

— Никак нельзя без знамени! Ишь, придумали: «Пенсионное место»...

VI

Прессформу для стенок заказали слесарю-москвичу, парню веселого, бойкого нрава. Работая, он склонял большую бритую, поблескивающую сухим глянцем голову, вполголоса беседовал с металлом:

— Не лезешь, голубушка? А мы тебя надфилем! Все равно не желаешь? А наждачком? Ну, упрямая!

И вдруг кричал на весь цех:

— Эй, токари-пекари! У кого паста для притира? Быстро!

Утром я застал у его верстака Петра Егорыча. Спросил:

— Ты зачем здесь?

— Позвали...

— Я позвал! — подхватил москвич. — Думали они вот, да не всей головой. Фрезеровку побоку, сверловку тоже. А нарезку резьбы зачем оставлять? Соображал ты на этот счет?

— Нет,— признался Черкасов.

— То-то, что нет! — упрекнул москвич. Пожевал губу, бросил сердито, точно приказывая: — Надо придумать, как ее без резьбы, стенку делать. Понимаешь? Совсем без винтов к основанию крепить. По-другому... Сам придумаешь или конструктора звать? Давай сам: твоя затея!

— Не моя, — сознался Черкасов.

Видно, он был рассержен, что его оторвали от дела и снова напомнили о стенке. И тон москвича ему явно не нравился. Но москвич не унялся.

— Не твоя? — спросил он разочарованно. — Ну, тогда иди, автора пришли. Кто же он?

— Женщина одна, — смущенно сказал Черкасов.

— Женщина? Ну, посылай женщину. А ты что же, не догадался?

— Кредиту не хватило, — съязвил Петр Егорыч. — Дороги нынче догадки...

Зато весь вечер не мог успокоиться.

— Что они все ко мне? — возмущался он. — Да кто им я: академик? И теперь скажут, не додумал?

— А ты откажись, — советовала жена. — Другим же голова занята. К знамени рвешься.

— Откажись! — подхватывал он. — Ты бы его послушала, этого слесаря. Командует...

— Да кто он тебе?

— Оно хоть и верно: никто.

— Ну и откажись.

— Пашуню послать? — рассуждал он. — А что она ему скажет? Вот выдумали на свою голову...

И через минуту удивлялся:

— И сообразил же дьявол! Все проглядели эту резьбу...

С неделю не удавалось поговорить с ним. Зашел на Садовую — не застал. Жена махнула рукой:

— Пошел колесить! Третий день — затемно. В институт какой-то ездили, а сегодня — на литейный...

Сказала это ворчливо. Но я прочел в глазах: «Вот он какой у меня. Что? Узнали?..»

Днем, проходя мимо, увидел его за столиком. Сидел, накручивая на палец прядь жестких волос, угрюмо смотрел на Сидорина. А тот щурился, окал, слова тяжело раскатывались по цеху:

— Не пойдет, не пойдет!..

А перед гудком Черкасов сам прибежал, спросил озабоченно:

— Цинковой пластинки не найдется?

— Зачем?

— Испытать надо....

Дал ему цинковую пластинку, спросил:

— Как с резьбой-то? Решили?

Вздохнул, сказал виновато:

— Вот хоть и по заказу, а не ловится думка. И так и эдак пробовал — нет...

— И что ж теперь?

Махнул рукой:

— Глубже врезались...

Я спросил:

— Ты же хотел отказаться? Или передумал?

Повеселел, объяснил, точно оправдываясь:

— Липкая штука. Как мед. Подступились к ней — оторваться не можем...

Усмехнулся:

— Думаешь, один я? Компания! Давеча этот сосед прибегал, рыжий: а что, мол, если вместо винтов — шпильки. Задело, кумекает.

Посерьезнел, поправился:

— Невозможно на шпильках. Другое тут.

Подмигнул:

— Говорил тебе: голова — Сидорин. Коренной! Такую штуку удумал!

Не досказав, заторопился, сунул горячую крупную руку, ушел...

И на второй и на третий день видел я его мельком: то угрюмого, озабоченного, то, напротив, веселого, оживленного. Столкнулись в дверях. Он не уступил дороги, вышел на лестницу, застучал каблуками по ступенькам:

— Все стенка тебя мордует? — крикнул я ему вслед.

— Она, она! — загудело откуда-то сверху.

А по заводу пошел разговор: уже не одну стенку, а все основание машины — постамент с двумя стенками и средней стойкой,— все это хотят отлить вместе, в одной форме, и, не обрабатывая, не фрезеруя, не сверля, не скрепляя ничем, покрасить и поставить на место. Называли и имена закоперщиков — москвича, Сидорина, молодого конструктора, литейщика с соседнего завода, доцента из института. «Ну и Черкасов!» — прибавляли изредка. И слышалась в этом «ну и» сдержанность людей, боящихся ошибиться.

VII

В конце сентября я внезапно получил командировку на уральский завод за станками. Путь предстоял дальний, сборы долгие — в хлопотах забыл о Черкасове. Вырвался к нему в воскресный вечер за несколько часов до отъезда.

На тротуарах Садовой улицы густым слоем лежал тополевый лист. Шел как по свежему снегу: ноги утопали в темных, цвета бронзового литья сугробах.

В комнатах, куда хозяин, и тот заглядывал в праздники — хозяйка зорко хранила их музейный уют,— был переполох. Стадо фарфоровых слонов было согнано с радиоприемника — фигурки валялись на подоконнике. Варвара Семеновна перетирала посуду. Сказала, здороваясь:

— Разошлись только что.

А Черкасов сказал, точно извиняясь:

— Да, брат, гостей стал водить. А то что? Один да один. Скучно.

А глаза досказали: «Удивляешься? Ну, твое дело».

Я накинулся на него, забросал вопросами.

Но он, видно, наговорился за вечер, отвечал без охоты:

— Свершили дело... Вот прессформы сготовят — и все.

Я насторожился. К чему это «все»? К тому, что дело сделано, или к тому, что теперь можно снова забиться в уголок?

А он прошелся по комнате, заложив пальцы за ремень гимнастерки — я его впервые видел таким, — в полувоенном костюме был он моложе, подтянутей.

— Кто был-то? Сидорин?

— Нет, литейщик один...

— Литейщики к тебе зачастили. Помощник?

— Все помощники,— возразил он равнодушно.

— Так, значит, со стенками покончили? Успокоилась твоя душа? А, может, не все еще придумали? Помнишь, говорил: что если в другом городе живет человек, который лучше может...

— Навряд ли...

Попытался раззадорить:

— А ну как выскользнула из ваших рук самая верная мысль? Не нашли вы ее?

— Ну, куда ей деться,— возразил он спокойно.— Круговую оборону держали!

Остановился, с силой воткнул окурок в пепельницу, уперся в стол руками и вдруг заговорил быстро, горячо, как говаривал после встречи с изобретателями:

— Круговую!.. Обложили со всех сторон... Этот москвич-то сердитый оказался. Загонял было меня. Шумит: «Давай придумывай!» Я к Сидорину. Тот встрял. К литейщику пошли. Он приятелей своих привел с того завода. От них в институт протоптали стежку. Гляжу: сколько ж нас вокруг этой стенки? А ты говоришь, проскользнет. Да она, бедняга, мысль-то, потолкалась, потолкалась, чует, кругом нее головы, объявилась...

Высказался и точно засовестился, устало присел на диван. Хозяйка усмехнулась:

— Радуется. Людей благодарит. А насчет своих женщин не вспомнит! «Оборона». Их теперь куда? Чай, к одному делу привыкли.

Я не понял упрека, она объяснила:

— Детали-то без обработки пойдут: из-за того и сыр-бор был... А как без них теперь, без женщин?..

Он сказал:

— Ну, тоска-печаль, были бы руки, дело найдется!

— А тебе?

— Мне? — удивился он и вдруг рассмеялся.—Постой, постой! Всему участку конец! Скажи — сам себя ликвидировал...

Потом, пока я пил чай, он молча сидел, облокотившись на валик дивана, вздыхал, пожимая плечами. Встал, подошел к небольшой карте Европы из школьного учебника. Постоял возле нее. Закрыл пальцем страну, воюющую против отважного народа, сказал:

— Воюют... А зачем? Жили бы...

Было это сказано раздраженно. Жена повернулась к нему, возразила:

— Разве это люди воюют? Правители...

— Правители? — строго спросил он.— А у людей головы есть? Зачем позволили?!

Отнял палец от карты и сердито, с укоризной посмотрел на мутнозеленое, чуть заметное пятно с зазубренными краями.

VIII

Бродя по деревянным мостовым уральского городка, я часто вспоминал приятеля. В газетах мелькнула хроника. Кто-то высчитал: вся история со стенками дала несколько десятков тысяч рублей экономии. Хотелось прочесть, что она, эта история, дала еще одно: раскрыла, спрыснула живой водой человека. Но в хронике не приводилось фамилий.

...Завод оглушил предпраздничным гулом. Пока поднимался по лестнице, «молнии» рассказывали: цехи соревновались, завоевывая первое место в Октябрьской колонне. Среди многих имен встретилось знакомое: «Участок Черкасова обязуется...»

Участок Черкасова! Жив? Теплится? Не раскассировали его?

Еле пробившись сквозь шеренгу маляров, поливавших из пульверизаторов стены цеха, прошел на фрезерный участок. Но не нашел его. На «пенсионном месте» бойко стрекотали сочащиеся пенным маслом автоматы. Сзади раздался смех. Рыжеволосый мастер, подбоченясь, смотрел на меня:

— К Егорычу? Эка хватился...

— Где же он?

— Далеко... В новом корпусе, на новой машине... Везет,— прибавил он, вздохнув.

— Чему завидуешь? Или тут все уж повыдумали?

— Разве сравнишь? Там — белая бумага: машину только осваивают. Сколько невыдуманного...

В высоченном корпусе я долго искал Петра Егорыча. Слева от широкого пролета, где уже выстроились в три ряда новенькие станки, увидел Шеховцеву, ее полнощекую соседку. Справа орудовали такелажники. Покрикивая на рукастый кран, точно он и впрямь имел уши, они осторожно принимали из его руки огромные ящики, снимали деревянную одежду со станков. Тут я и увидел Черкасова. Его столик был поднят над полом на какую-то плиту и выглядел, как боевая рубка на корабле. В темном, замасленном

халате, в фуражке, надвинутой к самым бровям, он стоял, согнувшись, и кричал в телефонную трубку.

— Не дадите? — услышал я непривычно требовательный голос.— А работать как? По технологии царя Гороха?.. Не дошло? А что меня фрезеровщики с костями съедят, это дошло? Где я им возьму головки для скоростных режимов? Как это, кто требует? Мастер требует! Черкасов! Чер-ка-сов!.. Не слышали?

Швырнул трубку и, скользнув по мне сердитыми глазами, закричал:

— Эх, не кантуйте, не кантуйте же вы ради бога! Написано: «Не кантовать».

Вздохнул, опустил руку, проронил:

— Маята...

И вдруг, видно, вспомнив, что мы два месяца не видались, смутился, спросил озабоченно:

— Ну как? Нагнал станков? Живой-здоровый?

Покосившись на телефон, выругался:

— Скажи, живут там в затишке. Ни черта не думают... Говорю им: новый цех. А оснастка? А инструмент? Где новшества?

Я улыбнулся, спросил:

— А «нужда» есть? Может, так «управишься»?

Он не понял намека, бросил:

— Откуда такие берутся? Везде они такие, снабженцы!

На минуту оставил меня, убежал к такелажникам, что-то кричал им, махал длинными руками, видно, грозился. Вернулся, смахнул рукавом пот со лба, пожаловался:

— Закручусь я тут.

Потом окинул цех взором, подмигнул озорно, похвастался:

— А устроимся знатно! Дай срок! Ишь, просторище...

С полчаса я пробыл у него. Говорить, выспрашивать было бесполезно. Его все время отвлекали.

Уходя, спросил:

— Ну, а как о старом участке, не жалеешь? Спокойнее было.

Он посмотрел внимательно, в светлых, совсем не шедших к резкому бровастому лицу глазах мелькнула настороженность, точно он остерегался насмешки. Поняв, что спрашиваю всерьез, попросил тихо:

— Не поминай...

ЭКСТЕРНЫ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Конверт вскрыт, темы письменного сочинения по литературе объявлены, и в классе воцарилась строгая тишина, прерываемая лишь скрипом перьев и шелестом переворачиваемых страниц.

Так начался экзамен экстернов на аттестат зрелости. Мудреное слово «экстерн» происходит от латинского слова «внешний». Экстерн не посещает школы или вуза, но сдает экзамены так же, как и всякий школьник или студент.

В страдную экзаменационную пору более пятисот экстернов — людей различного возраста и профессий — заполнили классы столичных школ, чтобы, пройдя испытания, получить аттестат зрелости. Многие из них пойдут учиться в высшие учебные заведения, другие, получив среднее образование, продолжат работу по ранее избранной профессии.

В Энергетическом институте имени В. М. Молотова, в институтах автодорожном, юридическом, текстильном, железнодорожного транспорта, в театральных и военных училищах,— где только нет студентов, закончивших среднюю школу экстерном!

Познакомимся с теми, кто невзирая на возраст стремится к знаниям. После трудового дня они торопились на специальные курсы или домой, где вечера, а нередко и ночи проводили над учебниками.

Вот сидит человек с орденом «Красного Знамени» на груди. Это шофер Генерозов. Николай Автономович Генерозов, коммунист, сел за парту в тридцать пять лет. В свое время он окончил начальную школу в Артемовске, затем горно-промышленное училище и работал машинистом компрессора. Война прервала дальнейшую учебу, Генерозов стал минометчиком, был ранен под Ржевом.

Три шофера сели на экзаменах рядом друг с другом: Николай Генерозов, Владимир Казаков и Юрий Глазунов. Их роднит не только профессия, но и воспоминания о фронтовых годах, прервавших мирную жизнь, и, наконец, близость того радостного часа, когда они смогут переступить порог высшего учебного заведения.

Неподалеку сидит крановщик московского Северного порта Вадим Фоменков. Ему только двадцать один год. Он рано поступил в торговый флот. Ходил на советских судах за границу в дальние рейсы, захватывая с собой учебники. Экзамены сдавал в средней школе в Таллине, когда пароход возвращался в родную гавань. Но как-то судно надолго задержалось за границей на ремонте. Фоменков опоздал к экзаменам. Это побудило его на время проститься с морем, переехать в Москву, к родителям.

Со своего места поднялась молодая женщина и, подойдя к экзаменационному столу, протянула тетрадку.

— Мое сочинение готово,— сказала она, и в голосе ее послышался едва уловимый иностранный акцент.

Перед экзаменом. На снимке (слева направо): шофер Н. А. Генерозов, шофер Ю. Ф. Глазунов, крановщик московского Северного порта В. Ф. Фоменков, шофер В. А. Казаков, помощник машиниста метро О. И. Денисов.

Фото П. Евгеньева

Председатель пробежал глазами по заглавному листу: «Нина Дмитриевна Меркулова». Снова взглянул на нее и подумал: «Показалось».

Нина Меркулова русская, но она родилась и всю жизнь прожила в Польше. Ее отец был землемером в городе Торуне. В 1945 году семья землемера переехала в Советский Союз: с демократической Польшей был заключен договор о том, что лица русской национальности могут вернуться в СССР и стать советскими гражданами. В панской Польше Нина не могла получить образование, а на Родине ей пришлось начинать учебу едва ли не с начала. Что ж, теперь она готова сдать экзамены на советский аттестат зрелости! Брат ее уже стал студентом советского вуза.

— До следующего экзамена! — прощается председатель с Меркуловой.

Каких только профессий нет среди экстернов! Мы видим в этом широком школьном коридоре и сварщика со столичного завода, и официанта из ресторана «Москва», и рядовую работницу из трамвайного треста, и аккомпаниатора из районного Дома пионеров, и бывшего партизана-пенсионера, и водителя троллейбуса, и фармацевта из Раменской аптеки.

Все они оживлены и взволнованы большим событием в их жизни. Когда открываются двери одного из классов, они кидаются туда и засыпают вышедшего вопросами: «Ну, как? На какую тему? Сколько страниц?»

Сейчас они тесным кольцом окружили Лидию Павловну Иващенко.

— Артистка, конечно, сдала? — сказал кто-то басом.

Лидия Павловна — артистка московской эстрады. Отец ее работал на строительстве, где не было в ту пору десятилетки; после восьмого класса она пошла в балетную студию. В Новосибирске Лидия Павловна впервые выступила на эстраде, а в 1946 году ее послали в Москву, на Всесоюзный конкурс артистов эстрады. Л. П. Иващенко присудили почетный диплом, и она начала работать в столице. Но мечта о высшем художественном образовании ее не оставляла. Поступая на курсы по подготовке к экзаменам на аттестат зрелости, она писала в заявлении: «Я очень хочу учиться и приложу все усилия, чтобы учиться хорошо». Но ей приходилось иногда выезжать на гастроли, и она присылала учителям такие записки: «Посылают в командировку на десять дней в Мурманск. Директор эстрады и председатель месткома дали честное слово, что через десять дней нас заменят другими актерами и меня больше ни разу не будут посылать в поездки. Я забираю с собой все конспекты и некоторые учебники, чтобы пройденное хорошо выучить».

...Между тем на столе экзаменационной комиссии росла стопка тетрадей. Вот поверх нее положила свою работу скромно одетая женщина. «Ляпина Антонина Михайловна» — написано на обложке.

— Ляпина? — переспросил один из учителей. — Помнится, в прошлом году сдавал экстерном какой-то Ляпин? Однофамилец?

— Это мой муж. Он уже студент.

— А теперь и вы туда же?

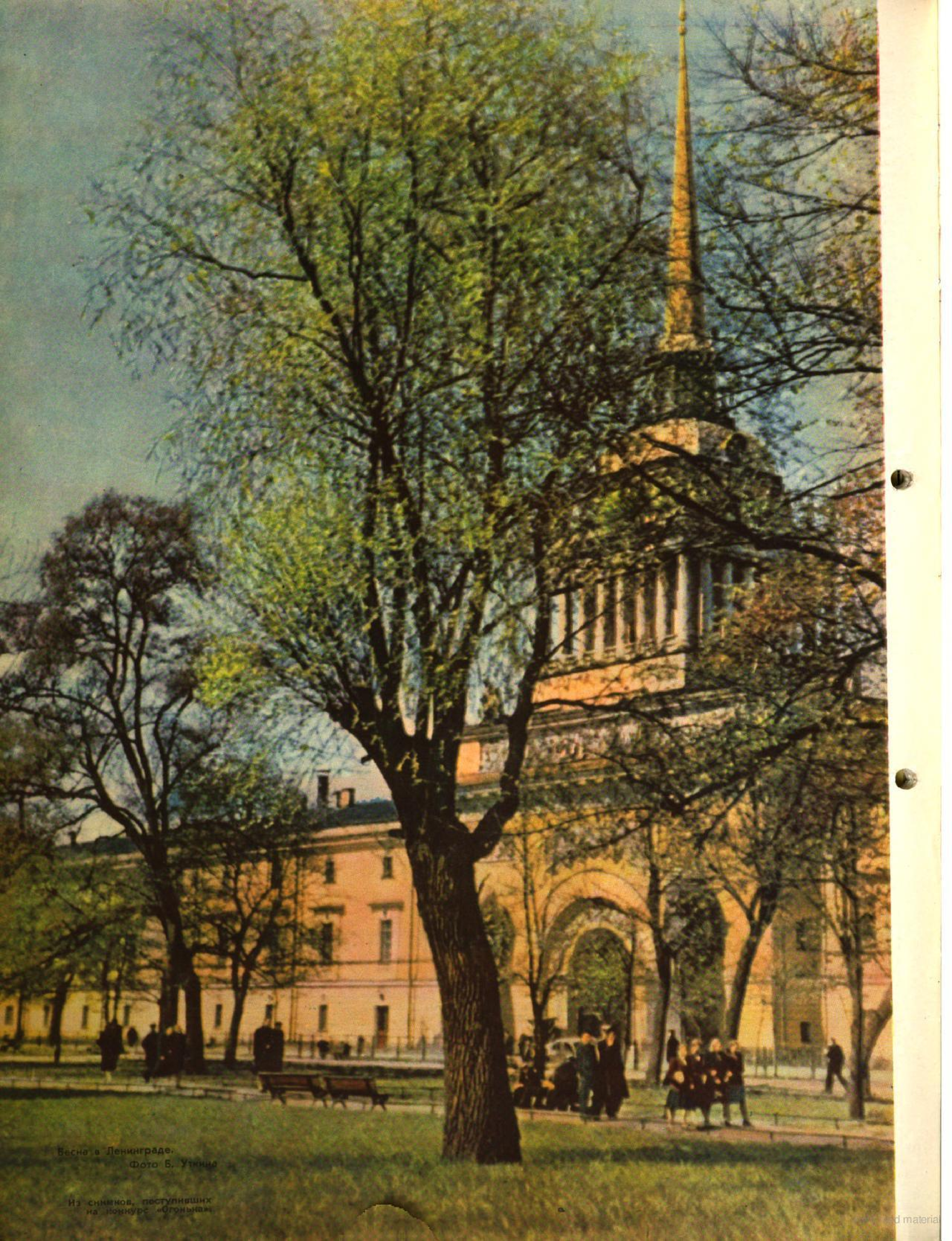
— Конечно.

Она сказала это спокойным, уверенным голосом. В нем звучала решимость осуществить свое желание невзирая ни на трудности, ни на упущенные годы. Это стремление к знаниям — характерная черта всех, кто сдает экстерном экзамены на аттестат зрелости.

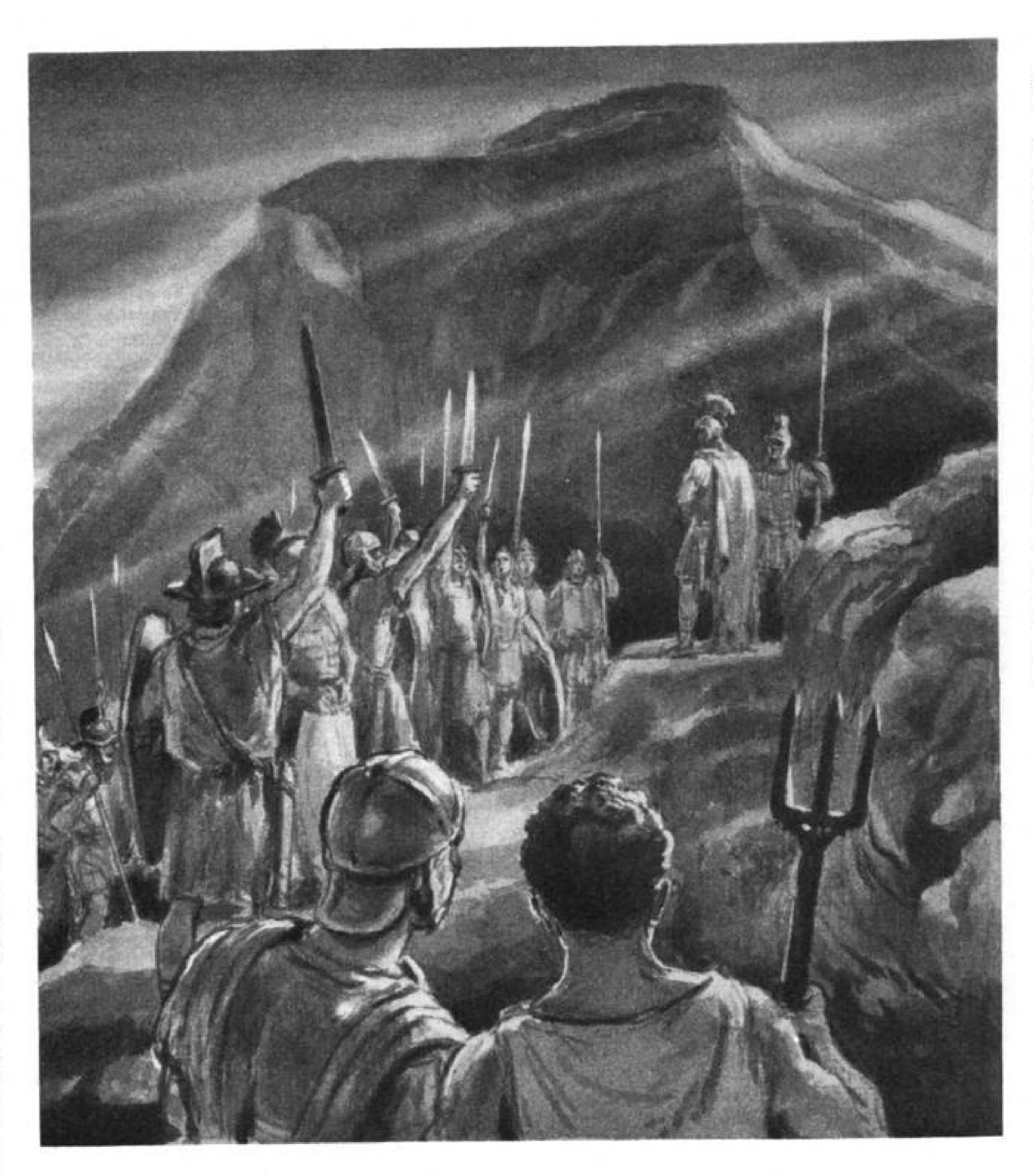
В бюро комсомольской организации воронежского завода «Электросигнал». Прием в комсомол стахановки-регулировщицы Нины Стребковой.

Фото Б. Кузьмина

Весна в Ленинграде.
Фото Б. Уткина

Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

СПАРТАК

Главы из романа

Говард ФАСТ

Рисунки В. Высоцкого

В Капуе увидели дым первого горящего поместья.

— Значит, рабы мстительны и жестоки! — сказали именитые люди города. Им хотелось, чтобы восставшие рабы были вежливыми и предупредительными. Им хотелось, чтобы рабы, раз уж они ушли от хозяина, прятались попрежнему в лесах, где их можно травить поодиночке, как диких зверей.

Впрочем, капуанская знать даже при виде пожара, вспыхнувшего на первой латифундии, не почувствовала большого страха. Можно ли ожидать от гладиаторов чего-либо другого, кроме кровопролития и опустошения? Они срывают злобу на всем, что попадается им по пути. Но уже гонцы мчатся по Аппиевой дороге предупредить высокий Сенат о том, что случилось в Капуе. Пройдет несколько дней, и снова вернется установленный порядок. И рабам будет дан урок, который они запомнят надолго!

Богатый землевладелец по имени Марий Акан, получив известие о восстании, собрал семьсот своих рабов и погнал их, как стадо, в Капую. Гладиаторы перехватили его в пути. Они стояли в суровом молчании и глядели, как Акана, его жену, невестку и дочь с мужем убивали собственные рабы. Это было мрачное и прискорбное дело, но Спартак знал, что не может этого остановить, да и не имел к тому особого желания. Римляне пожинали то, что посеяли. Семью владельца латифундии прикончили рабы, несшие господ в носилках. Они прикончили своих господ, как только убедились, что окружившие их люди были не римские солдаты, а те самые, вырвавшиеся на свободу гладиаторы, молва о которых разнеслась уже по всей округе.

Еще было далеко до вечера, но новость летела быстрее, чем время. Прежние две сотни восставших превратились уже в тысячу. По мере того, как они двигались на юг, рабы сбегали с холмов и подымались из долин, чтобы стать в их ряды. Рабы-землепашцы спешили с мешками зерна, рабы-пастухи гнали перед собой овец и коз. Когда повстанцы приближались к поместью и обрушивались на него всей массой — только гладиаторы шли теперь в военном строю,— оказывалось, что слух уже опередил их. Навстречу выбегали кухонные рабы, салютуя ножами и секачами, домовые рабы мчались, неся в подарок охапки господских одежд из шелка и тонкого льна. Почти из всех поместий римляне бежали, а если где-либо они пытались сопротивляться, их истребляли поголовно.

На юг двигался огромный табор смеющихся, поющих мужчин, женщин и детей, опьяненных молодым вином свободы. Темнота наступила тогда, когда они были уже в двадцати милях от Капуи. И они стали лагерем в широкой долине у шумно бегущего потока и разложили костры.

Целые козы, бараны, а кое-где и вол жарились на вертелах. Острый, дразнящий запах жареного мяса разносился в воздухе. Это был небывалый пир для рабов, которые из новолуния в новолуние, из года в год не знали ничего, кроме лука, брюквы и овсяной каши. Многие впервые в жизни ели досыта. Мясо запивали вином, приправой к еде были песни и шутки.

Как многоязычен был лагерь! У костров сидели галлы и иудеи, греки и египтяне; здесь были фракийцы, нубийцы, суданцы, ливийцы; вперемежку с ними пили вино персы, ассирийцы, самаритяне, германцы, славяне; дальше сидели булгары, македоняне, испанцы; были здесь даже рабы-италийцы, предков которых заковали в цепи за ту или другую провинность; были сабиняне, умбрийцы, сицилийцы, тосканцы. И были люди из таких племен, названия которых уже исчезли из памяти людей. Это была смесь рас, народов и языков, но прыжок из темницы на волю сделал их братьями.

Многие из сидевших у костров даже не видали еще Спартака, многим указывали на него пальцем издали, но они все были полны Спартаком. Он был их вождь и бог, потому что в темном мозгу раба мелькает иногда мысль, что боги при случае спускаются на землю: разве Прометей не украл с неба божественный огонь и не отдал его людям?

...И вот Спартак беседует с гладиаторами, они взвешивают то, что произошло. Маленький ручеек стал рекой, скоро она затопит все. Это сказал Ганник. Его глаза сияли, когда он смотрел на Спартака.

— Мы пройдем по всему миру и перевернем его, камень за камнем!

Так говорил Ганник, но у Спартака были другие мысли. Он лежал, прислонившись головой к коленям Варинии, она тихо проводила рукой по его темным, вьющимся волосам, по колючим щекам, и чувство невиданно щедрого счастья переполняло ее. Она вся лучилась спокойным довольством, его же словно сжигал какой-то огонь. Спартак глядел на ясные, чистые звезды италийской ночи, и дерзкая мечта овладевала им, отгоняя страх и сомнения, хотя тяжесть того, что ему предстояло сделать, все еще лежала на его сердце. Он должен разрушить Рим. Сама эта мысль, невероятная смелость ее заставили Спартака улыбнуться Варинии. Она встрепенулась и, положив пальцы на его рот, запела на языке своей родины:

Охотник вернулся из леса
И красного зверя принес...
Очаг его греет и нежит,
Он шутит с женой и детьми...

Песня лесного народа, холодной и дикой страны... Сколько раз слыхал от нее Спартак эти песни, так странно звучащие для уха эллина! Она пела, но он не слышал слов песни, его собственные мысли вплетались в музыку и витали где-то между звездами.

— Ты должен разрушить Рим, ты, Спартак! Ты должен вести за собой этот народ и быть добрым и строгим к нему. Ты должен научить этих людей сражаться и убивать. Нет возврата назад, нет отступления ни на один шаг. Весь мир принадлежит Риму, значит, Рим должен быть низвергнут и память о нем должна исчезнуть. На месте, где был Рим, мы воздвигнем другие города и другую жизнь, и люди будут жить в мире, любви и братстве, без рабов и рабовладельцев, без гладиаторов и арен. Люди будут жить, как в седую старину, как в золотой век...

Вариния умолкла и заглянула ему в лицо.

— О чем грезишь ты, мой любимый, мой фракиец? Или боги, что живут среди звезд, ведут беседу с тобой? Что же они говорят тебе, скажи мне. Или это тайна, и ты никогда не поделишься ею со мной?

Она почти верила, что боги беседуют с ним. Кто знает, где правда и где ложь? Спартак не поклоняется им. Разве есть боги для рабов? — говорил он ей.

— Во всей моей жизни не будет ничего, чем я не поделился бы с тобой, Вариния!

— Так почему же ты, как во сне?

— Мне снится новый мир, который будет делом наших рук.

Его слова испугали ее. Он обнял жену и сказал мягко, как ребенку:

— Все в мире создано руками человека. Разве не так, дорогая? Подумай. Знаешь ли ты что-нибудь, чего мы не построили — города, башни, стены, храмы, дороги, корабли? Почему же не сможем мы сотворить новый мир?

— Рим,— прошептала она, и в этом единственном слове была сила, управляющая миром.

— Мы низвергнем Рим,— ответил Спартак.—

Окончание. См. «Огонек» №№ 25 и 26.

Мир пресыщен грехами Рима. Мы разрушим Рим и то, на чем он стоит.

— Что? — беспокойно спрашивала она.

— Рабство. Раньше тоже были восстания рабов, но теперь будет по-иному. Мы кликнем клич, и его услышат рабы во всех землях...

Так пришел покой и пришла надежда. И много лет спустя Вариния не уставала рассказывать об этой ночи, когда голова мужа лежала у нее на коленях и глаза его были устремлены к звездам. Любовь согревала эту ночь. Мало кому из людей даны такие ночи, и те, кто знал их, счастливые люди.

Они лежали на земле, вокруг был лагерь восставших рабов, горели костры, и время медленно уплывало в вечность. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и каждый боялся за другого и жалел его. Они были, как один человек.

Сенат заседал в полном составе при закрытых дверях. Снаружи шумела толпа, она все росла, пока не заполнила до краев площадь. Прилегающие улицы были оцеплены. Рождались все новые слухи. Но Сенату было уже в точности известно о том, что случилось со столичными когортами [1].

Обязанность «инквизитора» — сенатора, ведущего допрос, — была возложена на Гракха. Он стоял у барьера и разглядывал римского легионера, который вернулся о т т у д а. Солдат родился в Риме, детство его прошло на улицах и площадях Вечного города, впервые в жизни пришлось ему предстать перед августейшим Сенатом. Это был узколицый черноглазый человек, измученный и явно напуганный. Одно веко его дергалось, он то и дело облизывал пересохшие губы. Он был в латах, но оружие отдал при входе.

Должно быть, его наскоро постригли и вымыли, но рука у него была обмотана грязной повязкой с проступающими пятнами крови.

Гракх сделал то, чего не догадались сделать другие. Прежде чем начать допрос, он велел служителю принести вина, оно было поставлено на маленький столик перед солдатом. Человек качался от усталости, и Гракху не хотелось, чтобы во время допроса он свалился в обмороке. Это было бы неуместным в зале Сената.

Солдат держал в руках небольшой жезл из слоновой кости. Это был жезл легата, и в этом жезле — так гласил обычай — было больше власти, чем у командующего целой армией. Жезл был символом власти, авторитета и силы римского Сената.

— Ты должен отдать это мне, — начал Гракх.

Солдат не сразу понял, чего от него хотят, и Гракх взял жезл у него из рук и положил на стоявший в зале алтарь. Он почувствовал, как у него сжалось сердце. Он презирал тех, кто наполнял сейчас этот зал, он знал, какими грубыми и бесчестными путями эти люди приобрели себе право сидеть в сенаторских креслах, какую грязную политическую игру они ведут непрестанно. Но он не мог презирать этот маленький жезл, в котором были сосредоточены слава, достоинство и смысл всей его собственной жизни. Всего только несколько дней назад, вспомнил он, этот жезл был вручен Варинию Глабру, легату Сената, командующему римскими когортами.

Он приступил к допросу:

— Назови твое имя.

— Аралус Порт.

— Порт?

— Аралус Порт, — повторил солдат.

Один из сенаторов пригнул ухо и сказал:

— Громче. Можешь ты громче? Не слышно.

— Говори громче, — сказал Гракх. — Никто не тронет тебя здесь. Ты в священной палате Сената. Ты должен говорить только правду во имя бессмертных богов.

Солдат опустил голову.

— Выпей вина.

Глаза солдата забегали по рядам бесстрастных людей в белых тогах, по каменным сиденьям, на которых они выглядели, как неподвижные портреты в рамах. Потом он опомнился, дрожащей рукой налил стакан, расплескав вино, выпил и снова облизал губы...

...Лагерь войск легата был разбит у подножия Везувия. Глабр вызвал начальников когорт и спросил, когда будут возведены укрепления. Гракх ясно представил себе эту картину. Начальники когорт, наверно, доказывали, что у них под началом три тысячи тяжело вооруженных римских солдат, что не приходится ожидать нападения рабов на такую армию. В начале восстания, рассуждали они, гладиаторов было двести человек, после этого, как говорит молва, многих перебили. Кроме того солдаты устали, некоторые после похода упали на траву и тут же заснули...

Только некоторые когорты разбили палатки и по привычке стали выкладывать лагерные дороги. Кое-где раскладывали костры, но в обозе было много продуктов, и многие солдаты довольствовались ужином всухомятку. Такова была картина лагеря, разбитого под сенью горы.

Палатка легата была в самой середине лагеря, тут же водрузил он свой значок и жезл Сената. Богачи Капуи принесли подарки — большие корзины с печением и сластями. И легат сидел, должно быть, со старшими командирами и ужинал, довольный, что не придется заниматься таким хлопотным делом, как укрепления. В конце концов этот поход не из самых худших: почет, при удаче немножко славы — и все это в нескольких днях пути от столицы!..

— Я помню, как наступила ночь, все небо было в звездах...— говорил солдат сенаторам, слушавшим его с каменными лицами.

Красота на устах глупца! Да, пришла ночь, думал Гракх, а легат Вариний Глабр, наверно, все еще сидел с начальниками в своей огромной палатке, попивая вино и закусывая голубями, сваренными в меду. Сколько было веселых разговоров в эту ночь, сколько шуток: ведь там собралось немало молодых острословов из самых блестящих семейств Рима...

...Гракх был «инквизитор». Он должен был задавать вопросы. В зале Сената было так тихо, что слышно было, как жужжит муха под сводами.

— Ты спал?

— Я спал, — ответил испуганно солдат.

— Что разбудило тебя?

Солдат вдруг заговорил громко и торопливо. Его лицо стало белым, как мел, и Гракху

[1] Когорта — подразделение римского легиона численностью от 360 до 1 200 человек.

показалось, что он сейчас упадет. Но солдат не упал, и его рассказ вдруг стал связным и отчетливым...

— ...и весь лагерь кишел рабами. У них в руках были кривые ножи, эти ножи подымались и опускались, сверкая в лунном свете. Так они убивали нас, добрую половину — во сне... Там и тут группы солдат отбивались, но им не пришлось долго драться. Это было самое страшное, что я видел в жизни, а рабы все убивали и убивали. Тогда у меня помутилось в голове, и я стал кричать. Я не стыжусь сказать об этом. Я выхватил меч, побежал по лагерю, я, кажется, убил одного раба... Когда я добежал до края лужайки, я увидел стену копий вокруг лагеря, и их держали... женщины, они были страшны, их волосы развевались на ветру...

...Потом меня держали рабы, и нож уже был на волосок от моей шеи, и я увидел, что мне конец, смерть! Кто-то крикнул: «Обожди!» Подскочил раб с рыжими волосами, он крикнул: «Стойте, должно быть, этот солдат остался один в живых!»

...Они повели меня в палатку Вариния Главра, легата, но легат лежал там в крови. Он валялся на своем ложе мертвый. Начальники когорт все мертвые... Потом мне перевязали рану на руке и поставили стражу. Небо посветлело, и уже занималась заря... И все когорты были мертвы...

Солдат произнес эти слова без всякого выражения, тупо, как рапортуют солдаты, только веко его судорожно дергалось, и он старался не глядеть на сенаторов с каменными лицами.

— Сколько было рабов? — спросил Гракх.

— Семь — восемь сотен, может быть, тысяча... Я не знаю. Потом они все принялись за работу, разбившись на десятки. Они очень усердно работали. Некоторые подкатывали повозки и нагружали их оружием, снятым с убитых. Пришли женщины и принесли жареное мясо. Рабы ели по очереди. Они поедали рационы наших солдат...

— Что они делали с убитыми?

— Ничего. Оставили мертвых там, где они лежали. Они ходили среди убитых, как будто их здесь и не было. Потом я увидел группу рабов, они стояли в стороне и смотрели на то, что делалось вокруг. Их было шестеро. Один был чернокожий, африканец. Это были гладиаторы.

— Откуда это тебе известно?

— Когда они пришли в большую палатку, где я находился, я увидел, что они гладиаторы. У них были подрезаны волосы и шрамы по всему телу. Гладиатора нетрудно узнать. У одного не было уха. Один был рыжий. Но главный у них — фракиец, со сломанным носом и черными глазами. Глаза его смотрели, не мигая, как застывшие...

Какая-то волна прошла по неподвижным лицам сенаторов. Они слушали теперь по-другому, на лицах проступало внимание, напряжение, ненависть. Гракху запомнилась эта минута: именно тогда было произнесено имя Спартака, раба, поднявшегося из небытия, чтобы потрясти мир. У других людей есть прошлое, местожительство, родина; у Спартака не было ничего.

Спартак словно родился на устах этого солдата, которого оставили в живых только для того, чтобы он вернулся в Рим и рассказал обо всем Сенату...

Солдат продолжал:

— Человек со сломанным носом повернул ко мне лицо. В руках у него был жезл легата. Он спросил меня: «Римлянин, знаешь ли ты, что это?» Я ответил: «Это — оружие благородного Сената». Они не поняли меня, я объяснил им... Спартак сидел и держал жезл в руке и перебирал пальцами по слоновой кости. И вдруг он протянул жезл мне. Я не знал вначале, чего он хочет. Он сказал: «Возьми это, солдат. Возьми это, римлянин. Возьми». И я взял жезл. «Теперь ты легат благородного сената», — говорил он мне. Он не выглядел злым и не повышал голоса. Он просто разговаривал со мной. Мне ничего не оставалось делать. Иначе я бы лучше умер, чем коснулся священного жезла. Я римлянин, я гражданин...

— Ты не будешь наказан за это,— сказал Гракх.— Продолжай.

— «Теперь ты легат благородного сената,— повторил Спартак. — У благородного сената длинная рука, но теперь ты здесь только один». Так я держал жезл, а он сидел и смотрел на меня. «Ты гражданин, римлянин?» — спросил он. Я сказал, что я гражданин. Он кивнул головой и слегка усмехнулся. «Теперь ты легат,— повторил он в третий раз,— я передам через тебя послание. Ты передашь его благородному сенату. Слово в слово, как я буду говорить тебе».

Солдат осекся, и Сенат ждал. Гракх молчал тоже: он не хотел спрашивать о послании раба. Но надо было, чтобы солдат продолжал. Спартак, возникший из небытия, стоял здесь, в зале Сената...

Гракх наконец приказал солдату говорить.

— Я не могу...

— Сенат приказывает тебе.

— Это были слова раба. Пусть отсохнет мой язык...

— Довольно! — оборвал его Гракх.— Скажи нам то, что велел тебе передать раб.

И солдат заговорил словами Спартака:

— Возвращайся в Рим и отдай твоему сенату этот жезл. Я делаю тебя легатом. Иди и расскажи им все, что ты видел здесь. Скажи им: они послали против нас свои когорты, и мы уничтожили их когорты. Скажи им, кто мы; мы рабы, то, что они называют «инструментум вокале», орудия, обладающие голосом. Расскажи им, какой у нас голос. Этот голос говорит, что мир устал, устал от вашего растленного сената, от вашего прогнившего Рима. Мир устал от богатства и блеска, которые они создали на нашей крови и костях. Мир устал от музыки бича. Это единственная музыка, которую знает Рим. Мы не хотим слышать ее больше. Вначале все люди были равны, и они жили в согласии и делились тем, что имели. Теперь люди стали разные, господа и рабы. Но нас больше, чем вас, много больше. И мы сильнее вас и лучше. Все хорошее в человечестве принадлежит нам. Мы уважаем наших женщин, защищаем их и сражаемся рядом с ними. А вы делаете из ваших женщин блудниц, а из наших — скот. Мы плачем, когда наших детей отрывают от нас, и прячем их, чтобы они подольше были с нами. А вы растите из ваших детей диких зверей. Наши женщины рождают детей от вас, а вы продаете этих детей на рынок в рабство. Вы превращаете людей в бешеных собак и гоните их на арену рвать друг друга в куски для вашего наслаждения, и ваши благородные римские госпожи смотрят, как мы убиваем своих братьев, и гладят собачек, сидящих у них на коленях, и кормят их дорогими яствами. Какая гниль и смрад вы сами, и в какую кровавую грязь вы превратили жизнь! Вы убиваете лучшие мечты человека, вы издеваетесь над делом человеческих рук и над пóтом человеческим. Ваши граждане живут на подачки и проводят дни свои на аренах и в домах распутства. Вы отняли у жизни ее ценность и сделали ее игрушкой вашей похоти. Вы убиваете ради того, чтобы убивать, и ваше высшее удовольствие — видеть, как льется кровь. Вы гоните малых детей в ваши рудники, и там они гибнут в короткие месяцы. Вы воздвигли свое величие на ограблении всего мира. Но этому приходит конец. Скажи твоему сенату, что всему этому приходит конец. Это говорит ему раб, орудие, наделенное голосом. Пусть сенат посылает против нас свои армии, мы истребим их армии, как истребили эту, и мы возьмем себе оружие армий, которые пошлют против нас. Весь мир услышит голос раба, и рабам всего мира мы крикнем: вставайте и рвите цепи! Мы пойдем по Италии, и всюду, где пройдем мы, рабы станут в наши ряды. И настанет день, когда мы подойдем к стенам вашего Вечного города. Он перестанет быть вечным. Скажи это твоему сенату. Скажи им, что мы известим их заранее, когда придем и сотрем с лица земли стены Рима. Мы войдем в дом, где заседает их сенат, и мы выгоним сенаторов из высоких кресел и сорвем с них тоги, и они будут стоять перед нами нагие и будут судимы. Но мы будем судить их не так, как судили они нас, а по закону чести, и полная мера справедливости воздастся им. Каждое из неисчислимого множества их злодеяний зачтется им, и они дадут полный отчет во всем. Скажи им это, чтобы у них было время приготовить себя к последнему суду. Мы призовем всех свидетелей их преступлений, и память свидетелей не изменит им.

Когда же правосудие свершится, мы построим новые, лучшие города, чистые, красивые, без крепостных стен, и люди будут жить в них в мире и счастье!

Вот все мое послание сенату. Скажи им: это — послание раба по имени Спартак.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

ХОДИТЕ, СМОТР

Фото А. БОЧИНИНА

Что может быть чудеснее путешествия по просторам родной страны! Однажды изведав прелести туристского похода, вы снова будете стремиться к нему и задолго до отпуска готовить рюкзак, ботинки, ледоруб, байдарку или велосипед. Ведь ни одно описание красот природы не заменит увиденных своими глазами солнечных бликов на озере, бескрайних полей, зеленой полутени лесных тропинок. Путешествуя по стране, можно увидеть все: и снежные вершины гор и равнины, водопады и плавные воды рек, леса и цветущие сады.

Но не только красоты природы поражают туриста. Навсегда остаются в памяти огни строек, новые сооружения, пахнущие свежей смолой дома новых поселков, дружеские встречи в пути, ощущение настоящего глубокого единства нашего народа. Хорошо говорится об этом в одной из туристских песен:

И в предгорьях седого Урала,
На Камчатке средь дальних морей —
Где бы наша нога ни ступала —
Мы повсюду найдем друзей.

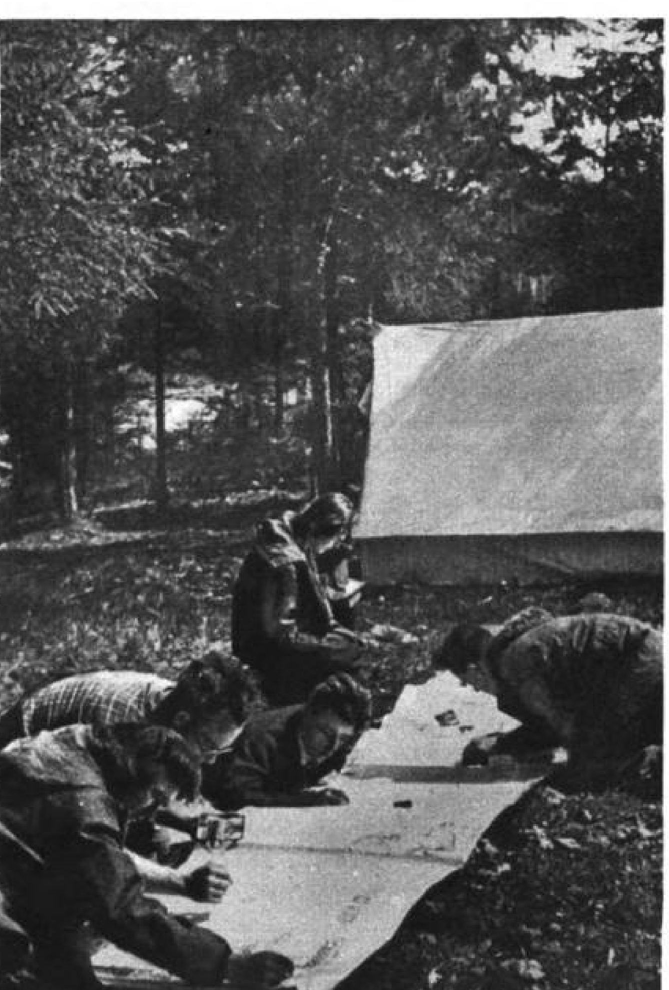
Увидев своими глазами родную страну, чудесных людей, еще больше и глубже полюбишь ее. «Мы очень много говорим о воспитании патриотизма... — говорил Михаил Иванович Калинин. — Это воспитание начинается с углубленного познания своей родины».

Да, никакие рассказы и фотографии не заменят увиденного! Однажды мы подходили к Кировску. Незаходящее полярное солнце спустилось к самым вершинам гор. В этот день мы уже прошли километров тридцать, перевалили через горный хребет. На всем пути — ни человека, ни зверя, только каменистые обрывы гор, темные мохнатые ели и причудливо изогнутые березки. Казалось, на сотни километров вокруг простираются такие же леса и тундры. И поэтому, услышав где-то впереди странный протяжный звук, мы не сразу поняли, что это такое. Но звук повторился еще и еще раз... Да ведь это гудок электровоза!

Подняты первые паруса.

Ранним утром по лесным тропинкам пешком и на велосипедах спешили туристы к бухте Радости. На снимке: группа велосипедистов в пути.

Многие приехали еще с вечера: хочется сделать свой праздник как можно интереснее. На снимке: группа туристов заканчивает выпуск стенной газеты, посвященной слету.

Походный день начинается с завтрака. Великолепный аппетит на свежем воздухе!

ИТЕ, ИЗУЧАЙТЕ!

Увидев за поворотом долины панораму большого города, раскинувшегося на берегах горного озера, мы как-то совсем по-новому, с небывалой остротой почувствовали величие подвига советских людей, построивших все это среди заполярных гор.

В одном из Дворцов культуры я прочла такой плакат: «Не видел — видеть, не знал — знать, не умел — уметь!» Эти слова избрали своим девизом туристы.

Настоящее умение приходит не сразу. Разве просто ориентироваться по звездам или без барометра и сводки погоды точно предсказать, какая погода будет завтра? Разве легко развести костер под дождем или быстро поставить палатку так, чтобы на ней не было ни одной складки? Ведь когда впервые ставишь палатку, она валится то на один, то на другой бок, веревки путаются в ногах, костер упорно не разгорается. Но зато даже после таких «неприятностей» как хорошо посидеть у вечернего костра, вспоминая о пройденном за день пути, как приятен свежий ветерок, проникающий в незастегнутое окно палатки!

Совсем необязательно ехать в интересное путешествие за тысячи километров от своего родного города. Есть своя неповторимая красота не только в строгом молчании горных исполинов, но и в солнечных рощах поблизости от родного города. Если нет возможности пройти многодневный маршрут, можно отправиться в короткое путешествие. Выехать, например, в субботу вечером и вернуться в воскресенье или в понедельник утром — такие походы можно делать не только в семнадцать, но и в семьдесят лет.

На наших снимках показан один из таких походов в Подмосковье, в бухту Радости. У туристов и альпинистов столицы сложилась хорошая традиция: в начале лета на общегородском слете давать своеобразный старт летним путешествиям и восхождениям. В этом году на пятнадцатый слет в бухте Радости собралось около десяти тысяч человек. Группы туристов прибывали с разных сторон: по лесным дорожкам — пешком; на велосипедах, мотоциклах и автомобилях; по водохранилищу — на байдарках, яхтах и катерах. Многие пришли на место слета накануне. Уже с вечера среди темных елей и светлой зелени берез выстроились ряды палаток, поднялись к ясному небу дымки многочисленных костров.

— Желаю вам удачных путешествий и попутного ветра, — сказал участникам слета старейший турист, заслуженный мастер спорта Н. М. Губанов.

Невольно вспоминается, что ни в одной стране нет таких возможностей для развития туризма, как у нас. И как ни сухи цифры, все же хочется их назвать: профсоюзы отпустили 21 миллион рублей на приобретение туристских путевок, 4,5 миллиона на благоустройство туристских баз и 4 миллиона на приобретение снаряжения для нас, самодеятельных туристов. Этим как бы сказано: «Ходите, смотрите, изучайте нашу прекрасную Родину! Счастливых дорог, друзья!»

Г. ИЛЬИЧЕВА,
мастер спорта по туризму

Вот она, бухта Радости!

На байдарках прибыли на слет туристы «Крыльев Советов», собирающиеся в водные походы. С веслами в руках они идут к поляне слета.

Закончилась торжественная часть. Теперь каждый может заняться своим любимым делом. Хорошо в жаркий день на воде! Можно покататься на байдарке.

Яхты готовы к походу.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

В семье единой

Присуждение Сталинских премий в области литературы и искусства за 1951 год вновь наглядно показало важнейшие черты советской литературы.

Советская литература многонациональна. Лучшими поэтическими произведениями прошлого года признаны поэмы и стихи как русских поэтов, так и представителей братских литератур: украинской, грузинской, армянской, литовской, эстонской, дагестанской. И то, что рядом с именем замечательного русского поэта Н. Тихонова, автора циклов «Два потока» и «На Втором Всемирном конгрессе мира», полноправно соседствуют имена национальных поэтов, свидетельствует о неуклонном росте всей нашей многонациональной литературы.

Примечательно и другое явление: постоянный приток в литературу новых, молодых сил. В 1951 году советский читатель приветствовал появление в списке сталинских лауреатов имени молодого армянского поэта Г. Эмина; ныне мы прочли в списке лауреатов имя молодой армянской поэтессы С. Капутикян. Народный аварский поэт — покойный Гамзат Цадаса, удостоенный Сталинской премии за 1950 год,— передал поэтическую эстафету своему сыну — Расулу Гамзатову. Сталинская премия присуждена также эстонскому поэту Ю. Шмуулу и безвременно умершему русскому поэту Вл. Замятину, автору поэмы «Зеленый заслон», отразившей борьбу колхозников за преобразование природы.

Новыми красками обогатилась палитра признанных мастеров поэтического слова, возросло их мастерство.

Поэтический путь А. Венцлова, выступившего в 30-х годах с романтически окрашенными революционными стихами, увенчался ныне полновластным утверждением метода социалистического реализма в творчестве этого литовского поэта. А. Венцлова решает в своих стихах кардинальные темы сегодняшнего дня и для решения их привлекает все многообразие жанровых форм, все богатство народного языка.

Как растущий поэт предстал перед читателем украинец М. Нагнибеда.

Две чудесные поэмы создал известный грузинский поэт Георгий Леонидзе. И прежде всего следует остановиться на той из них, которую сам автор назвал лирической, но которая несет в себе большое эпическое начало. «Портохала» — это лирическое, проникновенное, построенное на хорошей, глубокой символике повествование о судьбах грузинского народа. Через символический образ «матери грузин» Портохалы, этой простой грузинской женщины с ее тяжелой, горькой долей, поэт показывает прошлое своей родины, когда в доме труженика «нужда, как похлебка, варилась» и «урожай под бичом господина собирать на полях приходилось».

Поэт выражает святую сыновью благодарность Портохале, «матери детей и добытчице хлеба», воплощающей в себе ту силу, что и прежде таилась в народе, а потом помогла ему прочно стать на ноги, сделаться хозяином жизни.

Картины прошлого в поэме составляют резкий контраст с многоцветными, словно облитыми солнечным светом картинами, передающими светлую советскую действительность, сегодняшний день Грузии.

Естественным продолжением «Портохалы» представляется поэма «Бершоула». В ней поэт ведет речь о том, кто дал грузинам, как и другим народам нашей страны, счастье. Рассказ мельника Бершоула о встрече с молодым Сталиным, предначертавшим «человечества путь величавый», — рассказ теплый, бесхитростный, конкретный, без выспренних восклицаний и общих фраз.

Светом великого имени вождя озарены стихи и поэмы и других поэтов.

Ленину и Сталину посвящены лучшие стихи в сборнике А. Венцлова.

Поэмы Ю. Шмуула и Р. Гамзатова, посвященные Сталину, тоже, как «Бершоула», повествуют о судьбах народа. В поэмах раскрываются сталинская, отеческая забота о народе и тесная связь народа со своим вождем.

Поэма Р. Гамзатова «Год моего рождения», построенная как воспоминание лирического героя о своем детстве, рассказывает о днях «великой борьбы за счастье».

В эти дни на съезд горской бедноты приезжает Сталин. Громом рукоплесканий встречают делегаты слова, впервые произнесенные здесь наркомом: «Советский автономный Дагестан».

Рождению новой жизни, вступлению народа на путь, указанный Сталиным и ведущий к счастью, посвящена и «Эстонская поэма» Ю. Шмуула. Безотрадная жизнь «рыбаков безымянных» в досоветской Эстонии; осень 1940 года, ставшая весной для эстонского народа, и события Великой Отечественной войны — таков немалый исторический период, охватываемый этим эпическим произведением. Сильна в поэме и лирическая струя. Своих героев, простых людей Эстонии, поэт рисует несколькими штрихами, но образы эти дополняются лирическим рассказом автора от своего имени и от имени своих героев.

* * *

Через все сборники полнозвучным лейтмотивом проходит тема «семьи единой», тема дружбы народов нашей страны, органически сливающаяся с темами созидательного труда и борьбы за мир.

В дни, когда «по родной земле огонь катился и в серый пепел превращались города», перед взором А. Венцлова стоял образ всей величавой отчизны, и вера в победу звучала в стихах поэта.

Как родной с родными, в одном строю шел по дорогам войны эстонец Ю. Шмуул с «сыновьями севера и юга».

Украинец М. Нагнибеда посвящает свои стихи России, Белоруссии, Молдавии, далекому грузинскому городу Гори. Путь в города и села братских республик — для поэта «дорога к друзьям».

Как по родным городам, проходит армянка Капутикян по Москве, Ленинграду, Киеву, Риге, Алма-Ате, Ташкенту. «Хорошо жить в стране, где повсюду ты — дома, где тебе незнакомые люди знакомы», — восклицает поэтесса, побывавшая и у украинских колхозников и у уральских рабочих. И каждое ее стихотворение является подтверждением высказанной ею поэтической мысли. Поэтесса не только декларирует единство народов нашей страны — она находит в жизни и воплощает в убедительных поэтических образах зримые, конкретные черты этого единства. Песенка армянских девушек врывается в стихотворение о Челябинском тракторном заводе, переплетается с «грохотом станков и колес», и поэтесса представляет, как пойдут уральские тракторы на поля армянской земли.

* * *

Радуют наряду с возросшим мастерством поэтов старшего поколения успехи, достигнутые в области мастерства молодыми поэтами. Их быстрому творческому росту способствовало прежде всего то, что они формировались как поэты целиком в условиях советской действительности.

Все богатство русской и национальных культур стало неотделимым достоянием как русских, так и национальных поэтов; творчество их впитало в себя все лучшее, все светлое из благотворного источника всей советской поэзии. Поэтому так много общих черт можно найти в творчестве различных поэтов.

В поэмах Г. Леонидзе, Р. Гамзатова, Ю. Шмуула, в стихах А. Венцлова лирическое начало органически слито с эпическим, и в этом нетрудно усмотреть творческое усвоение поэтами благородных традиций Маяковского.

Стихи поэтов как старшего, так и молодого поколений обладают той конкретностью, четкостью образов и деталей, той простотой в изложении поэтической мысли, которые возможны лишь тогда, когда поэту есть что сказать читателю.

Точными реалистическими деталями насыщена поэма Ю. Шмуула «Бригада парней из Ярвесуу», повествующая о труде и быте молодых строителей электростанции. В конкретных образах воплощает он в своих стихах и тему борьбы за мир.

С. Капутикян выводит из конкретного образа большое обобщение. Чтобы показать эту особенность ее творчества, достаточно без комментариев привести стихотворение «Голубь мира»:

На груди широкой командира,
Чуть раздвинув ордена, медали,
Приютился белый голубь мира,
Белый голубь мира из эмали.

Белой птицы крошечные крылья
Сложены в торжественном покое:
От грозы и бури их укрыли
Боевые ордена героя...

Р. Гамзатов тяготеет к выпуклой бытовой детали, придающей достоверность рассказу, так сказать, удостоверяющей жизнь. Он не отказывается от бытовой детали даже тогда, когда пишет о значительном. И с подобными деталями прекрасно уживаются в его стихах и поэмах яркие, идущие от народной поэзии образы, песенные мелодии.

Рецензируемые стихи и поэмы не свободны от недостатков. Хочется упрекнуть А. Венцлова и М. Нагнибеду в наличии в их отдельных стихах общих мест, Г. Леонидзе и С. Капутикян — в дающей себя порой знать «красивости» слога. Ю. Шмуул не смог избавить свои поэмы от фрагментарности.

Недостатки эти преодолимы, и через преодоление их поэты, несомненно, придут к новым творческим успехам, способствующим общему росту, расцвету «семьи единой» братских советских литератур.

Ю. КАРАСЕВ

«Человек в джунглях»

Выпущенный издательством «Молодая гвардия» сборник рассказов А. Морозова озаглавлен «Человек в джунглях». Действующие лица этих рассказов живут в Бразилии, Австралии, в Африке, Индии, Соединенных Штатах. Но всюду действуют одни и те же законы — звериные законы джунглей. И в каждом из рассказов сборника мы встречаем героев, которые во имя счастья людей, во имя мира на земле восстают против этих законов.

Таков живущий в дебрях южноамериканского леса доктор Форстер. Он не хочет, чтобы наука превратилась в служанку капитализма и войны, и он защищает индейцев от «научных опытов» американского бактериолога, который искусственно заразил поля вредителями, а местное население — смертельной болезнью («Человек в джунглях»).

Таковы капитан Доплэнд и инженер Стилл, с риском для жизни разоблачающие преступную махинацию «атомных королей» Америки («Последний рейс «Генриетты»).

Таковы матросы «Медузы», которые на пути в Корею взорвали свой корабль, чтобы уничтожить его смертоносный груз — особой конструкции мины, предназначенные для уничтожения мирного населения героической страны («Дело «Медузы»).

Рассказы А. Морозова обладают острым, стремительно развивающимся сюжетом, они написаны хорошим, простым языком.

Следует, однако, оговориться: некоторые из рассказов сборника составлены по стандартной схеме плохой приключенческой литературы. Сюжет таких рассказов щедро сдобрен «таинственностью», одним — двумя убийствами, кратким «психологическим изысканием» («Птица Рох», «Карьера инженера Джибсона», «Враги жизни»). Не следовало бы включать их в книгу: они значительно ниже уровня большинства рассказов А. Морозова, которые советское юношество (да и не только юношество) прочтет с интересом и пользой.

А. Морозов. Человек в джунглях. Рассказы. «Молодая гвардия». 1951. 127 стр.

Басни

Григорий ПЕРОВ

ВЕДУЩИЙ ПОСТ

От чувств любовных захмелев,
Женился Лев.
Пожалуй, о лесной женитьбе
Не стоило и говорить бы,
Когда бы не случилось так,
Что Лев в супруги взял не Львицу,
Зверей царицу,
А с Кошкою вступил в законный брак.
Конечно, в этом нет большой беды:
Нам говорят ученые труды,
Что Кошка
Льву сродни немножко.
А главное,
живи хоть с кем,
но хорошо живи,
А с Кошкой зажил Лев в согласье и любви...
Вот вызывает Лев завкадрами Енота
И говорит:
— Жене нужна работа.
Не век же, в самом деле, ей
Гонять мышей!

Конечно, кошки не хватают с неба звезд,
Но, думаю,
тебе, как другу,
Понятно,
что мою супругу
Устроить может лишь руководящий пост!
Енот остолбенел у двери:
— Помилуй, Лев, да ты в уме ли?
Медведь не Мышь,
Орел не Чиж!
Какой у Кошки может быть в лесу престиж?
Она и не рычит, как звери,
Мурлычет лишь...
— Молчи, болван! —
обрушил Лев
На зверя дерзкого свой гнев.—
Раз Кошка —
львиная жена,
То, значит,
Львица есть она,
И ей рычать положено по чину!..
И на ведущий пост Слона
Назначил Лев свою кошачью половину.

МЕДВЕДЬ-АДМИНИСТРАТОР

Медведь у Льва заведывал хозяйством.
Однажды он созвал своих зверей.
— Пора покончить с разгильдяйством,—
Сказал он им,—
и поскорей!
Вы за дурным пошли примером —
Улитка есть у нас одна.
Ее назначил я курьером,
Но как работает она!
Я посылал ее нарочно
В берлогу Льва с заданьем срочным,
И этот горе-скороход
Пришел обратно через год.
А Крот,
как Крот себя ведет!
Его поставило начальство
Лесное охранять хозяйство,
За всей округой наблюдать,
Чуть что —
тревогу поднимать.
А он копает целый день
В земле лазейки и подкопы,
Хотя на должность землекопа
Не он назначен,
а Олень.
Да и Олень хорош!
Копать Оленю лень.
Он день-денской бежит себе галопом...
— Позвольте,—
выступил вперед
Енот,—
Коль наш Олень бежит таким карьером,
А Крот —
знаток подземных всех работ,
Пускай Олень работает курьером,
А землю пусть копает Крот.
— Ну, а куда Улитку деть? —
Спросил Медведь.—
Не уходить же ей из треста!..

Но тут Енот пошел на место,
Ни слова больше не сказав.
И он по-своему был прав:
В конце концов
не он был зав.

ДРОЗД И ВОРОБЕЙ

Однажды Сыч,
директор треста,
Дрозда решил уволить с места.
Не так,
за здорово живешь,
А за халатность, склоки,
ложь,
За ряд серьезных упущений,
Дисциплинарных нарушений,
За возмутительную лень,
За то, что каждый третий день
Дрозд добывает бюллетень.
Все эти свойства взвесив зрело,
Сыч подписал приказ —
и Дрозд,
Как птица вредная для дела,
Был принужден покинуть пост.

Досадно лодырю Дрозду.
Но вот, перетерпев беду,
Стал о другом он думать месте:
«Ну что же, к Аисту пойду,
Авось, устроюсь в новом тресте».

Разинул клюв директор Аист:
— Что ж ты молчал?!
Да у меня есть
Такая должность для тебя!
Ведь я уволил Воробья!
Я не терпел его чудачеств,
Зазнайства,
лености,
вранья.
Как птицу без рабочих качеств,
Его из треста выгнал я!
— Ну что же,—
Дрозд сказал,—
ну что же!
Мне эта должность по плечу!
А Воробей устроен тоже:
Он поступил уже...
к Сычу!

Рисунки Е. Ведерникова

ЛЕСНОЙ ЗАГОТОВИТЕЛЬ ГРИБОВ

Устроившись удобно на пне и раскурив самодельную трубку, старый лесник Афанасий приступил к рассказу:

— Было дело так. Ходил я за грибами. Иду через поляну, а по ней протянулась огромная сухая ель, сваленная ветром. Кора отстала.

Смотрю: на гладкой древесине ели лежат кучки разных грибов.

Что за диковина? Кто так наготовил с землей и мохом на корешках?

Обошел кругом дерево. Вижу: следы босого человека. Нагнулся, рассматриваю внимательно. Эге! Да это следы «босяка» косолапого. Оказывается, это он, мишка, заготовительный пункт вздумал здесь организовать!

Если бы это осенью было, я его, голубчика «босоногого», на колбасу отправил бы, а теперь не стоит с ним заниматься: сала нет, на шкуре шерсть редковата... А покараулить из интереса можно...

Оделся потеплее. Ружье взял для всякого случая. Выбрал местечко под липовым кустом недалеко от дерева. Солнце уже спряталось за вершины леса...

Посматриваю на лес, на поляну, на лежащую ель. И что же вы думаете? По стволу сухого дерева что-то маленькое бежит. Остановилось. Потом прыжками побежало к макушке. Оказалось, белочка, в зубах держит гриб. Присела, поставив хвост трубой. Скакнула на землю, потом на дуб и была такова... Вот, оказывается, чьи грибы.

Но все же продолжаю наблюдения. На небе первая звездочка зажглась. Стволы деревьев слились в сплошной забор. Слышу, кто-то возле лежачего дерева чавкает, как свинья. Пригляделся, а это «босяк» пришел ужинать подвяленными грибами белочки.

«Босяк» поел грибов, походил возле ели, посопел и ушел. И я домой отправился.

Иду домой и дорогой думаю: «Чьи же в самом деле грибы: босяка или белочки?» Решил дознаться.

На следующее утро проснулся рано — «еще черти на кулачки не бились». Пришел на свое место.

Сижу. Заря заиграла. Стволы деревьев отделились один от другого. Где-то упала на землю, должно быть, еловая шишка и стукнула, как гиря. Над головой пискнула синица. В кустах завозилась мышь. Вдруг недалеко хрустнул сухой сучок. Потом еще... Из-за кустов, переваливаясь с ноги на ногу на задних лапах, вышел мишка. В сложенных на груди лапах белела кучка грибов. Подошел к лежавшему сухому дереву, нагнулся над ним, раздвинул лапы; грибы посыпались на ствол ели и на землю.

Потом стал на четвереньки, почесал бок о сук дерева и ушел вглубь. Теперь понял, чьи были грибы?..

А сейчас расскажу про белочку. Был я как-то еще раз возле поляны, где лежит сухая ель. Дай, думаю, отыщу воровку грибов. Обошел тот дуб, куда она вечером скрылась с грибами... Смотрю: возле ствола, ближе к макушке, гнездо беличье. Раз гнездо здесь, где-то поблизости должна быть и кладовая.

Неподалеку стоит высокая, тонкая сухая ель с множеством мелких сучков. Подошел ближе. На сучках нанизано около десятка грибов. Некоторые зажаты между веточек. Стою и разглядываю кладовую воровки, а над головой у меня в ветвях что-то зашевелилось. Глянул туда, а белочка, обхватив передними лапками сучок, выглядывает из-за него, поблескивая черными, как ягоды черники, глазками.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Чеховское почтовое отделение

В 1892 году А. П. Чехов перебрался из Москвы в приобретенное им в 9 верстах от станции Лопасня, Московско-Курской железной дороги, имение Мелихово. И тотчас отсюда устремился поток чеховских писем. Писатель давал знать родным и знакомым о своем новом местопребывании.

«Добрейший Евграф Петрович,— сообщал Чехов 4 марта 1892 года давнишнему своему знакомому Егорову,— пишите мне теперь по такому адресу: ст. Лопасня, Моск. Курск. дор. А. П. Чехову».

В Лопасне тогда не было почтового отделения. Простая корреспонденция поступала к дежурному на железнодорожную станцию, и он выставлял эту корреспонденцию на полках висевшего на стене шкафа.

Антон Павлович предупреждал, чтобы ему не направляли в Лопасню заказных корреспонденций. Это страшно затягивало процедуру их получения.

«Вам должно быть известно, сударыня, что заказных писем нельзя посылать на железнодорожные станции».

(Из письма писательнице Е. М. Шавровой от 30 марта 1892 года.)

«Присылайте Ваш рассказ, но не заказным письмом,— вторично напоминает Чехов этой же писательнице,— а простым. Заказное уйдет в Серпухов и будет лежать там, пока сотский не соблаговолит принести с почты объявление, потом уйдет и через 2—3 недели возвратится с письмом».

В мелиховский период Чехов, как известно, занимался не только литературой, но и многообразной общественной деятельностью. Антон Павлович — организатор помощи голодающим, врач, руководитель молодых авторов, их добрый и мудрый советчик. Чехов строит в уезде школы, дороги и мосты, участвует в борьбе с эпидемией.

Лопасня обязана Чехову тем, что здесь было открыто почтовое отделение. Антон Павлович лично хлопотал об этом, а впоследствии трогательно заботился, чтобы молодое учреждение приобрело популярность и материально окрепло.

В письме к редактору журнала «Нива» А. А. Тихонову (Луговому) 28 декабря 1895 года Антон Павлович пишет:

«...С нового года у нас открывается почтовое отделение (Лопасня, Моск. губ.) с ежедневной выдачей корреспонденции; стало быть, с нового года я начну аккуратно отвечать на письма».

Итак, почтовое отделение в Лопасне начало существовать с 1 января 1896 года. Множество чеховских писем этого периода имеют приписку:

«У нас на Лопасне открылось почтовое отделение. Адрес теперь такой: Лопасня, Московской губ.».

Чехов — частый посетитель почты. Писатель проявляет живой интерес к ее работе. Он заботится о том, чтобы учреждение оправдало себя и не было закрыто. Чехов покупает почтовые марки и бланки только в Лопасне. Он рекомендует это делать всем своим друзьям и знакомым, приезжающим к нему из Москвы.

Вскоре в Лопасне открывается телеграф, и Антон Павлович подготавливает здесь эффект получения первой телеграммы. Для этого он заранее списывается с одним из своих знакомых и просит его прислать по проводам приветствие из Петербурга.

☆ ☆ ☆

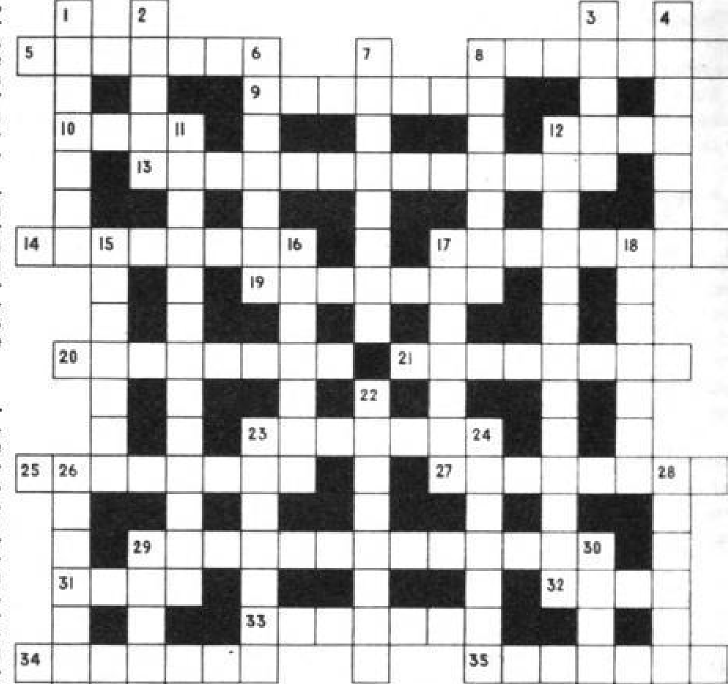
...Шестое десятилетие существует Лопасненское почтовое отделение, открытое хлопотами великого русского писателя А. П. Чехова. Современное здание почты, конечно, не похоже на прежнее. Вместо приземистой избушки вырос каменный дом. В нем размещены почта, телеграф, телефон. За стеклянными перегородками установлена новая мебель. В ближайшее время здесь открывается чеховский уголок. Под портретом великого писателя будут помещены выдержки из писем Антона Павловича, характеризующие его общественную деятельность в Серпуховском уезде, заботу об открытии в Лопасне почтового отделения. Этот уголок явится дополнением к уже существующему в Лопасненском районе (в Мелихове) чеховскому музею.

А. ТЕРЕНТЬЕВ

В Лопасненском почтовом отделении. Фото А. Фирсова

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Горнорабочий в руднике. 8. Русский шахматист. 9. Ответ к задаче. 10. Комнатное декоративное растение. 12. Звук от падения твердого предмета. 13. Признательность. 14. Руководитель предприятия, учреждения. 17. Верхнее течение реки. 19. Часть следуемой суммы, уплачиваемая вперед. 20. Нагревательный прибор центрального отопления. 21. Защитный покров некоторых беспозвоночных животных. 23. Автор романа «Северная Аврора». 25. Государство в Азии. 27. Начинающий пение, подхватываемое хором. 29. Описание своей жизни. 31. Вид искусства. 32. Левый приток Северной Двины. 33. Хищный зверек с ценным мехом. 34. Приспособление для черчения. 35. Радиоактивный элемент.

По вертикали:

1. Город в Грузинской ССР. 2. Изделие из луба, бересты для укладки и переноски предметов. 3. Отдельная часть скелета. 4. Чертежный и измерительный инструмент. 6. Предсказание. 7. Река в Средней Азии. 8. Одно из ранних произведений В. В. Маяковского. 11. Форма энергии. 12. Небольшое поэтическое произведение. 15. Инструмент для строгания дерева. 16. Советский гроссмейстер. 17. Упражнения для голоса без слов. 18. Город в Украинской ССР. 22. Газ. 23. Найденная вещь. 24. Героиня пьесы украинского писателя И. П. Котляревского. 26. Город в Тульской области. 28. Курорт в Крыму. 29. Часть часового механизма. 30. Возница.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Твардовский. 8. Мексика. 9. Вратарь. 13. Палех. 14. Иваново. 15. Сфера. 18. Ньютон. 19. Багаж. 21. Малайя. 22. Виола. 23. Архив. 27. Рябина. 28. Кенаф. 29. Имбирь. 30. Фикус. 31. Булавин. 34. Анонс. 37. Чиколев. 38. Черешня. 39. Кузьминский.

По вертикали:

1. Иваси. 2. Краков. 3. Остров. 4. Кисть. 6. Береста. 7. Профиль. 10. Калькуляция. 11. Книга. 12. Прейскурант. 16. Андижан. 17. Амфибия. 19. Балык. 20. Жираф. 24. Никулин. 25. Ангар. 26. Абонент. 32. Ущелье. 33. Ижевск. 35. Сосуд. 36. Зефир.

Польский юмор

РАВНОПРАВИЕ

США — страна равноправия. Есть там, правда, учреждения, куда неграм вход запрещен, но есть и такие, куда запрещен вход белым, если они приводят с собой негров.

СЛИШКОМ МНОГО

Во время очередных маневров группа американских солдат попала в отдаленную от дороги деревню на севере Франции. Неожиданно они были хорошо приняты, так как в этой деревне еще ни разу не видели американцев. Желая отблагодарить крестьян за молоко и сидр, один из янки покровительственно сказал:

— За это вы получите американскую помощь!

— Смилуйтесь, господин! — испуганно отвечал ему староста.— У нас и так уже в этом году была засуха и град...

ВСЕ ГОВОРЯТ...

В американском штабе одной из западноевропейских стран зазвонил телефон. Капитан Броун поднял трубку:

— Начальник специального отдела у телефона.

Откуда-то издали донесся голос: «Янки, убирайтесь домой!»

— Кто говорит?! — в бешенстве заорал капитан.

— Все говорят! — прозвучал ответ.

ЧТО СМЕШНОГО?..

Некий фабрикант познакомился с крупным чиновником из военного министерства в Вашингтоне. Они сели за покер. Фабрикант проигрывал огромные суммы; после каждого выигрыша чиновник громко хохотал. Наконец заинтересованный фабрикант спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему вы так много смеетесь?

— Потому что представляю себе вашу физиономию, когда вы узнаете, что я со вчерашнего дня больше не работаю в отделе военных заготовок.

Из польского журнала «Шпильки»

В этом номере помещены репродукции картин П. П. Рубенса «Портрет камеристки», «Возчики камней», «Голова старика» и четыре страницы цветных фотографий.

РАЗГОВОР НА АНТЕННЕ ТЕЛЕВИЗОРА

— Сейчас же приведи себя в порядок! Постесняйся хоть зрителей!

Рисунок Е. Гурова

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04423. Подп. к печ. 24/VI 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 494. Зак. № 1462. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Хорошее утро

Музыка Н. БУДАШКИНА

Слова Михаила РУДЕРМАНА

1.

Хорошее утро
Над синей волной
Встречает на вахте
Моряк молодой.

Он весточкой доброй
Обласкан, согрет, —
Прислала невеста
Сердечный привет.

В родную Каховку
Ко мне приезжай,

В степные просторы, } 2
В наш солнечный край! } раза

2.

И в отпуск приехал
Моряк молодой.
Идёт он с подругой
Дорогой степной.

И вспомнили оба
Отважных бойцов,

Бои за Каховку,
Победы отцов.

И слава героев
На подвиг зовет.

Хорошее утро } 2
Над степью встает! } раза

3

Он видит просторы,
Горячие дни.
Над новой Каховкой
Большие огни.

Он видит, —
Заря молодая горит.
Он слышит, —
Каховское море шумит.

И слышит он песню
Над синей волной...

Хорошее утро } 2
Над нашей страной. } раза

ЦЕНА 3 РУБ.